

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА
1989

ИСКАТЕЛЬ 2

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ **СВЕТА**
1989

В ВЫПУСКЕ:

Павел АМНУЭЛЬ
Роман ЛЕОНИДОВ

2

СУД
Повесть

Хелью РЕБАНЕ

30

ГОРОД НА АЛЬТРУСЕ
Повесть

Эрл Стенли ГАРДНЕР

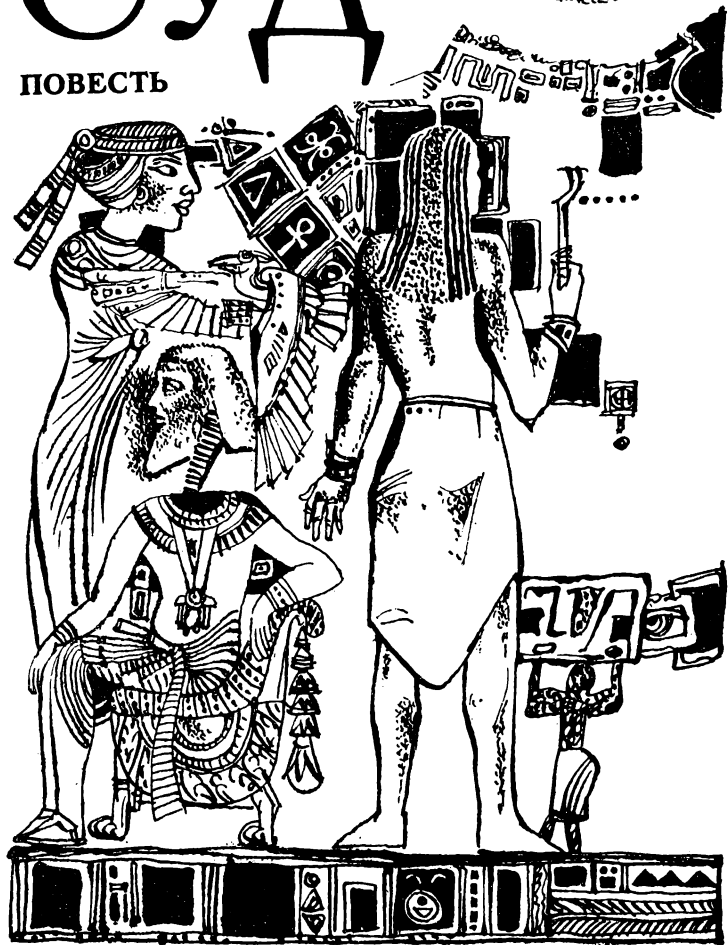
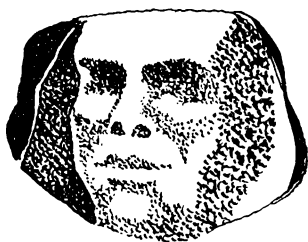
66

ДЕЛО НЕБРЕЖНОЙ
НИМФЫ
Повесть

Павел АМНУЭЛЬ
Роман ЛЕОНИДОВ

СУД

ПОВЕСТЬ

Художник МАКСИМ СВЕТЛАНОВ

Серебряный полумесяц — небесная ладья Озириса — заходил за горизонт. Минхотеп, лежавший на тростниковой циновке, протянул руку, пытаясь поймать ладонью блестящий рог луны. Полумесяц ускользал, он возникал то слева, то справа от ладони. Тогда Минхотеп понял, что у него дрожат руки.

Старость... Она подбиралась незаметно, и Минхотеп думал, что ее приход вообще минует его. Он любил удивлять учеников и раньше за несколько дней высекал на граните прекрасное надгробие. Кончилось. Шестьдесят пять лет — предел для скульптора. Великий Раоми, создатель пирамиды Хуфу, прожил меньше. Что ж, Минхотепу есть чем гордиться. Может быть, и его спустя много лет назовут великим создателем храма Хафры. Назовут ли? Его, Минхотепа, судьба похожа на судьбу фараона Джедефре: его так же быстро забудут. Уже забыли. Даже здесь, на копиях Каграта, в северной части Синайских владений, скульптора знают немногие. А ведь он прожил в нем больше тридцати лет. Каграт был хуже темницы, но имел по сравнению с ней одно преимущество: здесь Минхотеп мог спокойно работать...

Луна зашла. В осязаемо густом мраке звезды висели над головой, словно светляки. Минхотеп встал, подошел к краю плоской кровли одноэтажного дома, на которой проводил недолгие летние ночи. Селение спало, но в южной его части заметно было какое-то движение. Послышался цокот копыт, и два всадника проскакали мимо. Первый размахивал факелом, и скульптор успел увидеть на голове второго убор из страусовых перьев. Посланец фараона! Несомненно, что-то важное. Минхотеп побрел к своему ложу. Его не интересовали новости, исходившие от великого, милостивого, всеведущего, проклятого богами Хафры.

На лестнице послышался топот ног. На крышу поднялись ученики Минхотепа — Хатор и Сетеб. Голос Сетеба прерывался от сдерживаемых рыданий:

— Великий Дом умер!

Минхотеп равнодушно смотрел на юношей. Так вот какую весть принес гонец: фараон умер, и прах его посвящен Анубису¹. А разве это не означает, что он, Минхотеп, изгнанный волей Царя царей в глухую провинцию, вновь обрел свободу?

Хатор скорбным голосом начал рассказ.

— В этом году Яро² разлился широко. По этому случаю в Сильсилэ отправился торжественный кортеж фараона. Великий Дом согласно обычаю предков должен был принести жертву Птаху³. Но плодородный Яро нес не только жирный ил, в его водах плавали раздувшиеся трупы животных, дохлая рыба, ядовитые водоросли. Наутро после жертвоприношения у фараона начался сильный жар. Лекарши и жрецы пытались исцелить тяжкий недуг. Но три ночи спустя царь Верхнего и Нижнего Кемта⁴, Хафра, рожденный небом, порождение Сэба, бога земли,

¹ А н у б и с — бог — покровитель мертвых, а также некрополей, погребальных обрядов и бальзамирования.

² Я р о — Нил.

³ П т а х — в Мемфисе считался создателем всего сущего.

⁴ К е м т — древнее название Египта.

ушел в страну Озириса, повергнув в печаль свой осиротевший народ.

Хатор умолк. Сетев бессвязно бормотал молитву. Решение пришло неожиданно, и Минхотеп поднялся во весь рост. Голос его звучал спокойно, даже торжественно:

— Хапи¹ взывает к справедливости. Я иду в столицу. Нужно исполнить священный обычай предков, перед которым равны боги и смертные².

Редко кто шел в Меннефер³ через горы на юго-запад от Синайской пустыни. Поход через пески опасен, но такая опасность привычна для жителя Кемта. Солнце и жажда — с этим каждый учится бороться с детства. В Магхаре к ним прибавлялась третья трудность — горы.

Ученики не осмелились возражать, а Минхотеп не объяснил им причину своего решения. Он был в Магхаре несколько раз, правда, давно, в молодости, когда следил за обработкой известняковых плит, предназначенных для гигантской статуи Гора⁴. Вышли они с рассветом, но к полудню Минхотеп устал и уже едва передвигал ноги. Скульптор шел и с привычным отворачиванием вспоминал слова из заветов отца сыну, слова, которые он, как и все, заучил наизусть еще шестилетним ребенком:

«Смотри, это фараон! Пока мы утром спим еще, он уже бодрствует и заботится о нас. Пока мы предаемся удовольствиям, он сидит за работой, за работой для нас. Он заботится о поддержании каналов, он распоряжается постройкой храмов, он бдит над нами, чтобы не было сделано несправедливости, и защищает нас от произвола. Он оказывает милости там, где закон карает неумолимо. Кричи громко, во весь голос кричи: хвала Сыну солнца, хвала, хвала!»

Слова эти давно потеряли для Минхотепа всякий смысл. Он говорил «фараон», но уже не ощущал при этом трепета. Говорил «Сын солнца», а сам думал: скорее сын Гатгара, бога тьмы, заблудший, нелюбимый сын.

Минхотеп не мог заставить себя думать о Хафре с почтением даже теперь, когда фараон ушел в мир теней. Не мог, потому что знал. Это знание много лет лежало на его плечах тяжелым бременем, но так ли необходимо избавляться от него сейчас? Нужно ли, чтобы тот, кто верил, начал сомневаться, а тот, кто сомневался — начал проклипать? Нужно ли людям знать всю правду о своем владыке?

¹ Хапи — судья — прозвище Озириса.

² Минхотеп имеет в виду Суд над мертвыми. Фараон не мог быть погребен, пока весь народ не произнесет над ним Суд. При жизни фараон считался непогрешимым, слова его были законом, но тем страшнее оказывался Суд, ибо речь шла о самом важном для египтянина — о почетном погребении. Если на Суде хоть один человек справедливо указывал на какую-то неискупленную вину умершего, в почетном погребении отказывали. Гроб вставляли в нишу в стене в жилом покое — напоминание для детей и внуков. Было только одно средство избавиться от трупа: письменное отпущение от того, чей голос был против погребения. Подобный Суд производился над каждым умершим, но для частных лиц имел гораздо меньшее значение: ведь их можно было наказывать и при жизни.

³ Меннефер — Мемфис.

⁴ Гор — сын Озириса и Изиды.

Минхотеп никогда не рассказывал ученикам о днях своей молодости. Хатор и Сетерб были слишком юны и слишком чтили власть, чтобы понять его. Хатор умен и сам когда-нибудь придет к тем же мыслям, что и учитель, поймет лживость канонов «Книги Меонг». Хотя «Книга Меонг» священна и нарушение ее канонов считается святотатством. Но Сетерб... Неглуп, расторопен, однако нет в нем того, что Минхотеп называл «душой души», нет искры, которая делает человека творцом. «Книга Меонг» — его идеал именно потому, что показывает удобную дорогу в жизни.

Мужество сойти с этой дороги дано немногим. Минхотеп свернул с нее, прошел через муки и изгнание, но не жалел об этом. Он пристально вглядывался в лица учеников, нередко верил им, чаще — сомневался...

Когда полуденная жара стала невыносимой, Сетерб отыскал небольшую пещеру. В ней была тень, и камни еще не успели прогреться. Минхотеп сел, прислонился к шершавой стене.

Тихий насмешливый голос, прозвучавший из темноты пещеры, заставил юношей, присевших рядом с учителем, вскочить на ноги.

— Людям становится тесно в этом мире?

Из темноты выступила низенькая фигура старика в изорванном хитоне. Отстранив Хатора, преградившего ему путь, отшельник склонился над Минхотепом и, ощупав его изрезанный морщинами лоб, сказал:

— Твой дух намного крепче тела. Лучшее средство против усталости — глоток вина Эрп-Ен-Тапе. Оно охлаждает кровь.

— У нас нет ничего, кроме воды, — пробормотал Сетерб.

— Что же заставило тебя идти через горы? — спросил отшельник, обращаясь к Минхотепу.

— Возмездие, — ответил скульптор.

Хатор вздрогнул. Так вот какова цель встречи с ним: не поклонение и не любовь, но месть?! — подумал юноша, и ему стал понятен смысл слов, произнесенных учителем в ту роковую ночь, когда посланец фараона примчался в Каграт: «Я должен исполнить обычай предков...»

Спокойный голос отшельника прервал мысли Хатора:

— Кто он? В чем его вина перед тобой?

— Вина передо мной?.. Вина не заставила бы меня пуститься в далекий путь, — ответил Минхотеп. — В тысячу раз хуже незаслуженная награда, которая ожидает его.

— Награда? — повторил отшельник и презрительно перечислил: — Почет, слава, женщины, власть, деньги...

— Бессмертие, — Минхотеп посмотрел на высокий свод пещеры. — Для всех, кто придет после нас, он будет олицетворением справедливости...

— Я догадываюсь, кто он, — сказал отшельник. — Неужели ты думаешь, что правду можно скрыть во мраке времен?

— Ах, старик, разве ты не знаешь слов, начертанных в храме Озируса на острове Филэ?! — воскликнул скульптор. — «Минует все быстротечное, и рухнет владычество Кемта, погаснут жертвенные огни, исчезнут храмы, и останутся от нас только басни и более ничего». Послушай же одну из этих басен, я все равно хотел рассказать ее ученикам...

Много лет назад, когда я был молод и учился искусству у мудрого Раоми, Кемтом правил великий фараон Хуфу. Царь царей был в то время уже глубоким стариком и часто глядел в сторону города мертвых, где возвышалась его пирамида. Во всем Кемте не было человека, почитаемого больше, чем мой учитель, создатель этого каменного исполина.

Мы с учителем жили во дворце фараона в специально отведенных покоех, потому что Царь царей мог в любую минуту призвать к себе своего скульптора и строителя.

Ты, старик, возможно, помнишь дни, когда в Меннефер с победой вернулся полководец Ипу и привел семнадцать тысяч пленных нубийцев. Среди них были знатнейшие люди побежденной страны. Ипу захватил главный город Нубии и сжег его дотла.

Большинство пленников были посланы на каменоломни в Турру, где добывался камень для усыпальниц и храмов. Пятьдесят рабов отобрал себе верховный сановник Фалех. Сын убитого чужеземного царя чистил горшки на кухне, а дочь нубийского казначея верховный сановник сделал своей наложницей.

Пленного царевича звали Ахром. Ему было двадцать лет, немногим меньше, чем мне. Вряд ли я обратил бы внимание на этого раба, но учитель как-то указал мне на него со словами:

— Видишь этого юношу? Какое сильное у него лицо! Став царем, он превзошел бы всех жестокостью и коварством. Он и здесь опасен, потому что отлично разбирается в интригах.

Раоми помолчал и добавил:

— Я хочу, чтобы ты вылепил скульптуру этого человека.

Я опешил — мне, создававшему царские статуи, делать скульптуру раба? — и хотел возразить, но учитель крепко сжал мне запястье и сказал:

— Ты сделаешь это, Минхотеп!

Я не смел ослушаться, и в тот же вечер, когда Раоми отправился на вечерний прием, начал работу.

Ты знаешь, старик, что искусство Кемта уходит корнями во времена, когда боги только создали мир и учили людей ремеслу. Боги передали людям правила изображения мира, которые записаны в виде канонов «Книги Меонг». Трудно представить, чем было бы искусство Кемта без этой книги. Каждое поколение художников воспитывается на «Книге Меонг», и любую работу мастер начинает с того, что вспоминает нужный канон.

Наши мастера почти никогда не рисуют чужеземцев. Кемт — вот та почва, на которой они выросли, вот тот мир, который они могут изобразить на папирусе или в камне. Сами художники редко задумываются над этим. «Книгу» дали людям боги, кому придет в голову обсуждать повеления Озириса?

Подумав, я решил: если лицо нубийца не соответствует канонам, тем хуже для нубийца.

Я принялся за работу, и в несколько дней глиняная заготовка была вчерне вылеплена. Как требовали каноны, я разделил статую в высоту на восемьдесят семь частей, из которых тридцать пришлось на голову, сорок три на ноги... Вылепил лицо, ничуть не похожее на лицо нубийца, и велел привести Ахрома.

Раба привели и усадили передо мной. Ахром сидел смирно,

но смотрел на меня гордо и вызывающе. Меня бесило, что он видел мое смущение и понимал его причину. Несколькими движениями я принял у скульптуры нос и подбородок, постарался придать лицу оолее варварское выражение, не нарушая, однако, классических пропорций, и объявил, что работа закончена.

Ахрома увели, и мне показалось, что молодой пубиец остался доволен своим изображением... Из дворцового храма послышалось пение жрецов: фараон приступил к вечерней молитве. Отворилась дверь, вошел Раоми. Учитель долго смотрел на статую.

— Настало время, — сказал он наконец, — когда ты достиг такого совершенства в своем творчестве, что в слепом поклонении магическим числам дошел до нелепости. Даже лицо варвара, само по себе прекрасное, ты мыслишь как жалкое подобие кемтского.

Я был поражен, услышав, что учитель называет прекрасным лицо раба, но то, что Раоми сказал дальше, повергло меня в ужас:

— Запомни, Минхотеп, одну-единственную мудрость: нет правил, нет канонов, все это ложь. Разве живое человеческое лицо собрано по канонам «Книги Меонг»? Нет! И это не уродует его, но делает более прекрасным... Ты знаешь, Минхотеп, я изъездил всю страну в поисках редких пород камня. Однажды в каменоломне Суана обвалилась гранитная глыба, и на моих глазах погиб молодой раб-ливиец. Видя, с каким равнодушием отнеслись к смерти его товарищи, я склонился над юношей, чтобы он не умер в одиночестве, как пес. Я закрыл мертвецу глаза, но не мог успокоиться. За несколько дней из обломка той глыбы, что убила раба, я высек его лик, заставив себя забыть каноны и пропорции «Книги Меонг». Да, я кощунствовал! И знал: если мою работу увидит хоть один жрец, этого будет достаточно, чтобы оставить меня в Суане навсегда... Утром я вышел из шатра, чтобы при первых лучах солнца посмотреть на законченную работу. Я увидел старика с дряблым телом, изъеденным язвами. Он плакал и целовал скульптуру в каменный лоб. Надсмотрщик сказал мне, что это отец погибшего юноши. Старик бросился мне в ноги, точно я вернул ему живого сына...

Раоми умолк. Пение жрецов доносилось все отчетливее сквозь завесу тонких тканей. Учитель направился к двери, на пороге остановился и сказал:

— Истине нельзя научить, Минхотеп. Она рождается и умирает в душе человека. Ее нужно открыть. И если ты хочешь постичь ее тайны, найди к ней путь... даже если этот путь ведет к гибели.

Раоми ушел в свои покои, оставив меня в лихорадочном волнении. Я вышел в сад, чтобы подумать над словами учителя.

Ночь была лунной, прохладной. У священного бассейна я опустился на холодную плиту, нагнулся к воде, пытаюсь разглядеть сверкающие плавники золотых рыбок. Неожиданно брызги попали мне в лицо. Я поднял голову. Рядом стояла Юра, дочь верховного сановника Фалеха. Заметив мое смущение, она тихо засмеялась:

— Что ты здесь делаешь?

— Думаю, Юра.

— Вот оно что! Ты лепишь раба, а обо мне не вспоминаешь!
— Я помню о тебе, Юра. Скоро я сделаю твою статую, и она будет самой прекрасной из всех...

В лунном свете лицо Юры показалось мне высеченным из белого мрамора, и я решил запечатлеть ее именно такой: задумчивой, чуть улыбающейся девочкой. Но мне не удалось тогда осуществить свой замысел, потому что утром умер божественный Хуфу. Страна погрузилась в траур. Фалех увез Юру в свое поместье, и я больше не встречал ее у священного бассейна, даже потом, когда во дворце вновь наступило спокойствие, и на престол взошел молодой Джедефре.

В одну из первых недель своего правления Великий Дом призвал к себе учителя и меня. В тронном зале собрался Большой совет. По правую руку от фараона стоял верховный жрец, по левую — верховный сановник Фалех. У трона толпились номархи, государственные советники, жрецы храма Ра. Но, едва мы вошли, мне бросилось в глаза, что чуть позади Фалеха стоял Ахром и что-то записывал в свиток папируса. Куда делось тряпье, которое он носил после своего пленения? Он был одет, как придворный.

Мы приблизились к трону и преклонили колени. Царь царей был бледен, казался уставшим. Он заговорил тихо, не глядя в нашу сторону:

— Вступив на трон, мы хотим, как и наши предки, оставить о себе достойную память. Тебе, Раоми, мы предлагаем приступить к сооружению новой усыпальницы в городе мертвых близ пирамиды нашего великого отца. Сто десять тысяч рабов в твоей власти, мой скульптор и строитель Раоми.

Учитель, казалось, воспринял новую почесть как должное. Каково же было мое изумление, когда Раоми обратился к фараону:

— Честь, оказанная мне, безгранична. Но здоровье мое слабо. Я знаю, что не доживу до конца работ. Рядом со мной стоит юноша, чей талант много больше моего. Пусть Царь царей поручит ему священный заказ.

Верховный сановник что-то сказал на ухо фараону. Лицо Великого Дома было лицом статуи, которой совершенно все равно в этом мире. Но зато раба Ахрома живо заинтересовали слова Фалеха. Он весь напрягся, вытянул шею. Когда Фалех вернулся на место, раб сказал вполголоса, но во внезапно наступившей тишине его гулкий бас слышали все:

— Молодая антилопа покладистее старого шакала.

Раоми схватился за рукоять тема¹, висевшего у него на поясе, повернулся и быстро вышел из зала. Я бросился за учителем, но голос верховного жреца заставил меня остановиться:

— Раоми совершил кощунство, отказавшись выполнить волю Царя царей. Совет жрецов решит судьбу Раоми.

Верховный сановник продолжал, когда жрец умолк:

— Ты талантлив, юноша, ты возведешь усыпальницу.

Фараон кивнул и встал. Прием закончился. Я выбежал из тронного зала, перехватив насмешливый взгляд Ахрома. По-

¹ Тем — оружие древних египтян, палица в сочетании с топором.

мчался к учителю, чтобы передать ему слова верховного жреца, но Раоми не дал мне говорить:

— Я знаю все, — сказал он. — Жрецы давно хотят избавиться от меня. А теперь представился случай. Они могут обвинить меня в кошунстве, даже если я возьмусь за строительство усыпальницы. Ведь я стар, могу умереть до окончания работ, пирамида останется недостроенной. Они все обдумали, Минхотеп...

Совет жрецов решил судьбу учителя. Раоми вышел проводить меня, мы попрощались, и я ушел, глубоко задумавшись. Сзади слышались крики, я обернулся. Учитель лежал на камнях, убийцы склонились над ним. Я крикнул и бросился назад. Увидев меня, убийцы разбежались. Раоми был мертв, тем торчал у него между лопаток. Я рыдал, как женщина, и в конце концов упал в беспамятстве.

Я провалялся в болезни две недели. Сначала бредил, и мне виделись ожившие памятники, потрясавшие каменными руками, каменные лица с нубийскими приплюснутыми носами хохотали гулким смехом...

Богам было угодно, чтобы, едва я начал понемногу вставать с постели, ко мне явился сам верховный сановник Фалех. Меня призывал Царь царей. Зачем?

Слуги повели меня под руки, а Фалех шел рядом и говорил:

— Раоми понес заслуженную кару, ибо перед богами равны и простой землепашец, и великий скульптор. Царь царей даст тебе новый заказ. Но ты не должен удивляться. Ты должен помнить: то, что происходит в Кемте, угодно богам...

Когда мы подошли к тронному залу, слуги отпустили меня, и мы с верховным сановником вошли вдвоем. Я поднял голову к возвышению, на котором стоял трон, и посреди зала упал на колени, ибо силы оставили меня, когда я увидел.

На троне владыки Кемта восседал, величественно подняв голову, осененную уреем¹ нубиец Ахром.

— Раб?! — вырвалось у меня. Лица писцов вытянулись, а нубиец, отшвырнул в сторону кнут и связку прутьев — символы царской власти — бросился на меня. Схватив меня за волосы, он прохрипел:

— Ты — мой раб! Ты — мой пес! Стоит мне пожелать, и тебя раздавят!

Ахром был смешон в эту минуту гнева, потому что до сих пор фараоны вершили дела как боги — одно короткое слово, один скупой жест... Нубиец понял свою ошибку, вернулся к трону.

— Но ты не умрешь, — сказал он. — Нам нужно твоё искусство. Я, Хафра, владыка Верхнего и Нижнего Кемта, сын Озириса, нареченный брат Хуфу, повелеваю тебе, Минхотеп, высечь мою статую для тронного зала с тем, чтобы эта статуя стала образцом для всех последующих скульптур, рельефов и изображений.

— Я выполню все, что ты приказал, о владыка, и да будет вечно сиять твоё величие над страной Озириса, — то был шепот Фалеха, достаточно четкий, чтобы его мог услышать тот,

¹ У р е й — корона царя Верхнего и Нижнего Египта.

кому он предназначался. Я понял, что спасло меня от мести нубийца: глиняная модель, которую я вылепил по приказу учителя. Сейчас, когда случай так странно вознес раба над смертными, Ахром понимал, что только искусство скульпторов, художников и писцов придаст ему то неземное совершенство, которое неспособны дать ни самые стремительные колесницы, ни несметные сокровища, ни победы над ливийцами...

Мне пришлось повторить вслед за Фалехом: «И да будет вечно...» Я был слаб, очень слаб. И предал учителя.

Только впоследствии мне стали известны кое-какие подробности возвышения Ахрома. Дворцовые тайны хранились свято, ничто не могло открыть их потомству: ни пирамиды, ни храмы. В печах сгорали папирусы, стирались в пыль таблицы, стачивались неудобные надписи на вечных камнях пирамид и склепов. Вот почему истинная причина гибели молодого Джедефре и стремительного возвышения Хафры никогда не будет раскрыта.

В детстве Джедефре воспитывался не жрецами, а неким мудрецом Шамаилом, которого покойная царица дала в наставники сыну. Шамаил внушал царевичу отвращение к золоту и войнам, любовь к искусству и поэзии. Совет жрецов обвинил мудреца в святотатстве и сослал в каменоломни Силили, где тот вскоре погиб. Джедефре отдали под надзор жрецов храма Птаха. Но наследник возненавидел своих новых наставников за убийство Шамаила, и жрецы усердно молили богов, чтобы те продлили бесценную жизнь Хуфу. Но этого было мало, и верховный жрец Хаорес подумывал о смене династии. Он мог сам стать фараоном, но тогда получил бы могучего противника в лице верховного сановника. Возникла бы смута, война — этого жрецы не хотели. Тогда они обратились к Фалеху. Поразмыслив и посоветовавшись, верховный жрец и верховный сановник решили посадить на престол человека, полностью покорного их воле. Управлять Кемтом, оставаясь в тени. Вот тогда-то многоопытный Фалех и вывел в свет нубийца, заметив в Ахроне — все же он был сыном царя — удачное сочетание властолюбия, сметливости, завистливости и покорности богам.

Ахрома-Хафру представили как нареченного брата Хуфу, который юные годы провел в жреческой школе храма Ра. Выдать нубийца за жителя Кемта нелегко, и Хафра первое время не покидал пределов дворца. Потом выход был найден: слой румян, накладная борода... Издалека нубийские черты лица владыки, оставшегося рабом, не бросались в глаза. А вблизи... Владыку видят не таким, каков он на самом деле, а таким, каким его изображают художники, скульпторы, писцы, сказители. Они должны были создать Хафру для народа Кемта. И создали. Я был среди них. Более того: я создал новый канон. Наверно, мой поступок достоин презрения, но тогда все виделось мне в ином свете, а многого я просто не понимал. Судите сами.

Помню: из тронного зала меня вывели все те же слуги, посадили в повозку и куда-то долго везли. Соображал я плохо и весь дрожал. Забылся тяжелым сном и очнулся в комнате с широким окном, затянутым тонкой бронзовой сеткой. В этой комнате я провел десять дней, не видя никого, кроме рабов, приносивших мне еду и воду. Силы вернулись ко мне, но на душе было тяжело.

Лишь на одиннадцатый день вместо раба на пороге появилась девушка с черными волосами и тонкими руками.

— Кто ты? — спросил я.

— Иддиба, рабыня дочери верховного сановника Фалеха. Госпожа хочет видеть тебя.

Мы вышли в сад. Рабыня быстро шла по запутанным тропинкам. Деревья расступились, открыв небольшой пруд с белыми кувшинками. В воздухе пропела стрела и вонзилась в ствол акации. Возле пруда появилась Юра с луком в руках.

— Испугался? — воскликнула она, довольная своей шуткой.

— Нет, госпожа. Где я, что все это значит?

— Иди за мной, Минхотеп.

В дальнем конце сада стояло невысокое строение с решетчатыми окнами. Вслед за Юрой я вступил в сводчатое помещение, пол которого был устлан мягкими циновками.

— Здесь все для тебя, Минхотеп, — сказала Юра. — Но помни: ты обещал мне скульптуру.

Я огляделся в восхищении. Какой скульптор остался бы равнодушным при виде великолепно оборудованной мастерской? Здесь были тяжелые медные пилы с резными рукоятями, сверлильные трубки, нефритовые кувалды, бронзовые стамески, полировочный песок из Магхара и драгоценные резцы с алмазами. На деревянных подпорках стояли две заготовки для парадных статуй: одна из белого мрамора, другая из редкого пятнистого мрамора «митт», который впоследствии назвали «камнем Хафры». У окна я увидел и две глиняные заготовки. Теперь я понял, чем был вызван мой вынужденный переезд в имение Фалеха. Срочность заказа фараона заставила верховного сановника создать у себя эту мастерскую. Впоследствии мне стала ясной и дальняя цель заказа Царя царей, цель, о которой в то время я не мог и догадываться.

— Эти инструменты — подарок отца, — сказала Юра, — а лучшие подмастерья помогут тебе выполнить заказ Великого Дома и... обещание, которое ты дал мне.

Я понял, что она многого не знает, и решил не открывать ей того, чему сам стал свидетелем.

— Мое сердце у твоих ног, госпожа, — сказал я.

С этого дня я начал работать над двумя статуями под неусыпным наблюдением подмастерьев Хирама и Джхути, которых с удовольствием колотил при каждом удобном случае. Работал быстро. Если одну из скульптур — фараона — надлежало выполнить, точно соблюдая все каноны, то вторую никто не мог помешать мне высечь так, как я хотел. Работая, я размышлял о том, что умею, оказывается, меньше, чем какой-нибудь раб из Вавилона. Как-то Раоми показывал мне привезенную с далекого севера вещицу: вырезанную из кости головку девушки. Лицо северной красавицы, удлиненное, с острым профилем. В то время я не смел признаться самому себе, что никогда не видел лица более прекрасного, и упорно твердил, что это работа варвара, что даже смотреть на нее — кощунство...

Когда обе статуи были почти готовы, я бросил работу. С утра до ночи бродил по саду, хотел видеть Юру и встретил ее в одном из коридоров дворца. Вероятно, я выглядел довольно странно, потому что Юра подбежала ко мне:

— Что случилось, Минхотеп?

— Я почти закончил работу. Осталось самое важное, мне хочется, госпожа, чтобы ты была со мной.

Мы вернулись в мастерскую, и, усадив Юру у окна, я приступил к работе. Подмастерья пыхтели у меня за спиной, я чувствовал на себе их подозрительные взгляды. Иддиба принесла еду, мы немного поели и продолжили работу. Юра уснула, и лишь тогда до меня дошло, что уже ночь. Я разбудил Юру, проводил ее во дворец. Вернулся и прогнал подмастерьев. Они вышли и встали у дверей: было слышно, как они переговаривались.

Я работал до утра. В окне брезжил свет зари, когда я забился тяжелым сном, полным кошмарных сновидений.

Проснувшись, прежде всего увидел серые от ярости лица подмастерьев, а затем — Юру. Девушка смотрела на свое изваяние с испугом, сложив руки у подбородка.

— Минхотеп... Что ты сделал, Минхотеп? — тихо сказала она.

И только тогда, увидев свою работу при ярком дневном свете, я понял, что сотворил чудо. Мраморная Юра была живой. Лицо казалось грустным, углы рта были опущены, в них затаилась обида. Это лицо можно было узнать среди тысяч одноликих парадных статуй, потому что только оно жило своей, а не чужой жизнью. Да, это было чудо. И святотатство. Я надеялся найти в глазах Юры признание своей победы, но прочел в них лишь испуг.

— Ты сошел с ума, Минхотеп, — прошептала она.

Открылась дверь, и Юра исчезла.

— Господин, — мрачно сказал тощий Хирам, — мы не можем оставаться здесь.

— Убирайтесь, — приказал я.

Они вышли из мастерской на цыпочках, стараясь не касаться ни одного предмета. Отныне моя душа была предназначена Гатгару. Я знал, что обречен, но расставаться с жизнью мне не хотелось. И я понял, что должен делать. Увидел единственный способ, который мог не только спасти меня, но дать возможность создавать, я уже знал, какое это счастье — лепить людей так, как хочет душа.

Позавтракав плодами, запер дверь мастерской, взял резец и подошел к незаконченной статуе Хафры. Работал до вечера, а когда голод и усталость взяли верх, пошел во дворец в надежде найти Фалеха.

У порога мастерской я натолкнулся на Хирама. Пес, оказывается, стерег меня, как раба.

— Мне нужно видеть верховного сановника, — сказал я.

Хирам быстро залопотал, и я с трудом понял из его скороговорки, что Фалех в Меннефере, а завтра Царь царей, божественный Хафра, почтит своим присутствием дворец верховного сановника.

Такая удача мне и не снилась.

— Принеси еды, — потребовал я и вернулся в мастерскую. Отдохнув, взялся за работу и завершил ее лишь поздней ночью.

Утром, выйдя в сад, я увидел, что он полон людей: воинов,

сановников, жрецов. Меня окликнул жрец и призвал именем Великого Дома во дворец.

В большом зале стояло царское возвышение. Ахром-Хафра сидел на троне так непринужденно, будто на самом деле занял это место по праву рождения. Его лицо показалось мне более светлым, чем раньше. Приглядевшись, я понял, что это искусно наложенный грим. Рядом с фараоном стояли Фалех и верховный жрец. Нужно было пасть на колени, но я стоял столбом: ноги отказывались сгибаться.

Хафра усмехнулся:

— Ты, я вижу, не вполне оправился после болезни. Только этим я могу объяснить, что моя статуя еще не готова.

— Она готова, о владыка, — сказал я. — Она высечена из мрамора «митт»...

— Мы придем в мастерскую после совета, — кивнул Хафра.

Совет военачальников затянулся, и фараон со свитой появился в мастерской, когда солнце стояло у самой черты горизонта. В свите Хафры не было жрецов, и сам Царь царей выглядел рассерженным. Теперь моя жизнь зависела от случая.

Фараон подошел к своей статуе и не смог сдержать возгласа восхищения. Хафра был высечен сидящим на троне. Руки со сжатыми кулаками лежали на коленях. Голова, покрытая царским платком, гордо поднята кверху. Прямой нос, прижатые к голове уши и клиновидная бородка придавали лицу нубийца черты, которые делали фараона уроженцем Кемта!

Хафра бросил на меня один только взгляд, и я понял, что спасен.

— Это я, — коротко сказал Царь царей.

Что ж, это оказалось правдой. С того дня Хафра стал таким, каким был изображен. Дворцовые умельцы изготовили изумительной работы маску, о существовании которой знали очень немногие, а те, кто догадывался, не смели говорить. Все дальнейшие изображения фараона, кто бы ни делал их, были лишь точной копией моей работы. Мной действительно был создан канон. Я не думал об этом, спасая свою жизнь, но так получилось: я, скульптор Минхотеп, сотворил того Хафру, какого тридцать лет знал и любил народ Кемта...

Насмотревшись на собственное изображение, Хафра подошел к статуе Юры. Он стоял перед ней очень долго. Солнце зашло, мастерская погрузилась в полумрак. Хафра громко сказал:

— Девушка прекрасна. Кто она?

— Это скульптура моей дочери Юры, о владыка, — ответил Фалех, — но я нахожу...

— Почему я раньше не видел твоей дочери? — прервал его Хафра. — Ты не приводил ее в мой дворец?

Помолчав, он добавил:

— Мы поговорим о ней позднее, сановник.

Фалех поклонился. Фараон обратился ко мне:

— Я доволен, Минхотеп. И велю выставить свою статую в тронном зале в Меннефере. Тебе поручаю начать строить в городе мертвых усыпальницу, достойную Царя царей. В помощь я вызвал из Она¹ строителя Ментаха.

¹ Он, или Северный Он, — древнее название Гелиополиса.

С этими словами Хафра покинул мастерскую.

После ухода фараона я долго искал Юру в саду и во дворце. Вернулся к себе и здесь застал Иддибу.

— Где твоя госпожа? — воскликнул я.

— Госпожа, — голос Иддибы дрожал, — не сможет увидеться с тобой. Моя госпожа — невеста Великого Дома. Это решилось сейчас. Мы переезжаем в Меннефер. Госпожа велела передать тебе амулет. Просила, чтобы ты всегда носил его в память о ней.

Я увидел тонкую золотую пластинку на цепочке. На одной стороне амулета было выбито имя Озириса, на другой — божество сфинкса. Изумительная древняя работа. Неожиданно мне показалось, что сфинкс улыбается странной и непонятной улыбкой. Улыбкой нубийца...

Наступил вечер, но в пещере было довольно светло, потому что взошла луна. В ее свете можно было разглядеть жалкое ложе отшельника, несколько кувшинов с водой и пищей.

Минхотеп лежал, закрыв глаза. Отшельник стоял над ним, сложив на груди короткие руки. Хатор, сидя подле Минхотепа на коленях, смачивал лоб скульптора влажной тряпочкой. Отшельник нарушил молчание:

— Учитель ваш ослаб. Пусть отдохнет. Я продолжу его рассказ. — И, увидев удивленные лица юношей, добавил: — Да, я — Ментах, бывший зодчий фараона, строитель царской усыпальницы.

Хатор так и впился взглядом в хмурое скуластое лицо отшельника. Он верил каждому слову учителя и ждал продолжения.

Сетеб притаился в глубине пещеры. Он тоже слушал, но что, кроме страха, ощущал Сетеб в себе? Еще и еще раз повторял он это страшное слово «святотатство» и видел, как душа его, обливаясь кровью, попадает в лапы Амамат¹, обреченная на вечные муки.

А отшельник, чьи не утратившие зоркости глаза заметили эту внутреннюю борьбу, начал говорить медленно, обращаясь, казалось, не к ученикам, а к Минхотепу.

Жреческая школа в Оне — лучшая в Кемте. Я попал туда в детстве. Должен был стать жрецом. Ничего не знал о своих родителях. Мне сказали только, что они были убиты. Война! Орды нубийцев напали на Верхний Кемт. Многих убили. Многих.

Меня учили, как устроен мир. Учили десятикратности человеческого «я». Учили, что нет людей выше жрецов. Учили повиноваться только гласу богов. Не учили меня одному: искусству строителя. Должно быть, великий Тот² в доброте своей сам обучил меня этому.

¹ Амамат — львица с головой крокодила, сидящая перед Озирисом во время загробного суда и ждущая подачки в виде отягощенных грехами душ.

² Тот — бог письма и мудрости.

Мне исполнилось шестнадцать. По моим указаниям перестроили правое крыло храма Ра. Я заслужил величайшую милость наставников. Был посвящен в первую ступень жреческого сана. Стал жрецом и продолжал оставаться строителем. В девятнадцать я прошел вторую ступень посвящения. Знал все, что может знать жрец. И кроме того, у меня был талант. Я скрывал свое презрение ко всему, чему меня учили. У меня не было друзей. Все дни я проводил в работе и молениях. Наставники не могли нарадоваться моему усердию. А между тем я был лицемером и вольнодумцем. Я не верил! Нет, не в богов, но в людей, их представлявших. Впрочем, я готов был и от богов отказать. Боги, которые прощают зло, — какой в них толк?

Однажды меня призвал к себе верховный жрец Ханусенеб.

— Слушай, Ментах, — сказал он, — Великий Дом, прослышав о твоих талантах, повелел мне подготовить тебя к строительству царской усыпальницы. Завтра ты отправишься в Меннефер.

Путешествие из Она в столицу оказалось легче, чем я ожидал. Меннефер привел меня в восторг. Дворцы знати, лагуны бальзамировщиков, ремесленников, горшечников. Непрístupный портик храма Птаха. Островерхий, с крылатыми сфинксами у входа, дворец фараона.

Тронный зал оказался узким, высоким. Потолок его терялся в темноте. Передо мной на возвышении сидел владыка Верхнего и Нижнего Кемта божественный Хафра.

Аудиенция продолжалась недолго. Я был наполнен впечатлениями. Слова Великого Дома с трудом доходили до моего сознания. Пришел в себя, когда носильщики вынесли меня из Меннефера. Вдалеке показалась вершина пирамиды Хуфу. Около пирамиды лагерем расположился отряд копеечников. Дальше слышался шум голосов, метался свет факелов. Это сто десять тысяч рабов — нубийцев, мидийцев, вавилонян — ожидали сигнала к началу работ.

Ко мне подошли двое. В одном я узнал жреца храма Птаха. Рядом стоял юноша немногим старше меня. При свете факелов лицо его казалось траурной маской. Я подумал, что такие лица неспособны улыбаться. Юноша смотрел на меня недоверчиво. Его приветствие было холодным. Пожелание долгих лет — нарочитым, неискренним. Он с первого взгляда не понравился мне.

Этим юношей был ты, Минхотеп.

— Скоро ты переменял свое мнение...

— Я думаю, — медленно сказал Ментах, — думаю, вспоминая и вижу. Передо мной растет гора камней... С востока тянется бесконечная вереница людей. В этой массе, будто живые, шевелятся глыбы известняка. Люди как река. словно плоты, камни плывут по ее течению. Растет кладка, рядом растет пирамида мертвых тел. Рабов не хватает. Фараон приказывает послать на строительство тридцать тысяч крестьян-должников. Свободных землепашцев, принужденных умереть ради величия Хафры. Я думаю, Минхотеп, и эта картина заслоняет от меня другое. Не могу вспомнить, когда мы решили вырубить Сфинкса.

— Это было, — сказал Минхотеп, — на седьмую осень после начала работ, когда на небе появился Себек¹.

— При чем здесь божественные предзнаменования, Минхотеп? Мне кажется, это произошло, когда строительство почтил своим присутствием фараон.

— Да, ты прав, Ментах... Но дело не только в посещении фараона. Сыграло роль появление Себека и еще то, что именно тогда рабы натолкнулись на скалу вблизи заупокойного храма. До этого разве я не старался казаться верным подданным? Разве не старался оправдать свое звание царского скульптора? Возле пирамиды, которую возводил ты, Ментах, я построил храм, впервые пробуя свои силы в строительстве. Внутренние стены храма облицевал полированными плитами из розового гранита, а в залах установил семьдесят фигур фараона из диорита, гранита, мрамора. И все скульптуры были подобны той, что я создал когда-то во дворце верховного сановника. Да иначе и нельзя было. Хафру дозволено было изображать только так. Никто и не представлял себе Царя царей иным. Народ любил владыку — ведь все великие дела приписывались ему. Он был для жителей Кемта как отец родной, этот нареченный брат Хуфу. Его и боялись, как боялся отца, строгого, но справедливого... Я ничего не забыл, Ментах, ты это хорошо знал, ведь мы часто говорили об этом, я ничего не забыл и не простил, но я ждал. Хотел, чтобы весь Кемт увидел, кому поклоняется.

Храм был готов, когда пирамида поднялась от земли на сто локтей. Стоял месяц паопи², Яро только что разлился, и к востоку от города мертвых виднелись покрытые мутной красной водой поля.

Жрецы устроили у пирамиды жертвоприношение в момент восхода звезды Сотис³. И тогда пронеслась весть: по пути из Сильсилэ, после молений богу Яро, строительство почтит своим присутствием владыка Верхнего и Нижнего Кемта.

Мы встречали Хафру, распростершись на песке у заупокойного храма. Помнишь, Ментах, ты старался разглядеть лицо нубийца сквозь тончайшую маску? Я не смотрел на Хафру, нет, я видел только молодую прекрасную женщину, стоявшую позади фараона. Это была Юра! Она видела меня, но, казалось, не замечала моего волнения. Лицо ее оставалось бесстрастным, оно совсем не было похоже на то милое, полное юной радости лицо, которое я запечатлел в мраморе и ради которого совершил святотатство.

Явилось ли посещение Хафры каплей, переполнившей чашу? Я ненавидел фараона, но дело было не во мне одном. Речь шла о Кемте, о попорченной чести страны, об осквернении богов. О людях, которые поклонялись не доброму, но строгому владыке, а жестокому властолюбцу. Беседы с тобой, Ментах, укрепили мой дух. К истине через святотатство, говорил Раоми. А ты, Ментах, сказал, что «Книга Меонг» придумана жрецами.

¹ Себек — бог-вечность, а также планета Меркурий.

² Паопи — месяц древнеегипетского календаря, соответствующий нашим июлю — августу.

³ Сотис — Сириус.

Есть один смысл в искусстве, говорил ты, этот смысл — правда. И в тот день, когда фараон, чрезвычайно довольный, отбыл в Меннефер, нам открылась правда.

Царский кортеж медленно исчез в песках, и с ним навсегда исчезла Юра, больше я не видел ее.

Еще утром я велел копать почву в двух хетах¹ от храма, чтобы начать оттуда закладку стены, опоясывающей усыпальницу. Солнце только-только опустилось. Мы с тобой, Ментах, стояли на холме и смотрели, как рабы заполняют камнями очередную ряд пирамиды. Я увидел надсмотрщика, который поднялся к нам и что-то кричал на бегу. Рабы у храма перестали копать, они стояли и смотрели в нашу сторону. Надсмотрщик вбежал на холм.

— Господин, — обратился он ко мне, — мы натолкнулись на скалу.

— Велика ли скала? — спросил я.

— Не знаю, господин.

— Выкопайте землю вокруг, узнайте размеры и форму.

Надсмотрщик побежал вниз, а ты, Ментах, удивленно спросил:

— Зачем тебе понадобилось окапывать скалу, Минхотеп?

— Я и сам не знал, мне казалось, что скала натолкнет меня на мысль, которую я искал долгие годы. Рабы поволокли корзины с песком, скала стала медленно показывать свои шероховатые грани. И тогда, Ментах, ты схватил меня за руку. Помнишь? Ты прошептал: «Смотри, Минхотеп, это Себек...»

Запад полыхал багрянцем, и в этой расплавленной массе плавала, дрожа, желтоватая крупинка.

— Это Себек, он светит нам, Минхотеп! Редко кто может похвастать, что видел его. Говорят, что людям, увидевшим Себек, открывается правда!

И мы, не сговариваясь, посмотрели туда, где из-под песка появлялись контуры скалы. Мы вместе подумали об одном, и я сказал:

— Статуя?

Ты покачал головой:

— Сфинкс!

Прошло несколько дней, и скала, окруженная копошащимися рабами, черной львицей легла меж изрытых дюн. Ее массивная бесформенная голова с тоскливой ненавистью смотрела на восток. Тогда, Ментах, ты сказал:

— Себек дарит нам Сфинкса, которого еще не видел Кемт. Нужно следовать естественной линии камня. Придется немного поработать, чтобы придать ему совершенную форму. Конечно, если Фалех даст дополнительные средства.

У тебя был практичный ум, Ментах. А я думал о том, что мое искусство должно будет проклясть не только фараона, но и то, что стояло за ним, — вековое невежество и страх, тиранию жрецов и сановников, продажность знати. Должно будет показать жалкую природу властителя, запрещавшего народные празднества, опустошавшего амбары крестьян, назначавшего непосильные налоги — все ради пирамиды. Показать Хафру в

¹ Хет — древнеегипетская мера длины, 1 хет=52 метра.

его истинном облике. Помнишь, Ментах, как мы обсуждали подробности? Неожиданно ты помрачнел. Минхотеп, сказал ты, нам не дадут довести дело до конца. Подмастерья мигом поймут, какого Сфинкса мы задумали ставить в городе мертвых. Остальное не нужно даже воображать.

— Необходимость — сестра мудрости, — сказал отшельник. — Как сохранить Сфинкса для тех, кто придет после нас? Я вспомнил маску на лице Хафры, о которой рассказывал ты, Минхотеп. Подумал: не закрыть ли и нам лицо Сфинкса алебастровой маской? Умело наложенные слои алебастра придадут статус кемтские черты и выражение лживого величия. Раскрасить по канонам: лицо коричневой охрой, бороду — синайской чернью, головной платок — синим шессилитом и ракушечной потравой. Такой Сфинкс ни у кого не вызовет подозрений. Но пройдет время. Зной и ветер раскрошат тонкую алебастровую корку. Тогда весь Кемт увидит, какое коварное существо охраняло великие пирамиды. Но жрецы уже не смогут отдать приказ распилить Сфинкса на плиты. Время обожествит в их глазах кощунственную вольность царских строителей...

Отшельник вскочил на ноги и, порывшись в темном углу пещеры, вернулся со свитком папируса.

Ментах бережно расправил папирус, и Хатор увидел чертежи и рисунки львиного Сфинкса.

— Таким мы высекли Сфинкса спустя шесть лет, — сказал Ментах. — Смотрите, юноши... Рука вашего учителя изобразила Сфинкса в алебастровой маске. Какое благородство на лице владыки двух стран! Вспомните «Книгу Меонг» и сверьте пропорции. Они не нарушены.

Ментах передвинул изображение и открыл новый рисунок. Хатор вскрикнул от изумления. Черты Сфинкса неузнаваемо изменились. Это был не Хафра — отец Кемта, верный защитник народа, это был другой Хафра, правду о котором Хатор узнал сейчас.

— Сфинкс без маски, — сказал отшельник. — Таким он должен был стать тысячу лун спустя. Вглядитесь в лицо фараона. Какое безволие, подлость, какая жестокость... А улыбка? Разве не смеется Хафра над лежководверием народа?

— Прости, господин, — Хатор дотронулся пальцем до рисунка. — Никто никогда не говорил нам, что близ пирамиды Великого Дома стоит Сфинкс.

— Время обогнало наши стремления, — сказал Минхотеп. — Скала поддавалась с большим трудом. Пришлось вырубить в ней многочисленные уступы, замуровать щели, чтобы придать камню монолитность. Шесть лет... Наконец рабы сняли леса, и Сфинкс стал виден на много хетов вокруг. Величие его подавляло всех, даже тех, кто недавно обтачивал бронзовым скребком когти льва. Слухи быстрее ветра неслись через пустыню и гнали в город мертвых тысячи любопытных.

Мы с нетерпением ждали Хафру, чье имя было дважды высечено на подножии Сфинкса. В полдень мы с тобой, Ментах, вместе с начальником стражи и мастерами встречали Царя царей. Хафра говорил с нами приветливо, изволил слегка наклонить голову. Но тут я увидел Хирама, который что-то шептал верховному жрецу. Жрец приблизился к фараону и сказал не-

сколько слов. В это время Хирам с группой мастеров начали взбираться на плечо Сфинкса. Хирам первым ударил киркой по лицу Сфинкса. Алебастр посыпался. Кирки все глубже вгрызались в хрупкое покрытие, и второй лик фараона начал медленно выступать из камня. Статуя ожила, линия подбородка и скул закруглилась, глаза расширились, брови взметнулись вверх. Рот, строгая линия которого ранее дышала отрешенностью от всего земного, расплылся в улыбке, хищно вздернулись ноздри широкого носа. Хафра, подавшись вперед, визгливо кричал:

— Не вижу! Я ничего не вижу!

И он действительно больше не увидел Сфинкса, потому что за одну ночь рабы засыпали Сфинкса. Землю на том месте, где была голова нубийца, рабы утоптали... Сам я не видел, мне рассказал обо всем начальник дворцовой стражи, когда я ожидал в темнице решения Хафры. Мне грозила смерть, но Царь царей проявил милосердие... Я остался один. Тебя, Ментах, не было со мной ни тогда, ни после, когда объявили приговор, и меня сослали на соляные копи Каграта.

— Я бежал, — коротко сказал отшельник и, поскольку Минхотеп молчал, продолжал: — Хирам с мастерами полез на плечо Сфинкса. Я понял, что наши дни сочтены, и сделал тебе знак, Минхотеп. Ты не видел. Тогда я побежал. Никто не замечал меня. Все смотрели на меняющееся лицо Сфинкса.

Я ушел в пустыню. Бродил по ней, как шакал, в поисках пищи и воды. Несколько месяцев спустя вернулся в Меннефер. Узнал, что бывший царский скульптор Минхотеп сослан куда-то по решению суда жрецов. Из отдельных фраз, намеков, случайных слов я понял, что произошло в городе мертвых. Там было в тот день больше ста тысяч человек. Рабы, крестьяне, воины, жрецы. Почти все они погибли. Рабы — в Ливийской пустыне, куда их погнали, как стадо. Крестьян забили насмерть, сгноили в каменоломнях Турры. Такой была цена царского спокойствия. Хватали всех в слепом стремлении уничтожить любого, кто видел.

Я ушел из Меннефера. Скитался. В каждой деревне рассказывал легенды о фараоне, об искусстве, о Сфинксе. Рассказывал о тебе, Минхотеп. Некоторые верили. Большинство — нет. Крепким было убеждение в непогрешимости фараона. Но все же, все же...

Шли годы. Я ослаб. Не мог больше скитаться. Но и жить с людьми не хотел. Подчиняться тому, кого осмел? Пришел сюда. Лишь за пищей и водой хожу на запад, к Яро.

Я сделал, что мог, Минхотеп. Пойди в любое селение Дельты или Верхнего Кемта. Везде ты сможешь услышать передаваемую шепотом легенду, как фараон пошел против воли Озириса, запретил празднества, унижал крестьян, осквернил землю города мертвых. И как Озирис велел показать всем лик того человека, которого называют Великим Домом. Ничье имя не будет названо. Никто не скажет о Сфинксе. Но все намеки будут понятны для каждого, кто захочет понять.

Единственная мысль терзала меня. Я думал, что предал тебя, Минхотеп. Был уверен, что ты погиб. И вот — ты жив! Сегодня, Минхотеп, я стал счастливым...

Ментах опустился на колени перед скульптором и провел ладонью по его лбу. Хатор не смог сдержать рыдания. Отшельник встал, дотронулся рукой до груди юноши:

— Ты знаешь теперь историю своего учителя. Назови его святотатцем.

— Нет! — Хатор отпрянул, но тут же, будто очнувшись, опустился на земляной пол пещеры и тихо добавил: — Не знаю.

— Хороший ответ, юноша, — одобрил Ментах. — Я тоже не знаю, хотя с той поры прошло много лет. Мы нарушили каноны — это грех. Мы ненавидели Царя царей — это грех. Но каноны придуманы жрецами. А Царь царей — тиран. Подумай, могли ли мы поступить иначе?

— Не знаю, — повторил Хатор.

— А твой друг и брат знает, — сказал Ментах.

Только теперь Хатор увидел, что Сетеба нет в пещере.

— Бежал, — сказал Ментах, — и это хорошо. Было бы хуже, если бы он предал вас уже в Меннефере. — Помолчав, отшельник добавил: — Ты понял теперь, почему твой учитель идет в столицу?

— Суд, — пробормотал Хатор. — Суд над мертвым...

На шестидесятый день после смерти фараона все подступы к Меннефере были забиты толпами людей, пришедших из Верхнего и Нижнего Кемта, из Синая и Ливийских владений. Люди жили под открытым небом, проводя дни в молениях, спорах, разговорах, драках, благочестии и разврате.

В заупокойном храме Хафры стоял саркофаг с мумией фараона. Круглые сутки не смолкали здесь стоны и вопли, приносились жертвы Озирису и Анубису.

В царском дворце верховный сановник вместе с царицей Юрой и сыном-наследником Менкау-Ра обсуждали план погребальных шествий и коронации нового владыки.

В узкой и высокой келье храма Птаха смуглый юноша, преклонив колени перед жрецом Пахором, молил бога простить ему тяжкий грех. Это был Сетеб. Долгий переход совершенно истощил его, и только глаза голодно сверкали из-под слипшихся на лбу волос.

Пахор слушал сбивчивый рассказ юноши с удивлением и застенчивой радостью. Он знал, какие выгоды сулит ему поимка святотатца. Упустить случай подняться на следующую ступень посвящения было бы глупо.

— Преступление твое, — пропел Пахор с фальшивой тоской в голосе, — это преступление чрезовездной Нут¹. Нелегко будет очистить твоего божественного Ка² от скверны.

— Я искуплю, искуплю! — твердил Сетеб, ползая у ног жреца.

Пахор поставил перед юношей кувшин с молоком, прикрытый лепешками. Сетеб набросился на еду. Он уже был уверен в том, что жрец вызовет его душу из пасти Амамат. Великий

¹ Нут — богиня, пожирающая своих детей.

² Ка — двойник, душа, одна из частей десятикратного человеческого «я».

Дом — воплощение добра и справедливости. Верить в легенду о Сфинксе может только безумец или враг народа Кемта.

Когда Сетеб уснул, Пахор задул светильник и вышел из кельи.

Смеркалось, нужно было торопиться, скоро верховный жрец Иссахар отбудет в царский дворец, чтобы попасть к церемонии отхода наследника ко сну. Плотнo запахнув плащ, жрец направился к ступеням главного входа. Четверо рабов пронесли перед храмом черные носилки, и Пахор вздрогнул: дурной знак — встретить носилки бальзамировщика. И чтобы отвести предзнаменование, незаметно плюнул на ладонь.

Медленно покачиваясь на плечах рослых рабов, носилки свернули в переулок, где, окруженный высоким забором, стоял дом знаменитого бальзамировщика Сархаддона. Заскрипели массивные петли ворот, и траурная процессия скрылась в затененной навесами глубине двора. Опустив носилки, рабы присели на корточки, но перед ними вырос могучий Сархаддон и велел убираться. Привычным движением бальзамировщик сдернул с носилок покрывало и усмехнулся. Минхотеп лежал неподвижно, глаза его были закрыты. Сархаддон хлопнул в ладоши. Из дома выбежали слуги, скульптора внесли в низкое каменное помещение, где в центре прямоугольной комнаты стоял большой, обитый медью стол. Рослый нубиец выкладывал на нем толстый слой веток, пересыпая их рубленой соломой. Минхотепа уложили на стол. Все вышли, остались только Сархаддон и Хатор. Минхотеп открыл глаза.

— Ну вот, — сказал он, слезая со стола, — разве можно верить сказкам о том, что стол бальзамировщика — это дверь в царство Озириса?

— Я заткнул бы рты моих мастеров тряпками, но это не поможет, — мрачно сказал Сархаддон. — Предательство, доносы, подкуп — вот зараза, которая страшнее чумы. Так говорил мой отец, и он был прав.

— Да, Нормат знал, что такое предательство, — согласился Минхотеп, — но он знал также, что такое дружба. Иначе разве я нашел бы приют в этой стохрамной тюрьме?

— Твой ученик едва не заплатил жизнью, когда забрался ко мне в дом. Только узнав амулет со сфинксом, я понял, что должен помочь. Слава Озирису, теперь мы оба в безопасности.

Вечерний прием закончился. Слуги гасили светильники в малом тронном зале. Другие собирали в корзины благовонные травы, разбросанные по мраморным ступеням между колоннами. Утром траву отнесут в храмы, где жаждающие исцеления станут прикладывать к ранам сухие пучки.

В зале остались двое: царевич Менкау-Ра и верховный жрец Иссахар.

— ...Он опасен, хотя опасность можно предотвратить, — хрипел жрец. — Мне достоверно известно, что преступник скрывается близ Меннефера. Мы ищем пути для того, чтобы оградить церемонию от возможных случайностей. Внутренняя охрана с этой задачей не справится. Безопасность владыки должна находиться в надежных руках. А эти руки можно найти среди

ревностных слуг Озириса и Птаха. Стража должна перейти в подчинение жрецов. Верховный сановник не способен вернуть Кемту былое спокойствие.

— Вот как! — воскликнул царевич. — Не способен? Так знай же, что преступник, о котором идет речь, пойман. Он находится сейчас в доме бальзамировщика Сархаддона. Стоит мне приказать, и от него останется безмолвная мумия. И не о чем будет беспокоиться.

Хитрость Менкау-Ра унаследовал от нубийца, подумал жрец. Придав лицу горестное выражение, Иссахар сказал.

— Что я слышал? Неужели в Кемте забыты законы великой Девятки¹. Убить того, кто находится под защитой самого Озириса?

Царевич нервно закусил губу. О какой защите идет речь, если на чашу весов положено бессмертие отца? Неужели этот жрец, которого боялся и ненавидел отец, будет распоряжаться и им, будущим фараоном Менкау-Ра? Наследник вспомнил детство, вспомнил день, когда увидел отца, божественного сына Ра, могущественного Хафру ползающим на коленях перед Иссахаром.

— Законы великой Девятки? Я должен знать о них! — заявил царевич.

— Знать законы — желание, достойное будущего владыки Кемта, — сказал Иссахар с подобострастием. — Законы гласят: кто в день Суда над мертвым хочет потребовать отмщения, носит в себе частицу божественного гнева Гора. Он неприкосновенен. Нужно убедить святотатца откаться от Суда. Он будет упрям. Придется пустить в ход золото, сыграть на тщеславии. Можно и оставить его в покое — пусть говорит. Имя Хафры столь чисто, что народ может сам расправиться с этим Минхотепом. Но стоит ли так рисковать? Нужно быть полностью уверенным в том, что погребение владыки пройдет как задумано и ничто не помешает Великому Дому стать бессмертным. Нельзя допустить, чтобы люди начали сомневаться в том, кому верили безгранично. У нас нет времени, до погребения всего две ночи. Этот шаг — визит царицы к бальзамировщику.

— Это необходимо? — царевич не мог уловить связи между предстоящим подкупом мятежного скульптора и визитом матери к Сархаддону.

— Так угодно богам, — пояснил Иссахар, давая понять наследнику, что есть вещи, которые навсегда останутся для него тайной.

Прощались они холодно.

Меннефер засыпал. Улицы гудели: узкие, стиснутые лавками и мастерскими, они пели надрывно, им отвечали ровной басовой нотой кварталы богачей и храмы.

Минхотеп долго прислушивался к этой забытой в песках Каг-рата музыке города фараонов. Воспоминания больше не мучили его, скульптор думал о будущем, и этим будущим был Суд Озириса. Все остальное не имело смысла.

¹ Великая Девятка — девятикратность богов, покровителей Она.

Лязг засовов прервал размышления скульптора. Каморка наполнилась дрожащим светом факелов. Могучая фигура Сархаддона выплыла из темной рамы двери. За дверью угадывались силуэты вооруженных людей. Сархаддон направился к Минхотепу, но на его пути вырос Хатор:

— Нас предали!

— Что я слышу! — Сархаддон воздел к небу руки и принялся шумно рассказывать о том, как царская стража уличила его в укрывательстве, но в последний момент, когда он чувствовал уже, что его голова становится слишком тяжелой для плеч, от него потребовали молчания и отпустили.

— Но меня заверили, — продолжал Сархаддон, — что долг гостеприимства не будет нарушен. Клянусь святым карпом...

— Веди! — неожиданно сказал Минхотеп.

Скульптор подошел к Хатору и, поцеловав его в голову, шепнул:

— Если сможешь, беги...

В маленьком зале для приема богатых клиентов ярко горели ароматные светильники. Царские храбрецы в черных накидках стояли неподвижно у стен. В большом золоченом кресле сидела высокая полная женщина в дорогих сирийских тканях, усыпанных хризолитовым бисером. Ее часто мигающие глаза выдавали волнение, которому она и сама удивлялась.

«Неужели этот дряхлый старик с взлохмаченной шевелюрой — Минхотеп? — думала царица Юра. — Как странно, ведь я любила его когда-то. И спасла его от смерти, когда взбешенный Хафра хотел уничтожить безумца. А теперь прошлое вернулось...»

Она вспомнила слова, сказанные Иссахаром перед этим странным визитом к грязному бальзамировщику.

— Нет ничего страшнее Суда Озириса. Он дает право, установленное и охраняемое богами. Каждый может воспользоваться этим правом. Но никто еще не воспользовался им, потому что для каждого из смертных Великий Дом — воплощение мудрости и справедливости. Но Минхотеп не способен увидеть божественное сияние, окружающее непогрешимого Хафру. Он способен обвинить, вызвать смуту. Наши молитвы не остановили его. Пусть же материнская сила Изиды¹ поможет тебе обезвредить жало скорпиона.

Минхотеп подошел к креслу и едва удержался от крика. Перед ним была его статуя из белого мрамора. Нежный овал почти живого лица, каждая черточка которого переполнена быстротекущим временем. Неожиданно статуя ожила, и лицо обмякло, расплылось под слоем румян, потускнело. Царица Юра — он узнавал ее и не узнавал.

— Великий Ра решил, что мы должны встретиться сейчас... зачем? — сказал Минхотеп, отступив.

— Ты не знаешь?

Голос... Нет, это не голос Юры. Минхотеп покачал головой, и царице показалось, что скульптор сказал «нет».

¹ Изиды — царица, супруга Озириса. По преданию, положила начало хлебопашеству.

— Суд, — сказала она. — Через два дня у гробницы Великого Дома ты выйдешь к судьям и произнесешь: «О Гор, великое солнце!»

— Открыть народу правду, — Минхотеп сжал кулаки, — это единственное, что я могу сделать. Сказать, что лик, который каждодневно лицезреют на фресках, барельефах, статуях — не лик владыки, а только маска. Сказать, что владыка был тираном, что он, а не его подданные виновны в бедствиях народа. Проклятие богов...

— Богов? Ты отрекся от них!

— Нет! Я знаю — боги желают Суда! За твою разбитую жизнь...

— Я царица! Я мать! Мой сын должен стать владыкой Кемта, и ему не придется носить на лице маску. Ни он, ни я никогда не думали о себе. Твоя правда, Минхотеп, вызовет смуту. Но ведь Суд может обратиться и против тебя. Вторично я не смогу спасти тебя, Минхотеп... Боги говорят, жизнь — это покорность.

— А жестокость, подлость — это тоже от богов?

— Ты похож на Сфинкса, — царица утомленно откинулась в кресле. — Думаешь о долге и забываешь о людях.

— Сфинкс, — Минхотеп неожиданно улыбнулся. — Сфинкс — это правда. Когда-нибудь ветры развеют песок...

— Минхотеп... Забвение Хафры — это и твое забвение. Ведь это ты возвысил его своим искусством. Его лицо — твое создание. Значит, и твое имя исчезнет со скульптур и рельефов.

Юра была уверена, что сыграла на самой чувствительной струнке в душе Минхотепа. Ее намек слишком прозрачен.

— Есть вещи, — сказал Минхотеп, повторив слова Ментаха, — которые прочнее пирамид. Человеческая память...

Царица вздрогнула. Давая понять, что визит закончен, она медленно поднялась и хлопнула в ладоши. Вбежали служанки и закутали царицу в тяжелую накидку.

— Помнишь, Минхотеп, — сказала Юра, — однажды во дворе моего отца я передала тебе амулет?

— Он всегда со мной.

— Пришли его мне, когда поймешь. Я буду знать. Прощай. Она вышла. Царские храбрецы с топотом двинулись вслед. Скульптор остался один в пустом зале.

Для Сетеба настали спокойные размеренные дни: он молился Птаху, а в остальное время возился с испорченной каким-то подмастерьем глыбой мрамора. Вечером являлся Пахор и вел с Сетебом беседы о покорности и верности богам Кемта.

— Мне жаль тебя, юноша, — сказал жрец однажды. — Я слышал голос: «Молитвы твои не доходят до великой Девятки, ибо тот, за кого ты молишься, связан паутиной Сета с тем, кто покинул дорогу истины. Пусть бросит он в свято-татца гарпун Гора и пусть скажет: я пронзаю того, кто замышляет против Озириса»... Дела, а не молитвы спасут твою душу.

Сетеб склонил голову. Он понял, чего ждет от него жрец. Пахор протянул Сетебу нож.

— Это оружие выковано из бронзы, которая упала со шлема Гора, пронзающего гиппопотама. Нож этот не знал промаха в руке жреца, когда приносились жертвы Птаху. Пусть он будет точен и в твоей руке.

Сетеб взял клинок, укололся и вскрикнул.

— А теперь идем, — сказал Пахор. — Боги ждут.

В последнюю ночь перед Судом Хатор не мог заснуть. В каморке, где он жил теперь один, было сыро и смрадно. Хатор думал об учителе. Со вчерашнего вечера, после визита знатной женщины, скульптор стал почетным гостем в доме Сархаддона. Ему отвели лучшие комнаты, но Хатору в гостеприимстве было отказано, и даже сам учитель будто забыл о его существовании. Хатору казалось, что Минхотеп неспроста избегает встреч с ним, юноша помнил взволнованный шепот: «Если сможешь, беги!» Но бежать — значит оставить учителя в опасности.

Хатор долго ворочался на жесткой подстилке. Вскочил, вышел из каморки. Среди навесов послышался шорох, Хатор прижался к стене и похолодел от ужаса: ему показалось, что это бродят беспокойные души мертвых. В лунном свете Хатор увидел человека, который, озираясь, шел к тяжелой, украшенной медными кольцами двери в хозяйские покои. Дверь легко поддалась нажиму его плеча. Когда неизвестный скрылся в доме, юноша проскользнул следом. Незнакомец что-то высматривал. Наконец они оказались в небольшой комнате, устланной мягкими циновками. Человек опустил ниже светильник, который нес в левой руке, и Хатор едва не вскрикнул, узнав Сетеба, склонившегося над спящим скульптором.

Сверкнуло лезвие ножа. Хатор метнулся вперед, выхватив из-за пояса тем. Оружие обрушилось на голову убийцы. Сетеб дико закричал и рухнул навзничь. Светильник выпал из его рук и погас.

— Учитель! — Хатор бросился к старику.

Дом наполнился движением. Крики слуг, шум распахиваемых дверей. Сархаддон в сопровождении телохранителей ворвался в спальню.

— Что здесь происходит?! — вскричал бальзамировщик. — Убийство в моем доме, о боги!

Минхотеп, стоявший на коленях перед Сетебом, поднял голову.

— Убийцы — там, — сказал он, с трудом переводя дыхание. — Они убивают в людях самое лучшее — совесть...

Старый скульптор замолк на полуслове. Страшная усталость охватила его. Он понял, что все бессмысленно. Цель, которой Минхотеп посвятил жизнь, не стоит тех мук, какие пришлось вынести. Вопреки справедливости он может простить Хафре его зло, потому что более ценным, единственно ценным стали для него ученики. Его мастерство, душа, которую он вложил в них. Теперь остался один Хатор. Нельзя рисковать и его жизнью.

Скульптор рванул тонкую золотую цепочку и швырнул амулет к ногам Сархаддона.

— Передай это... сам знаешь кому, — сказал он.

Бальзамировщик схватил амулет и скрылся, окруженный слугами.

— Что теперь будет с нами, учитель? — спросил Хатор.

— Суд, — сказал Минхотеп. — Но не над мертвым — над живыми...

На семьдесят второй день после смерти Великого Дома Кемт являл собой страшную картину запустения и горя. Стоял месяц хойяк¹, разлив Яро достиг высшей точки, но шадуфы², перекачивающие воду на сухие поля, бездействовали.

В городе мертвых неисчислимые толпы народа с самого утра стояли на коленях, устремив взгляды в сторону заупокойного храма. Оттуда доносилось пение: жрецы приносили последнюю перед погребением жертву. Царские храбрецы освободили от людей широкий проход от храма к усыпальнице. Единственная плита, которая должна была после погребения навсегда закрыть вход в могилу фараона, держалась в поднятом положении канатом.

Минхотепу удалось пробраться близко к помосту у пирамиды, и он в каком-то отупении разглядывал многотысячную толпу. Хатор поддерживал учителя за плечи. Юноша был насторожен, угрюм. Он видел перед собой Сетеба, свой занесенный для удара тем, струю крови...

А Минхотеп думал. И проклинал себя за слабость. Он совершил глупость, вернув амулет. Минутная слабость прошла, но теперь уже поздно менять решение. Слово дано. Вот они, крестьяне Кемта, стоят на коленях, как стояли всю жизнь. Бедняки, обираемые жрецами и царской казной, замученные и затравленные, но свято верящие, что проклятый богами Хафра — посланец Озириса. Скажи им правду, Минхотеп, и тысячи рук протянутся к тебе, тысячи глоток выплеснут на тебя ругань и проклятия, и даже царские храбрецы не спасут тебя от растерзания. Великая вещь вера, но слепая вера в праведность порока — ужасна. И все-таки Минхотеп промолчит...

Пение, доносившееся из храма, стало громче. У начала дороги показалась процессия. Во главе ее, держа в руках бело-красную корону царя обеих стран, шел верховный жрец Иссахар. Он ступал медленно, устремив взгляд в одну точку, туда, где у входа в усыпальницу стоял жрец с мечом наизготовку. Следом на повозке, влекомой буйволами, везли саркофаг, Минхотеп хорошо представлял себе лицо Хафры, скрытое под тремя гробами — гранитным, алебастровым и золотым. Лицо тирана, губителя, возможно, и сейчас скрытое под маской. Лицо человека, которого он, Минхотеп, может лишить погребения. Зачем он вернул амулет?

Шествие замыкала группа из сорока двух жрецов — это были Судьи над мертвым. Они не пели вместе со всеми — ритуал запрещал Судьям перед началом обряда воздавать хвалу умершему. Но тем с большим рвением они запоют гимн Озирису, когда признают Царя царей чистым от грехов. Протопали мимо

¹ Х о й я к — месяц, соответствующий нашим сентябрю — октябрю.

² Ш а д у ф — устройство, напоминающее колодезный журавль.

жрецы, саркофаг водрузили на помост. Гул пронесся над долиной: верховный жрец подал знак, и люди встали с колен, речь наследника нужно было слушать стоя. Минхотеп открыл глаза, встал, опираясь на руку Хатора.

Тихо стало вокруг. Менкау-Ра вышел к изголовью саркофага, и в тишине слышен был скрип его сандалий. Минхотеп всматривался в этого человека, думал: какой он? Что общего между ним и тем, кто лежит в гробу, и к кому царевич, сын Юры, обращает сейчас свою молитву?

Суд над мертвым начался.

Менкау-Ра воздел руки к вершине пирамиды, сказал громко, так, что его слышно было у дальних могил:

— Так говорит царь, покоящийся здесь. Я любил тебя, народ Кемта, и все заботы посвящал тебе. Я думал только о твоём благе и твоём счастье, никакое время не было для меня слишком тяжёлым, никакой труд слишком большим. Я не грабил храмов, не обманывал, не опечалил никого. Никогда не закрывал я уха от голоса истины.

Усмешка на лице Минхотепа застыла. Не грабил храмов? О да, если не считать того, что потрачено на строительство пирамиды. Не обманывал? Ещё бы, если считать правдой ложь, а истиной — святотатство! Заботы посвящал народу? А кому же ещё? Разве не о спокойствии народа заботился Хафра, когда приказал уничтожить всех, кто видел Сфинкса? О воистину благословенный владыка!

Наследник вернулся к семье, взял за руку царицу. Минхотеп не видел лица Юры: она стояла с низко опущенной головой, сгорбившись, жалкая несчастная женщина.

Из группы Судей вышел Глава — высокий жрец с несоразмерно короткими руками. Опираясь на посох, он приблизился к саркофагу.

— Народ Кемта! — воззвал жрец. — Царь твой, лежащий здесь, просит тебя о почетном погребении. Кто может обвинить умершего в злодействе, кто может упрекнуть его за тягостную жизнь, кому он причинил вред телесный или по имуществу, пусть выйдет и пожалуется на него. Здесь стоят его Судьи, которые решат честно и справедливо, без ненависти и пристрастия. И пусть жалобы будут без ненависти и мстительности! Кто пожалуется ложно, тот наказание за вымышленную вину навлечет на собственную голову. Но у кого есть справедливое основание для жалобы, пусть тот выйдет без страха и робости!

Молчание. А ведь они действуют наверняка, думал Минхотеп. Богам угодно, чтобы каждого умершего, будь то пекарь или фараон, судили после смерти Судом людей. Сколько раз за малейшую провинность, неуплату налога Судьи отказывали в погребении крестьянину. Ка не может покинуть тело и отправиться на поля Иалу¹ — вечный позор. Но Царь царей... Никто не слышал, чтобы его осудили земные Судьи. Кто решится? Да ведь они и не знают ничего о Хафре, эти люди...

Еще раз выступил вперед жрец, снова прозвучали над толпой ритуальные слова призыва. Стоявшие далеко не слышали, что говорил жрец, но каждый знал с детства слова обращения,

¹ Поля Иалу — загробный мир древних египтян.

каждый знал: настанет день, и на великом Суде он, как и все, простит Царю царей его грехи. Простит вытопанные лучниками посевы — Великий Дом не мог знать о такой мелочи. Простит угнанного в рабство за долги сына — таковы законы. Простит умерших от голода внуков — так повелели боги, а не фараон. Простит все, и встанет на колени, и скажет вслед за Главой Суда: «Войди, оправданный, войди в покой!» И будет счастлив: он видел погребение владыки.

Минхотеп едва держался на ногах: мир вокруг него начал растекаться расплавленным оловом, пирамида осела. Он оперся на плечо Хатора и в зыбкой тишине услышал голос, насмешливый, низкий, знакомый:

— Великий Озирис, неужели вы все слепы?!

Минхотеп невольно шагнул вперед: у края помоста лицом к толпе стоял Ментах. Хитон висел на нем клочьями, борода была спутана.

— Я Ментах, бывший царский зодчий, строитель пирамиды!

Толпа всколыхнулась. Минхотеп не смел обернуться, оторвать взгляда от лица друга. Озирис не потерпел, думал он, Озирис не потерпел...

— Вы все, — продолжал Ментах, — трусливые шакалы. Я жил среди вас. Я знаю все. Знаю, что каждый таит в сердце легенду о Сфинксе. Что сказать вам? Сфинкс у вас под ногами. Копайте! Копайте мотыгами, руками. Копайте, и вам откроется правда о вашем владыке. Ну! Чего вы ждете?!

Ментах побежал к толпе. Иссахар молча поднял два пальца. Никто не увидел, откуда была пущена стрела, она вонзилась в спину отшельника, затрепетала. Ментах упал, и Минхотеп услышал крик, свой крик, смешанный с тысячеголосым воплем толпы. Святотатство! Невиданное святотатство — убийство на Великом Суде! Минхотеп почувствовал боль разрываемых тканей, ощутил в своем сердце острый холодный наконечник. Пирамида рассыпалась на отдельные песчинки, Минхотеп тонул в песчаной реке, кричал, протягивая к солнцу слабеющие руки...

— Учитель, учитель, — голос Хатора вернул скульптора к жизни.

Минхотеп приподнялся на локте, ничего не понимая. Где он? Где Ментах? Стрела... Кровь на песке... В двух шагах плавал в луже крови труп крестьянина. Поодаль — еще и еще. Скульптора затоснило. Он остановил дыхание, поискал рукой руку Хатора, не нашел. Хатор стоял рядом, но не смотрел на учителя. Минхотеп огляделся. Обморок, вероятно, продолжался долго, потому что Хатор успел перенести скульптора на свободную площадку в десятке хетов от храма. Минхотеп вздрогнул: прямо на него смотрело хищное улыбающееся лицо Ахрома, коричневое широкоскулое лицо нубийца. Оно будто возвышалось прямо из песка, и народ в бесчисленном множестве копошился рядом. Вопили крестьяне и стражники, летели стрелы, на головы людей обрушивались темы и мечи, но никто не уходил, никто не отступал. Сфинкс медленно вырастал из песка.

Суд свершился, думал Минхотеп. Суд свершился, потому что легенда о Сфинксе жила в сердцах. Ментах рассчитал верно — Суд свершился, и теперь Кемт навеки проклят, навеки оставлен богами.

Неожиданно глухой удар пронесся над долиной, и мгновенно смолкло, застыло все: чья-то неловкая или злая рука перерубила канат, державший на весу плиту у входа в пирамиду. Плита обрушилась и с грохотом закрыла отверстие.

Вопль горя и радости, ненависти и ликования вознесся над городом мертвых. Царю царей нечего было ждать теперь от своего народа и от богов: закрытый склеп священен, никто не может открыть его вновь, пирамида останется пустой, тело Хафры обречено позору, а душа — вечным скитаниям по земле. Проклятие Кемту, проклятие Великому Дому, горе, горе.

Радость.

— Пойдем, — сказал Минхотеп. — Все кончено. Суд свершился.

Они уходили на север. Они шли мимо залитых водой полей, мимо скрипящих шадуфон, мимо пустых землянок и хижин. Сфинкс был виден долго, но они ни разу не обернулись.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Более трех тысячелетий прошло после смерти фараона Хафры. За это время истлели многие папирусы, потускнели настенные изображения, стерлись фрески. Трудно воспроизвести в деталях события многовековой давности. Но в повести многое — правда. Суд над мертвым — не фантазия, в Древнем царстве такой ритуал действительно имел место. По описанию греческого историка Диодора, случалось и так, что фараону отказывали в праве на погребение. Со временем ритуал Суда применялся все реже, и в Среднем царстве он носил уже сугубо формальный характер. Вот мы и допустили, что Хафра был осужден своим народом. Ведь внутри пирамиды Хафры в Гизе действительно нет саркофага с его мумией. У большого Сфинкса действительно негроидные черты лица, в то время как древние египтяне придерживались очень жестких правил и законов при изображении людей (впрочем, «Книга Меонг» — наша выдумка). И Сфинкс был действительно когда-то зарыт и полностью откопан только в 1817 году. И зарыт Сфинкс был намеренно, потому что, по описанию египтолога Карла Опделя, «нашли попеременно слой песка и почти в фут высотой слой мелких камней, и все это было так твердо, что можно было высекать ступени». Менее уверенно можно говорить о том, что Хафра силой сверг с престола Джедефре, но ведь царствование Джедефре действительно было кратковременным, а имя его оказалось стертым с памятников...

Все это и дало нам пищу для фантазии. И разве то, о чем шла речь в повести, не могло случиться на самом деле?

Шоссе пересекало незнакомую унылую местность. Казалось, поблизости нет ни одного населенного пункта.

Время от времени Герт бросал тревожный взгляд в боковое зеркало. Погони не было. И маленький пушистый чертик-подвеска будто веселее заплясал на ухабах.

Но вот вдали замаячил огромный транспарант. Приблизившись к нему, Герт сбавил скорость. «ПОСЕТИТЕ НАШ ГОРОД — ЛУЧШИЙ НА АЛЬТРУСЕ!» — прочитал он и поймал себя на том, что машинально проверил, нет ли в тексте буквы «ы».

Свернув в указанную сторону, он вскоре оказался на окраине города. Двухэтажные коттеджи утопали в зелени. Его поразили огромные указатели на перекрестках. Впрочем, это удобно, размышлял он по пути к центру. Ни о чем не надо спрашивать.

Поставив машину недалеко от ратуши, Герт решил где-нибудь перекусить. Он вышел на ратушную площадь и огляделся. Площадь окаймляли двух-трехэтажные дома, первые этажи которых были заняты под магазины. Неестественно выглядели огромные яркие вывески: СУВЕНИРЫ, ПРИГЛАШАЕТ ГУРМАН, ТАБАК, МЭРИЯ... А вот и КАФЕ.

В кафе, где было полно народу, царил странная гнетущая тишина. Почему-то на свободных стульях висели таблички: «СВОБОДНО».

Садясь за столик, где уже обедали три пожилые дамы, Герт учтиво поздоровался. Они на мгновение замерли от неожиданности, затем продолжили молча есть.

Подошла официантка, сняла табличку с его стула и протянула меню. Когда Герт попросил ее принести пару бутербродов и чашку кофе, она испуганно застыла, глядя на него широко

Художник Борис ИОНАЙТИС

раскрытыми глазами. А его соседки по столу поднялись, ни слова не говоря, и пересели за другой столик. Посетители начали рассматривать в его сторону. Герт чувствовал себя неудобно и безуспешно пытался понять, в чем дело.

Когда официантка принесла заказанное и протянула счет, он, увидев сумму, заинтересовался, почему так много.

Официантка показала на бланке последнюю строку — штраф.

— За что? — удивился Герт.

Вместо ответа официантка забрала бланк, что-то дописала и вернула ему. Сумма штрафа увеличилась вдвое!

Герт хотел уже потребовать заведующего, но, вспомнив, что ему лучше не привлекать к себе внимания, рассчитался.

Выйдя из кафе, он остановился, пытаясь собраться с мыслями. Пошарил по карманам, обнаружил, что сигареты кончились, и направился в магазин с ядовито-зеленой вывеской ТА-БАК.

Там было лишь двое покупателей. Первый показал на пачку сигарет, положил на прилавок деньги и поднял два пальца. Продавщица молча протянула ему две красно-белые пачки. Так же, ни слова не сказав, получил коробку папирос второй покупатель.

Что здесь происходит? — ломал голову Герт, рассматривая разложенные под стеклом прилавка пачки и коробки. Ну и названия! «Моцарт», «Эль Греко», «Гегель»...

Когда подошла его очередь, он спросил:

— Кто лучше, Моцарт или Бетховен?

Продавщица неожиданно заговорила:

— Вы имеете в виду композиторов? — И, пожав плечами, добавила: — Не знаю.

— Конечно же, я имел в виду марки сигарет, — улыбнулся Герт.

Сразу помрачнев, она молча показала на серую пачку сигарет «Бетховен». Он видел ценник, но, чтобы хоть как-то продолжить разговор, спросил:

— Сколько они стоят?

На этот раз продавщица, сжав губы, посмотрела на него откровенно враждебно и подняла сначала четыре пальца, потом кулак.

— Дайте две пачки, — попросил обескураженный Герт.

Пока он доставал мелочь, она взяла бланк, что-то написала карандашом и протянула ему вместе с пачкой сигарет.

— Что-о? Опять штраф? — удивился он. Но спорить, судя по всему, было бессмысленно.

Выйдя из магазина, он остановился у витрины и закурил «бетховенскую» сигарету. За спиной послышался детский плач. Герт обернулся и увидел, как молодая мама взяла ребенка на руки, и ребенок тотчас успокоился.

— Какое прелестное дитя, — начал было Герт. — Скажите, в чем дело, почему...

Женщина вздрогнула, положила ребенка в коляску так, что он снова заревел, и покатила прочь от Герта.

Похоже, я попал действительно в лучший город на этой планете, мрачно подумал Герт.

Тут ему на глаза попалась вывеска: МЭРИЯ.

Пойду спрошу у мэра, что здесь творится, решил он.

В большом полутемном зале за длинным столом одиноко сидел в высоком кресле маленький печальный пожилой человек. Перед ним на подносе стоял графин с водой и стакан. В углу под сводами зала висел большой серебристо-голубой металлический шар.

Герт поздоровался и подошел к столу.

— Я впервые в вашем городе, — сказал он. — И хотел бы у вас кое о чем спросить.

Его бы несколько не удивило, если бы и мэр не захотел с ним разговаривать, но маленький печальный человек оживился:

— Пожалуйста. Присаживайтесь.

— Что происходит с вашими жителями? — спросил Герт, сев поближе к мэру. — Почему они молчат?

— Понимаете, в нашем городе на некоторые темы разговаривать запрещено.

Вот оно что, подумал Герт и осторожно спросил:

— А о чем конкретно?

— О погоде, о моде. Гражданам запрещено рассказывать друг другу о том, какие у них красивые и талантливые дети, о здоровье, о ценах, о дачах, о запчастях для автомобилей и так далее. Если интересуется, могу дать перечень — двадцать два пункта...

— Совершенно безобидные темы! — удивился Герт. — Почему же вы их запретили?

— Видите ли, — вздохнул мэр, — у нас есть город-побратим на соседней планете. Мы с ним соревнуемся. Мы думали, что вместо пустых разговоров наши жители будут интересоваться политикой, заниматься наукой, философствовать, спорить о литературе, живописи, музыке... А они... — Он с досадой махнул рукой. — Несознательный у нас народ. А какие убытки! Сначала никто не хотел молчать. Пришлось ввести систему высоких штрафов, огромный штат контролеров. Замолчали. Но стало только хуже. Штрафов поступает мало, в основном за счет приезжих. А доходы от ресторанов и кафе, а также за пользование телефоном, почтой резко сократились. Не звонят, не встречаются.

В дверь постучали. Увидев входящего, мэр даже руками замахал:

— Я занят! Занят! Сегодня приема не будет.

— Извините, — раздался робкий голос, посетитель кашлянул, и дверь глухо захлопнулась.

Налив из графина воды, мэр выпил залпом целый стакан и вздохнул.

— Как он мне надоел! — сказал он, поднялся, подошел к двери и запер ее на ключ. Герт заметил, что мэр слегка прихрамывает. — Горе-изобретатель, детектор истины, видите ли, он избрал. — Мэр pokrpyтил пальцем у виска, сел на место и презрительно добавил: — Психолог.

В наступившей тишине стало слышно, как тикает будильник в старом потертом портфеле Герта.

— А нельзя было предвидеть то, что случилось в вашем городе? — спросил Герт после паузы.

— Предвидеть? Вы могли предвидеть, например, нашу встречу? Кстати, вы откуда?

— Издалека... — замялся Герт, сделав неопределенный жест рукой.

— Турист, значит. Очень рад!

Герт поспешил перевести разговор на другую тему.

— Что же, так все и будут молчать?

— Обсуждаем с отцами города, как изменить создавшееся положение. Одни хотят отменить сразу все запреты. Но это неудобно. Я считаю, лучше отменять пункт за пунктом. Начнем со здоровья. Кстати, с завтрашнего дня тема здоровья объявлена разрешенной. В связи с этим состоится общегородской праздник — День здоровья! Все могут рассказывать о своих болезнях.

— В вашем городе много больных? — спросил Герт.

— У нас самые здоровые граждане на Альтрусе! — обиделся мэр. — От несчастного случая, конечно, никто не застрахован. — Он машинально потер правое колено и, заметив взгляд Герта, добавил: — Это случилось не у нас. Перед тем как попасть сюда, я был мэром прекрасного города...

Часы на ратуше начали хрипло бить.

— Уже семь, — вскочил с кресла мэр. — Мне пора. Вы не торопитесь уезжать?

— Пока нет. — Герт замялся. — Я хотел бы остановиться в вашем городе, если, конечно, не будет проблем с гостиницей.

— У нас прекрасный отель, места есть, — заверил мэр. — Кстати, возьмите список запрещенных тем, — достал он из ящика стола листок и протянул Герту. — Приходите завтра, продолжим нашу интересную беседу. Знаете, здесь решительно не с кем поговорить! — И, провожая Герта до двери, доверительно прошептал ему на ухо: — А я пойду к доктору. Нога побаливает.

О болезнях у них разрешается говорить только с завтрашнего дня, вспомнил Герт.

Оказавшись в пустом коридоре, Герт направился к выходу, ориентируясь по огромным указателям. Повернув за угол коридора, вздрогнул. Там, прислонившись спиной к серой стене, стоял какой-то человек. Увидев Герта, он шагнул ему навстречу.

— Вы приезжий? — осведомился незнакомец.

— Да. Что вам нужно? — мрачно спросил Герт.

— Я изобретатель... — Незнакомец закашлялся и долго не мог успокоиться. Он был очень худой и бледный, шея обмотана длинным шерстяным шарфом.

— Извините, — перестав кашлять, сказал изобретатель. — В этом коридоре всегда так холодно. Вы в гостиницу? У меня к вам дело. Я вас провожу, если не возражаете...

Они вышли на площадь. Уже смеркалось, зажглись витрины магазинов и неоновая реклама. По-прежнему стояла глухая тишина.

— Здесь близко, — сказал изобретатель, нырнув под арку. — Отель «Парк».

Он вывел Герта в небольшой скверик с часовней. На улице — ни души. Средневековые, видимо, недавно отреставрированные жилые дома стояли сплошной зубчатой стеной.

— Как красиво, — сказал Герт.

— Да, — согласился изобретатель. — Даже не верится, что этому «средневековью» нет и ста лет.

На одном из домов равномерно вспыхивали и гасли ярко-красные крупные неоновые слова: БЮРО ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ.

— Что они прогнозируют? — спросил Герт.

— Ваше будущее, — ответил изобретатель.

— Наверное, шарлатанство?

— Напротив. У них хорошие специалисты. Мощная ЭВМ. Хотите — можете узнать все, что с вами произойдет как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

Как раз то, что мне сейчас надо, подумал Герт.

— Это дорого? — спросил он.

— Тише! — Изобретатель нагнулся к нему поближе и зашептал: — О ценах у нас не говорят. Бесплатно. — И громче пояснил: — Новое начинание. Так они пытаются привлечь клиентуру.

— Неужели мало желающих?

— Сначала было много, теперь спад.

— Прогнозы неточные?

— Слишком точные. Кстати, по этой же причине я никак не могу внедрить свой детектор. Истина никому не нужна. — Изобретатель извлек из кармана обыкновенный микрокалькулятор и протянул Герту. Герт повертел его в руках — по светящемуся табло медленно проплывали ярко-зеленые цифры.

— Что это?

— Детектор истины. — Изобретатель бросил на Герта проницательный взгляд и усмехнулся: — Я не сумасшедший... Позвольте! — Он выхватил детектор из рук Герта. — Да, вы подходите, — забормотал он себе под нос. — Вполне. Вы надолго к нам?

— Посмотрим, — ответил неопределенно Герт.

— Отель «Парк» в следующем переулке, — показал рукой изобретатель. — Вы, конечно, устали с дороги. Я загляну к вам как-нибудь на днях. Всего хорошего. — И он исчез под аркой.

Герт пошел в сторону, указанную изобретателем. Свернул в один пустынный переулок, в другой, третий. Гостиницы нигде не было видно. Вскоре Герт оказался на окраине города. Ветер собирал над полем осенние тучи. Уже начали падать первые крупные капли дождя. Внезапно дождь хлынул со всей силой. Герт огляделся в поисках укрытия, заметил невзрачную вывеску над серой дверью. Поблекшие буквы были еле видны: МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ. Видимо, до этой окраины еще не дошли нововведения мэра, подумал он, открывая дверь.

В небольшом помещении царил полумрак. За прилавком сидела женщина и читала книгу. Над ее головой на длинном проходе висел выцветший абажур.

Герт сел за столик у стойки и, в очередной раз нарушая

правила этого города, попросил кофе и коньяк. Официантка пристально посмотрела на него, но принесла заказ, отошла снова за стойку и продолжила чтение.

Доставая из портфеля сигареты, он обнаружил там гвоздики, подаренные ему утром стариком. Нехорошо получилось, но нельзя было попрощаться даже с ним... Сейчас Герта, конечно, уже хватились. И все же он был рад, что наконец-то решился изменить свою жизнь. День рождения — хорошее начало для новой жизни. Он снова побеспокоил официантку, попросив поставить цветы в вазу.

Герт слушал шорох дождя, курил и медленно пил коньяк. На какое-то мгновение его охватило чувство нереальности, словно он давно перестал существовать, а здесь, за столиком, сидел кто-то другой. Где он? Кто он?

Дождя уже не было. Герт рассчитался и встал. После коньяка и горячего кофе помещение уже не казалось ему таким унылым и холодным. Он спросил у официантки, как пройти в отель «Парк». Она молча протянула ему красочный проспект.

Среди больших старых деревьев стоял уютный двухэтажный коттедж. В сгустившихся сумерках бросалась в глаза яркая неоновая вывеска ОТЕЛЬ «ПАРК». На стеклянной двери, с внутренней стороны, висела табличка: «Свободных мест нет». За дверью был хорошо виден освещенный холл, в глубине которого за столиком сидел администратор и что-то читал.

Герт нажал на кнопку звонка. Администратор подошел и молча показал на табличку. Герту пришлось сунуть руку в нагрудный карман пиджака, извлечь бумажник. Дверь сразу же открылась.

На столе администратора лежала развернутая газета. Пока он заполнял карточку гостя, Герт невольно обратил внимание на то, что разворот газеты занимала таблица розыгрышей денежно-вещевой лотереи.

Заполнив карточку, администратор молча повел его по пустому холлу, мимо столика с нарисованной шахматной доской. Они поднялись на второй этаж.

В длинном мрачном коридоре на всех дверных ручках висели таблички с надписью «Занято». Администратор остановился около одной из таких дверей и открыл ее. Уходя, он почему-то боязливо оглянулся.

Герт вошел в обыкновенный безликий гостиничный номер, вынул из портфеля будильник, поставил на тумбочку и только теперь поверил, что ему действительно удалось порвать с прошлым, с городом, в котором он провел шесть лет и откуда сбежал сегодня перед восходом солнца. Казалось, прошла целая вечность...

— Вы пропустили четыре «ы», — произнес старик и стукнул кулаком по столу... Герт видел теперь только кулак, который принялся, не переставая, стучать по столу.

...Герт проснулся, но стук не прекращался. Осознав, что он

в гостинице, облегченно вздохнул. Стучали в дверь. Герт нажал на кнопку, но свет не зажегся.

Открыв дверь, он увидел администратора с карманным фонариком в руках. Видимо, что-то его до смерти напугало — зажженный фонарик трясся в руке.

— Умоляю вас, — прошептал он, — помогите!

— Что случилось? — тревожно спросил Герт. — Почему нет света?

— Ночью выключают — экономят для больших неоновых вывесок. Пойдемте со мной, пожалуйста!

Герт накинул халат и пошел с администратором по темному коридору. Они спустились по лестнице, прошли по холлу и вновь поднялись на второй этаж. Все это время администратор, дрожа от страха, освещал фонариком темные закоулки отеля. Когда они дошли до разветвления коридора, он вздрогнул и прижался спиной к Герту, направляя луч фонарика на одну из табличек «Занято».

— Что случилось? — пытался добиться ответа Герт, но администратор только испуганно озирался по сторонам.

Вдруг он схватил Герта за руку:

— Вот он, вот он!

— Кто? — громко спросил Герт.

— Заяц!

Герт выхватил из рук администратора фонарик и пошарил лучом по табличкам, по полу.

— Нет никого! — сказал он.

Администратор немного успокоился. И виновато попросил:

— Извините меня, ради бога. Можно мне посидеть у вас в номере?

— Вы точно не видели зайца? — спросил он, опустившись в кресло.

— Откуда здесь может взяться заяц? — вопросом на вопрос ответил Герт, усаживаясь напротив. На тумбочке горела свеча, зажженная администратором.

— Я и сам не знаю, заяц это или нет. Похож на зайца, а бегают как-то странно — по-кошачьи перебирая лапами, — тревожно говорил администратор. — Ах, вы знаете, это так мучительно!.. И все эта лотерея... В молодости я часто покупал билеты денежно-вещевой лотереи и, представьте себе, считал вполне вероятным выиграть машину или крупную сумму денег. В молодости, наверное, многие верят в счастливый билет. Но время шло, мне уже исполнилось тридцать пять... Ни с того ни с сего меня начала мучить бессонница. В тягостные ночные часы я размышлял о том, как все-таки мне не везет в жизни. Вот уже пятнадцать лет я работаю бухгалтером. Мои сверстники успели обзавестись машинами, дачами... А что имею я? Комнатушку. В центре города, но в старом доме с печным отоплением. Женщина, которую я любил, нашла мужа с автомобилем... И вот однажды, проворочавшись на своем старом диване часов до двух ночи, я оделся и вышел на улицу подышать свежим воздухом. Было темно и тихо. Редкие фонари тускло освещали каменные дома и узкие мощеные улочки между ними. Тогда еще не было ярких неоновых вывесок. Пройдя несколько темных улиц, я заметил вдалеке огонек и направился к нему.

Оказалось — это газетный киоск. Странно — окошко открыто, а киоскера нет. На прилавке лежали газеты и пачка лотерейных билетов. Мне захотелось узнать, почему киоск открыт в столь позднее время, и я решил дожидаться киоскера. Время тянулось медленно, я не выдержал и взял из пачки посмотреть один билет. Обыкновенный билет денежно-вещевой лотереи. Удивила только надпись в уголке: ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ. Внезапно мне захотелось выиграть. Цена билета пустячная... Я оглянулся — кругом ни души. Лишь странная, давящая тишина. Я сунул билет в карман и поспешил домой. Вдруг мне почудилось, что меня кто-то догоняет. Я остановился — будь что будет. Мгновение спустя мимо проскочило какое-то животное. Заяц! Как он меня напугал! Заяц бежал как-то странно, перебирая лапами по-кошачьи...

Через месяц я зашел в сберкасса, узнать, не вышла ли таблица розыгрыша.

— Впервые вижу такой, — сказала служащая сберкассы, прочитав надпись ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ.

Билет не давал мне покоя, и через несколько дней я решил навести справки в киоске. Киоскерша категорически заявила, что она такие билеты не продавала. Тогда я решил снова сходить ночью к киоску.

На этот раз за освещенным прилавком сидел пожилой мужчина в очках. Я поинтересовался, неужели в такое позднее время бывают покупатели.

— А как же, — ответил он писклявым голосом, — вы, например.

Я достал из кармана билет и протянул ему.

— Не могу вспомнить, когда я вам его продал? — говорил он, глядя на билет.

— Мне подарили, — ответил я, избегая пристального взгляда глаз, увеличенных сильными линзами очков.

Киоскер извлек из-под прилавка газету, все четыре полосы которой занимала таблица розыгрыша, долго водил пальцем по колонкам и наконец воскликнул:

— Вы выиграли десять тысяч!

— Не может быть! — меня бросило в жар.

— Извольте убедиться сами!

Я сверил серию и номер — верно. Десять тысяч!

— А где же получить выигрыш? — спросил я. — В сберкассе?

Ничего не говоря, киоскер выхватил из-за прилавка пачку сотенных и отсчитал мне сто штук. Я несмело взял деньги в руки. Тут он перегнулся ко мне через прилавок и спросил:

— Где собираетесь хранить?

— Дома. Разве нельзя?

— Нежелательно, — прошептал он с видом заговорщика.

— Тогда в сберкассе.

— Ни в коем случае! — зашипел он. И мне показалось, что его выпуклые глаза за толстыми стеклами очков увеличились еще больше. Стало жутко.

Внезапно он просиял и воскликнул:

— Лучший вариант — классический!

Я даже вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, такие вещи надо знать, — ответил он весело и снова зашептал. — Автоматическую камеру хранения. На вокзале.

«Место надежное, — подумал я. — И в случае чего можно сказать, что деньги не мои».

— Вы, значит, решили, что деньги сомнительные? — спросил Герт.

— Конечно. Такую сумму получить в обычном газетном киоске, глубокой ночью. Это знаете ли... Впрочем, слушайте дальше...

Киоскер протянул мне небольшой холщовый мешок.

— Положите деньги в мешок — в камеру.

Я так и сделал. Вернувшись с вокзала домой, начал мечтать. Такая сумма! Первым делом куплю кооперативную квартиру. Или нет — машину. Но тогда останется только на первый взнос кооператива. А ведь еще придется платить паевые взносы. Кроме того, нужен гараж. Что же получается? Десять тысяч не так уж и много... Вдруг меня осенило: нужно приобрести побольше таких билетов! Ведь выигрывают все! Деньги-то настоящие. А если нет? Надо сегодня же проверить. Давно пора купить новый костюм.

Во время обеденного перерыва поспешил на вокзал. Открыв дверцу автоматической камеры хранения, я обомлел — мешок был пуст! Не веря своим глазам, засунул руку в мешок — денег не было. Меня охватил ужас. «Выследили», — подумал я, швырнул мешок в ячейку, захлопнул ее и пошел с вокзала. Никто меня не остановил. Но куда исчезли деньги? Мне начало казаться, что чьи-то глаза незримо следят за мной. Я огляделся по сторонам — ничего подозрительного. Может, все это помешчилось — и киоск, и билет, и деньги? А мешок? Он же существует!

Едва дождавшись двух часов ночи, я вышел из дома на улицу. За прилавком киоска сидел этот, в очках.

— Итак? — пропищал он, пристально глядя на меня выпученными глазами.

— Деньги... — промямлил я.

— Кончились? Так быстро? — спросил он с иронией.

Когда я рассказал о случившемся, он посмеялся, а потом зашептал:

— Не волнуйтесь, деньги целы. Вы хотели купить костюм днем, не так ли? Запомните: деньгами, которые вы выиграли ночью, можно пользоваться только в ночное время. Днем они исчезают. Я не знаю, почему это, но это так.

— Что же толку в таких деньгах?

Он пожал плечами:

— Переходите на ночной образ жизни. Днем спите, ночью живите. Все делают так.

— Кто все?

— Те, кто участвует в нашей лотерее! — воскликнул он гордо. — Какая вам разница, если вас все равно мучает бессонница? Тот, кто богат дневными деньгами, спит ночью. И его деньги тоже спят. Как бы исчезают на всю ночь. А у вас наоборот! Конечно, магазины ночью закрыты, но ресторан «Гурман» работает до четырех часов утра. Это в двух шагах отсюда. Сходите — не пожалеете. — И, изучающе посмотрев на

меня, добавил: — В конце концов, сознание, что имеешь большие деньги, само по себе чего-то да стоит.

Распрощавшись с ним, я пошел сначала на вокзал. Как ни странно, в мешке действительно лежала пачка сотенных. Я взял одну ассигнацию и украдкой стал разглядывать ее. От «дневной» не отличишь. Ах, если бы эти деньги днем не исчезали!

Заперев ячейку автоматической камеры хранения, направился в ресторан «Гурман».

Когда швейцар услужливо распахнул дверь, я увидел слабо освещенную каменную лестницу, ведущую круто вниз. Спустившись по ней, открыл следующую дверь. В подвальчике было жарко, накурено. Светильники бросали в помещение тусклый красноватый свет.

У входа был свободный столик. В ожидании официанта я стал разглядывать публику. Мужчины задыхались в водолазках... — перешел на шепот администратор, оглянувшись на дверь, — и в модных кожаных пиджаках. На их фоне я выглядел, наверное, скромно до неприличия. Но когда официант принес меню, появилось радостное чувство: теперь я могу позволить себе все, что пожелаю! И чем больше, тем лучше, потому что деньги давать некуда. Я заказал бутылку французского коньяка, закуску и кофе.

Во время еды пытался угадать, кто из сидящих здесь причастен к лотерее ВЫИГРЫВАЮТ ВСЕ. Понять было трудно, а спросить — неудобно. Да и кто сознается?!

Когда я возвращался домой по темным улицам, легкий хмель кружил мне голову, а полсотня «дневных» денег, сдача, согревала сердце радостью. Но вдруг до меня дошло, что сотня, которую я дал официанту, утром исчезнет. Он, конечно, заметит это. Или чаевые покроют недостачу? Так или иначе, радость сменилась страхом — как жить дальше? — Администратор повысил голос, перестав шептать. — Когда я сворачивал в свой переулок, мне вдруг показалось, что возле моего дома во тьме кто-то шевельнулся. Не меня ли ждут? — испуганно подумал я. В этот момент из-за угла выскочил заяц. Откуда он взялся, мне неизвестно.

Дома я долго не мог заснуть, лежал и думал: вот бы все ночные деньги поменять на дневные. Если бы они хоть на один-единственный день не исчезали, можно было бы сразу многое закупить, а остальные деньги разменять в кассах. Я бы не поленился побегать по магазинам. Можно было бы взять аккредитивы в сберкассе на всю сумму... Но что зря мечтать? Эти ночные деньги... и есть и нет, все-таки должно же быть им какое-то применение! Внезапно меня осенило: вокзал! Он открыт всю ночь напролет. Там есть и кассы, и буфет, и ресторан. А главное — полно людей в зале ожидания. Что, если? Ведь пассажир уедет и обнаружит исчезновение денег вдали от нашего города. Да, деньги можно разменять и так... Нет, на такое я не способен.

Уснув на рассвете, я проснулся только в полдень. Можете представить, как встретил меня на работе начальник отдела.

— Что вы себе позволяете! — закричал он при всех сотруд-

никах. — Нам нужно срочно сдавать отчет! Вы вчера ушли на обед, а вернулись только после сегодняшнего обеда!

Удивительно, но я почему-то спокойно смотрел на его багровое лицо, на засаленный воротник пиджака и думал: такому десять тысяч и не снилось. Трое детей, жена не работает.

А он распалялся все больше:

— Работаете спустя рукава, да еще позволяете себе прогуливать!

— Да. Позволяю, — сказал я с вызовом.

В бухгалтерии воцарилась мертвая тишина. Сотрудники с испугом смотрели на меня. Наконец начальник обрел дар речи:

— В таком случае позвольте себе написать заявление об уходе, — сказал он и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— С превеликим удовольствием! — крикнул я ему вслед. — Всю жизнь мечтал расстаться с этим обществом насекомых!

Я уволился. Причин для беспокойства не видел — такую должность можно получить без проблем. И вообще, что может выбить из колен, когда у человека много денег? Питаться буду в ночном ресторане «Гурман». Кто сможет доказать, что именно мои деньги пропадают?

Ночью я опять посетил киоск. Хотел купить еще десяток лотерейных билетов. Но, истратив дневные деньги, вынужден был дать киоскеру ночную сотню. У него не было сдачи, и он предложил:

— Берите на всю катушку!

Его фамильярность покорила меня, но в общем-то он был прав. Что экономить? Выигрывают все. Так приобрел триста тридцать билетов. Рассовав их по карманам, я не заметил, как ноги сами принесли меня на вокзал. Хотел было перекусить в вокзальном буфете, но вспомнил, что у меня только сотенные. А в буфете потратить больше десятки трудно. Буфетчица наверняка меня запомнит: дал сотню, а она исчезла... Подумать только, обладать десятью тысячами и не иметь возможности купить порцию сосисок! Видимо, придется менять деньги в зале ожидания.

На скамейках дремали люди. Я подошел к представителю мужчине и попросил разменять сотню. Он покачал головой — у него нет. Обратился к его соседу — тот безразлично отвернулся. И тут одна женщина, пожалев меня, сама вызвалась помочь. Я получил «дневные» ассигнации и быстро покинул вокзал. Сердце мое колотилось от радости, что мой замысел принес первые плоды, но и от страха — вдруг она догонит меня и обвинит в мошенничестве?

На стоянке такси стояло несколько машин с зелеными огоньками. И я невольно подумал: еще одна возможность обмена денег.

Когда я сворачивал с привокзальной площади в переулок, мне опять показалось, что вдали во тьме кто-то шевельнулся. И почти в ту же секунду навстречу мне выскочил заяц. Быстро-быстро по-кошачьи перебирая лапами, он промчался мимо. И снова я почувствовал, что весь дрожу. Откуда здесь берутся зайцы? — недоумевал я, идя домой...

Через полмесяца, как предупредил меня киоскер, я ночью по-

шел к нему проверить лотерейные билеты. На один из билетов выпал выигрыш в двести тысяч! — шепотом произнес администратор. — В целом получилась фантастическая сумма. Пришлось даже сходить домой за чемоданчиком.

— Около девяти миллионов! — возбужденно шептал киоскер, передавая мне деньги. — Я имею в виду — старыми. Ну, теперь заживете! Поздравляю!

Да, раньше я и подумать не мог, что со мной может произойти нечто такое замечательное!..

В ресторане «Гурман» было, как и в прошлый раз, многолюдно, дымно и шумно. Я сел за свободный столик — и тут же появился знакомый официант. Как-то странно посмотрев на меня, он протянул меню. Вместо того чтобы выбирать блюда, я тревожно думал: почему он так смотрит? Сейчас спросит: «Это была ваша сотня?»

— Выбрали? — послышался голос официанта.

— Принесите то же самое, — сказал я и подумал: все пропало!

— Извините... что? — удивился официант. Или сделал вид, что не понял меня?

Больше не было сил притворяться спокойным.

— Что-нибудь! — с вызовом сказал я, в упор глядя на официанта, чтобы показать ему: я знаю, что он все знает, но не боюсь его.

Несколько секунд он молча смотрел на меня, потом повернулся и ушел. Очень быстро принес мне то же самое, что и в тот раз. Поставив все на стол, взял меня за локоть. Я резко отдернул руку и застыл. Кровь стучала в висках. Бежать, бежать отсюда! — кричал я мысленно самому себе.

— Простите, — извинился официант, я поднял голову. — У вас нитка на рукаве.

Я увидел, что он держит двумя пальцами грубую нитку от холщового мешка, и с трудом пробормотал:

— Ничего... Спасибо.

Пытаясь успокоиться, осушил подряд две рюмки коньяка. А в голове толпились мысли. Нитка! Он произнес это слово с намеком: нитка — мешок... Он знает! Но откуда?..

Я посмотрел по сторонам — и похолодел: невдалеке от меня за отдельным столиком сидела та женщина с вокзала, которая сама вызвалась разменять сотню, и смотрела в мою сторону. Но в тот раз у нее были светлые волосы, а сейчас черные. Перекрасилась или другая? — лихорадочно думал я. Если другая, то почему она смотрит на меня?.. Понял! Перекрасилась, чтобы я не узнал ее, и следит за мной! Я встал и, боковым зрением наблюдая за ней, поспешил к выходу. Распахнув дверь, кинулся вверх по лестнице и вскоре был на улице. Я бежал, а за спиной слышались голоса, окрики! Метнулся в переулок и остановился как вкопанный. В переулке во тьме что-то тревожно шевелилось, дышало. Вдруг мне показалось, что угол дома, черневший в тени тусклого уличного фонаря, тоже шевельнулся. Я отпрянул и помчался в другую сторону переулка. Бежал что было мочи, а за спиной шум приближающейся лавины каких-то мягких, равномерно дышащих существ. Я свернул в другой переулок, темнота там шевелилась, дышала — и вдруг оберну-

лась тысячеголовым стадом уродливых зайцев, мчащихся на меня. Я подскочил к отелю, распахнул дверь, одним махом влетел на второй этаж и принялся барабанить в первую попавшуюся дверь.

— Кто там? — после паузы произнес чей-то голос.

— Открой! Откройте! — взмолился я.

Дверь приоткрылась, я оттолкнул какого-то человека, вошел в комнату, где горела настольная лампа, и захлопнул дверь...

Потом я узнал, что провалялся без памяти три дня и три ночи. За мной ухаживал тот самый человек, которого я оттолкнул. Он работал администратором этого отеля. Уходя на пенсию, он предложил мне свою должность...

Наступила тишина.

— И этот киоск существует на самом деле? — спросил Герт.

— Да. — Администратор посмотрел на часы. — Два часа ночи. Он сейчас открыт. Хотите, я покажу?..

— Как-нибудь в другой раз. Мне сейчас необходимо поспать.

— А у меня бессонница, — вздохнул администратор, поднимаясь с кресла.

Пустынная улочка, подстриженные тополя, старые, серые, облупившиеся двухэтажные дома. Ветер гонит сухие листья по пыльной булыжной мостовой. На душе — беспричинная грусть. Он подходит к старому двухэтажному дому. Над знакомой дверью вывеска: МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ.

Серая краска на двери облезла и обнажила доски, сырые от дождя. Он открывает дверь. В уютном полумраке небольшого помещения горит оранжевый светильник. Вокруг невысоких столиков расположены мягкие кресла. Посетителей нет. За стойкой — пусто. Он садится за столик ближе к светильнику, откидывается на спинку кресла, закуривает сигарету и ждет. Он вязнет в полумраке, как это бывает во сне, и знает, что ему не уйти отсюда, пока не произойдет все, что должно произойти.

Она появляется. Ее лицо скрывают длинные, спадающие на плечи светлые волосы. В полумраке он не может рассмотреть, как она одета. Лишь смутное оранжевое пятно расплывается перед глазами. Она садится за другой столик напротив. Он чувствует на себе ее неотрывный взгляд и опускает глаза. Длинные тонкие пальцы постукивают по столу. Она чем-то взволнована. Как разглядеть ее лицо? Он поднимает глаза, но оно еле различимо белеет во тьме. На мгновение черты проясняются, и вот уже он видит ее лицо отчетливо и судорожно старается удержать, запечатлеть в памяти, но оно вновь растворяется в полумраке. Остается светлое пятно, излучающее неизъяснимое волнение. Лицо медленно отдаляется, и вот его уже нет. Он сидит один, охваченный волнением и тревогой.

Вдруг он чувствует, что за его спиной кто-то стоит. Резко оборачивается — это официантка.

— Кто она? — спрашивает он.

Но официантка отчужденно смотрит на него, потом берет руч-

ку и молчит в ожидании. Ах, да. Он должен сделать заказ.

— Кофе и коньяк, — говорит он и тут же видит поднос в руке официантки. Она ставит перед ним чашечку дымящегося кофе и рюмку коньяка. Все утопает в оранжевом полумраке.

— Кто она? — вновь повторяет он.

Но взгляд официантки, отрешенный, безучастный, усиливает нарастающую тревогу. Вдруг она спрашивает:

— Сколько «ы» вы сегодня подчеркнули? — И подает на подносе маленького пушистого чертика, что был подвешен в автомашине.

...Герт проснулся. За окном было пасмурно. Он лежал, не в силах освободиться от странной тревоги, которую оставил этот сон. Потом оделся, запер номер, тихо пересек холл, где за столом, положив голову на руки, мирно спал администратор, и вышел на улицу.

Собирался дождь. Неожиданно стемнело, налетели порывы ветра. Герт намеревался пойти в бюро, о котором вчера разговаривал с изобретателем, но вдруг свернул в сторону кафе. Один пустынный переулок, другой, третий... Вот и вывеска: МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ.

Посетителей не было. Та же официантка скучала одиноко за стойкой. Он заказал чашку кофе и сел на шаткий стул у покрытого серым пластиком столика на тонких металлических ножках.

Закурив и выпив кофе, он понял, что... чего-то ждет.

Со мной непременно должно что-то произойти... Именно здесь, думал он. Прислушался — опять пошел дождь. Глупости. Все, что должно со мной произойти, уже давно произошло...

Герт уже издалека увидел вывеску: БЮРО ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ.

В безлюдной приемной стояли кожаные кресла, на столике лежали рекламные проспекты с красочными заголовками: «Пользуйтесь услугами нашего бюро!» «Экспериментальная система. Бесплатно!» Герт начал читать подробную инструкцию, как получить прогноз «на всю оставшуюся жизнь».

Инструкция начиналась так: «Для того чтобы предсказать Ваше будущее, мы должны знать факты из Вашего прошлого». Далее следовал перечень всевозможных процедур. Заканчивалась инструкция словами: «Предупреждаем: знание будущего — тяжкое бремя. Хватит ли у Вас мужества, чтобы нести его?»

С этого надо было начинать, с иронией подумал Герт. Что ж, очевидно, сверхмощная ЭВМ, о которой говорил изобретатель, сможет кое-что предсказать на ближайшее время. Но на «всю оставшуюся жизнь»?.. Это, конечно, рекламный трюк.

Он вообще скептически относился к гороскопам и прочим способам предсказывать будущее. Но сейчас, хотя и не чувствовал никаких признаков слежки, для обретения какой-то определенности ему необходимо было заглянуть в ближайшее будущее.

Герт заметил кнопку рядом с дверью, ведущей в следующую комнату. Нажал на кнопку — дверь открылась. Он прошел в уютное помещение, где сидящий за столом с табличкой «Пси-

холог» человек в белом халате приветливо улыбнулся и предложил сесть.

Когда Герт сел, психолог протянул ему листок с напечатанным текстом: «Настоящим подтверждаю, что с инструкцией ознакомлен» — и попросил расписаться. Затем он включил лежащий на столе портативный магнитофон:

— Рассказывайте.

— Что вас интересует? — спросил Герт.

— Все, — ответил психолог. — От событий, происшедших недавно, будем продвигаться к более ранним.

Он вынул из халата пачку сигарет «Фрейд», предложил Герту и закурил сам. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем Герт вкратце изложил события вчерашнего дня.

— Откуда вы прибыли в наш город? — спросил психолог.

— Как вам сказать, — замялся Герт. Психолог понял его по-своему:

— Фирма обязуется не разглашать ваши тайны. Так что говорите правду. — Он улыбнулся. — Иначе трудно рассчитывать на правильный прогноз.

— Я приехал из соседнего города, — начал рассказывать Герт, — в который попал в поисках работы. До этого сменил много должностей. Увольнялся обычно по собственному желанию, но на самом деле... В одном месте я не выполнил задания в срок, в другом по моей вине в отчет попали неверные данные, в третьем я отослал большую сумму денег по неправильному адресу. Постоянно опаздывал на работу... После очередного увольнения я долго не мог найти новое место. Был согласен на скромный оклад, лишь бы работа была не слишком ответственной, а нагрузка не очень большой. Друзья не хотели больше рекомендовать меня и отделялись от моих просьб бесконечными обещаниями. Пришлось заходить в разные учреждения, как говорится, с улицы. И везде отвечали: вакансий нет.

В конце концов я обратился в агентство по трудоустройству. Служащий выслушал мою просьбу, перелистал исписанную трудовую книжку и со вздохом предложил мне работу в городе, о котором я раньше ничего не слышал.

«Какая там работа?» — «Как раз то, что вам надо». — «Нужно подумать».

Дома я тщетно искал город на карте. Никто из моих знакомых о нем и не слышал.

Через несколько дней снова посетил агентство и рассказал о своих поисках служащему.

— Верно, — кивнул он бесстрастно. — На обычных картах он не обозначен. Если вы согласитесь там работать, мы отвезем вас на машине.

И я согласился.

Это был маленький городок. Серые одноэтажные домишки, пыльные узкие улочки, на которых редко попадались одинокие прохожие. Меня поселили в общежитии, в отдельной комнате.

Работа оказалась несложной — я должен был подчеркивать буквы «ы» в печатном тексте. Вначале был несколько удивлен, но потом понял, что мне подобрали именно такую работу, какую я просил. Особых усилий не требовалось, норму — сколь-

ко букв нужно подчеркнуть за день — не задавали. Большой ответственности тоже не было — если я нечаянно пропускал где-нибудь «ы», мой начальник, проверяя мою работу, подчеркивал ее сам.

Я сидел в маленькой комнате вдвоем с угрюмым худощавым стариком, который тоже подчеркивал — как оказалось, букву «о».

В первый день я не разговаривал со стариком. Молчал и он. К концу второго дня я не выдержал.

— Ну и работа, — сказал я вслух.

Он не прореагировал.

— Надолго я здесь не останусь, — продолжал я.

— Ошибаетесь, — вздохнул старик, не удостоив меня взглядом.

— За неимением лучшего придется, конечно, и здесь посидеть, но как только найду что-нибудь приличное, уеду.

Старик промолчал.

В первый вечер я рано лег спать, устав от переезда и нудной работы, но следующий решил посвятить осмотру городка. Как я уже говорил, прохожие на улицах встречались редко. Погруженные в свои не очень-то веселые думы, они не обращали внимания на встречных или заблаговременно переходили на другую сторону улицы. Удивляло то, что в городке не было ни молодежи, ни детишек. Всем, кого я встречал, было за тридцать, как и мне, а то и больше.

— Станный город, — пытался я разговорить старика на следующий день, но он молча продолжал подчеркивать буквы. — Создается впечатление, что все чего-то стыдятся.

С таким же успехом я мог разговаривать и с его буквой «о». До чего же мрачный тип! — подумал я и произнес с вызовом:

— Завтра же начну искать себе новое место.

— Поздно, — сказал старик с возмущительным спокойствием. — Вам придется остаться здесь.

— Кто это может меня здесь удержать? — возвысил я голос.

— Вы сами, — сказал старик своим бумагам.

...Я забыл будильник на старой квартире и из-за этого несколько раз опаздывал на работу. Поэтому в день зарплаты, решив купить новый, зашел в маленький магазинчик с вывеской ЧАСЫ.

Покупателей не было. Пожилая продавщица, облокотившись на прилавок, безучастно смотрела прямо перед собой. За ее спиной висели полки, заставленные часами различных марок и размеров. Странно — перед часами белели маленькие прямоугольные бумажки, но цены не были указаны.

— Простите, я хотел бы купить будильник, — обратился я к продавщице.

Она продолжала думать о чем-то своем, и лишь когда я повторил просьбу, встрепенулась:

— Что?

— Мне нужен будильник, — повторил я.

— Какой вы выбрали? — спросила она.

— Хотелось бы знать цену, — сказал я.

— Цену узнаете потом, — вяло ответила продавщица.

— Когда потом? — уставился я на нее, полагая, что она шутит.

— Когда купите, — зевнула продавщица, прикрывая ладонью рот.

— Станный магазин, — заметил я, — в других цена известна до покупки!

— Здесь все магазины такие, — пожала она плечами.

Я вышел на улицу в полном смятении и направился к соседней витрине, над которой еще раньше заметил вывеску: ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ. В этом городе я еще ничего не покупал. Нас кормили на работе в столовой бесплатно. Открыв дверь, я увидел за прилавком тоже скушающую пожилую продавщицу. За ее спиной висели кепки, береты, шляпы, и на каждой был прикреплен... такой же белый пустой ценник, как и в магазине «Часы».

— Интересные здесь магазины, — обратился я к коллеге на следующий день. — Продавщица сказала, что сначала следует приобрести часы, а потом узнавать их цену!

— Естественно, — буркнул старик.

В этом странном городе и люди со странностями, подумал я. Ничего не поделаешь...

...Знакомая продавщица по-прежнему томилась за прилавком. Приглядев будильник, который, судя по пластмассовому корпусу, был одним из самых дешевых, я попросил:

— Дайте мне, пожалуйста, будильник. Вот этот, желтый.

Она лениво повернулась, взяла с полки синий и протянула его мне.

— Я просил желтый! — возмутился я.

Все так же медленно продавщица поставила синий на место и протянула мне желтый.

— Тот самый, что у вас в портфеле? — неожиданно спросил психолог.

Герт изумленно уставился на него.

— Просто я слышу, что у вас в портфеле что-то тикает, — пояснил психолог и спросил: — Видимо, он вам очень дорог, если вы его носите с собой?

— Еще бы! — воскликнул Герт и продолжил свой рассказ: — Продавщица достала из-под прилавка тетрадку и карандаш.

— Где вы работаете? — спросила она.

— Зачем вам это знать? — удивился я. Необычные порядки этого города стали выводить меня из терпения.

— Если вы не в состоянии сразу заплатить за будильник, у вас будут ежемесячно удерживать из зарплаты.

— Вы хотите сказать... — я поставил будильник на прилавок, — что он стоит больше моего месячного жалованья?

— Кто знает... — неопределенно произнесла она.

— Так скажите же цену! — настаивал я.

— Значит, вы его берете? — не сдавалась она.

Пришлось смириться:

— Ладно. Беру.

Продавщица записала, где я работаю, и назвала цену, равную моей зарплате за полгода.

— Сколько же тогда стоят эти большие стенные часы? — вскричал я. — Миллион?

— Цена не зависит от величины предмета, — заявила она.

— От чего же она тогда зависит?

Продавщица и не подумала мне отвечать.

— А если я возвращу покупку? — Я не знал, как мне достойнее выйти из глупого положения.

— Платить придется все равно, — отрезала она.

На следующий день я рассказал историю старику. Он не прекращал своей работы, и мне поначалу трудно было определить, слушают меня или нет.

— Мне придется более шести месяцев выплачивать долг, — закончил я.

— Здесь все платят долги, — произнес он наконец. — И я — тоже.

— Но почему же цену можно узнать только потом? — возмущался я.

— Когда вы принимаете какое-нибудь решение, вы спрашиваете ценник? Нет. Сколько вам стоит тот или иной поступок, вы узнаете позже. Но ведь покупка — тоже поступок, причем самый простой.

Герт замолчал, закурил сигарету из своей пачки «Бетховен».

— Сколько времени вы провели в этом городе? — спросил психолог.

— Шесть лет.

— А потом?

— Я расплатился с долгами и решил покинуть этот город, — ответил он после паузы.

Психолог внимательно посмотрел на него и спросил:

— Такое возможно?

— Как видите, — с легким раздражением ответил Герт и отвел глаза.

Психолог выключил магнитофон.

— Хорошо. Продолжим нашу беседу недели через две. Сегодня начнете медицинское обследование.

В полдень Герт пообедал в кафе на ратушной площади, украшенной транспарантами «День здоровья», и решил навестить мэра, чтобы продолжить с ним вчерашнюю беседу.

Войдя в прохладный пустой коридор ратуши, он увидел, как дверь приемной мэра открылась и из нее вышел какой-то человек. Его лица Герт не разглядел, потому что тот направился в другое крыло здания, но что-то знакомое показалось ему в этом человеке. Герт почувствовал странную тревогу.

В зале Герт увидел мэра, который разговаривал по телефону. Повесив трубку, мэр улыбнулся:

— Уже вернулись? А я уже думал, что у меня будет скучный вечер...

— Как ваш День здоровья? — спросил Герт, сев на высокий стул.

— Несознательный у нас народ. Раньше не хотели молчать, а теперь никто не хочет разговаривать, — вздохнул мэр.

— Что ж, это можно было предвидеть, — заметил Герт неосторожно.

Лицо мэра побагровело. Он стукнул кулаком по столу так, что стакан на подносе задребезжал.

— Молодой человек! Запомните — предвидеть ничего нельзя!

Подождав, пока мэр выпьет воды и успокоится, Герт напомнил ему:

— Вы вчера начали что-то рассказывать...

— Да. Как раз насчет «предвидеть». Поучительная история... Как я уже говорил, перед тем как попасть сюда, я был мэром одного из экспериментальных городов на Альтрусе, опытного образца города будущего. В городе, в котором не существовало денег, были созданы сказочные условия. Чтобы максимально реализовать принцип равенства, архитекторы сконструировали город в виде гигантского ступенчатого веретена. Верхняя, наземная половина его днем медленно вращалась, чтобы солнце светило одинаково для всех. Жителей обычного небольшого городка в соответствии с их профессиями распределили по плоскостям, по количеству представителей данной профессии. Там были плоскости учителей, врачей, инженеров, рабочих, руководителей и так далее. На каждой плоскости находились абсолютно одинаковые домики с одинаковыми зелеными двориками. На самой вершине стоял один-единственный, точно такой же, как и у других, коттедж. В нем жил мэр города, то есть я.

— А что находилось в подземной части веретена? — спросил Герт.

— Тоже плоскости.

— Странно, что нашлись желающие жить в подземелье.

— Желающие? Не то слово, молодой человек, — блеснул глазами вскочивший с кресла мэр. — Место под землей можно было приобрести только за большие деньги. Чем глубже, тем дороже. Перед переселением, до ликвидации денег, эти места пошли с аукциона.

— И кто же поселился в самом низу?

— Босс! Человек, заплативший миллион.

— В обыкновенном городке нашелся миллионер?

Мэр развел руками:

— Представьте себе.

— Почему все-таки все стремились поселиться в подземной части?

— Понимаете... — мэр наклонился к нему поближе, — это же прекрасное убежище на случай войны с Эгосом...

— Очень интересно, — заметил Герт. — Но самое интересное, конечно, то, что вам удалось организовать жизнь без денег.

— Мы производили продуктов и товаров достаточно, чтобы удовлетворить спрос наших жителей, — ответил мэр без особого энтузиазма.

— Что ж, — сказал Герт, — прекрасный город!

Мэр даже руками замахал:

— Кошмарный! Там такое началось! Мне пришлось издать указ о запрещении веревочных лестниц — все стали изготавливать веревочные лестницы.

— Вевочные лестницы? — удивился Герт.

— Все дело в лифте, — вздохнул мэр. — Представьте себе

конструкцию города: веретено; внутри, вдоль оси, как челнок, движется лифт; к нему от каждой плоскости ведут тоннели, как спицы колеса — к втулке. Магазины находятся на нулевой плоскости, на поверхности земли. Там же живут продавцы и прочие торговые работники. Когда есть вызовы, лифт сначала поднимается на самый верхний этаж, потом начинает спускаться, забирая пассажиров поочередно с каждого этажа. Наполнившись, привозит людей на нулевую плоскость. Затем опускается до самого нижнего этажа и, поднимаясь вверх, забирает пассажиров с каждого подземного этажа и доставляет их на поверхность земли к магазинам. Поэтому утром, когда открываются магазины, первыми у дверей оказываются те, кто живет либо глубоко под землей, либо высоко в надземной части. Вот некоторые и стали изготавливать веревочные лестницы, чтобы под покровом ночи спуститься раньше других на землю и занять очередь в магазины. — Мэр вздохнул. — Сначала я ввел систему штрафов и контролеров, потом пришлось издать строгий указ о веревочных лестницах... Все равно нарушали.

— Позвольте, — удивился Герт, — вы же сказали, что товары все получали бесплатно и было их в достаточном количестве... Зачем же людям рисковать?

— Я же говорю — несознательный народ! Например, вдруг всем захотелось иметь серебристо-голубые гудящие шары. — Мэр с досадой кивнул в сторону шара под сводами зала, нажал какую-то кнопку на столе — и шар, засветившись, начал глухо гудеть. — Откровенно говоря, это гудение действует на нервы, — смущенно признался мэр и выключил шар. — А жители города из-за этих шаров до драки доходили...

— А для чего такие шары нужны? — спросил Герт.

— Просто так, — пожал плечами мэр.

— Значит, шаров все-таки не хватило для всех?

— Дело в том, что вокруг нашего экспериментального города находились самые обыкновенные города. А там по-прежнему все — за деньги. Им надо было расширить сферу сбыта. Некоторые свои товары мы обменивали на те, которые производились в соседних городах. Они поступали к нам небольшими партиями. Вот одна фирма и преподнесла нам вагон этих шаров. Что тут началось! Мне все завидовали, что я живу на самом верху, имею прямое сообщение с магазинами, а ведь совершенно напрасно. Представляете, стоишь на самом верху, город вертится, веер дует, тебя так крутит, что голова кругом идет. Вот и перелом. — Мэр показал на свою ногу и продолжал: — По-моему, босс устроился намного лучше. Но его у нас жалели: бедный, света белого не видит... А на меня пальцем показывали — себе в первую очередь шар достал. И босс достал. Ну и что? Какой толк от этого шара?

— Зачем же вы его приобрели? — спросил Герт.

— Жена попросила, — вздохнул мэр. — Видела такой у своей тетки в соседнем городе.

В дверь постучали.

— Приема нет! Нет! — закричал мэр, обращаясь к стоявшему за приоткрывшейся дверью.

Кто-то кашлянул, и дверь захлопнулась.

Опять, наверное, изобретатель, подумал Герт.

— Вот вы, молодой человек, все время говорите «предвидеть», — вернулся мэр к начатому разговору. — Вам, наверное, лет сорок пять, не больше?

Герт кивнул.

— Вы родились на Альтрусе?

— Нет.

— Значит, вы из переселенцев. Грандиозный эксперимент! И все-таки стоило не учесть лишь одно незначительное обстоятельство, а какие непредсказуемые последствия!

Странно, что он называет катастрофу «незначительным обстоятельством», подумал Герт.

— Катастрофу, конечно, нельзя было предвидеть... — начал он.

— Какую катастрофу? — спросил мэр удивленно.

— Ту, которая произошла при переселении, — удивился, в свою очередь Герт.

Как-то странно посмотрев на него, мэр сказал:

— Значит, вы ничего не знаете...

В дверь опять постучали.

— Нет, это невозможно! — воскликнул мэр.

Услышав покашливание, Герт обернулся и увидел вошедшего изобретателя. Глаза его лихорадочно блеснули.

— Сегодня вы обязаны принять меня, больного человека! — прохрипел он. — Иначе я буду жаловаться, что вы игнорируете общегородской праздник День здоровья!

Мэр от неожиданности на миг потерял дар речи.

— Я еще зайду к вам, — решил Герт оставить их наедине.

Вернувшись в гостиницу, Герт обнаружил, что там появились новые жильцы. В холле за шахматным столиком сидели двое мужчин, погрузившись в обдумывание ходов, третий стоял рядом, наблюдая за игрой. От нечего делать Герт остановился рядом с играющими и разглядывал не столько игроков, сколько болельщика. Маленького роста, совершенно лысый, с каким-то фанатичным блеском в глазах, держался он очень важно.

— Играете? — спросил он высокомерным тоном.

— Немножко, — ответил Герт.

— Я буду играть только с победителем! — важно заявил коротышка.

Закончив партию, проигравший молча уступил место за столиком. Герт без труда обыграл победителя и взглянул на коротышку. Тот произнес:

— Сыграйте еще круг.

Герт снова обыграл и первого и второго партнера и, утратив интерес к игре, собрался уходить.

— Подождите! — остановил его коротышка. — Теперь я сыграю с вами.

Когда фигуры были расставлены, коротышка сказал:

— Только я предлагаю сыграть по иным правилам!

Он бросил на шахматную доску игральные кости и заявил:

— Каждый раз бросаем кости, и у кого выпадет больше очков, тот и будет делать ход.

Сумасшедший, подумал Герт, и осторожно спросил:

— Позвольте! Зачем же так? В таком случае игра теряет смысл.

— Напротив! — упрямо возразил коротышка. — Именно в таком случае она его приобретает!

Партия закончилась молниеносно. После двух ходов Герта противник получил возможность сделать четыре хода подряд и самодовольно объявил:

— Мат!

Герт поднялся со стула.

— Ну, что скажете? — победоносно спросил коротышка. — Вы играли лучше всех, но счастье улыбнулось мне, и поэтому я победил.

Он поднялся вслед за Гертом по лестнице.

— Извините, — не выдержал Герт. — Я не могу понять, зачем вам понадобилось нарушать правила игры?

— Он ничего не понимает! — закатил круглые глаза коротышка. От радости он чуть ли не плясал на месте. — Молодой человек, вы ничего не понимаете в жизни!

Герт онемел от неожиданности.

— Почему вы так считаете? — наконец спросил он.

— Вы думаете, что эта игра — шахматы? Это — сама жизнь! Жизнь — где случай решает все!

Он остановился перед своим номером и, по-видимому, уже забыв о Герте, пытался открыть ключом дверь, мурлыкая себе под нос какую-то песенку.

Внезапно Герта осенило, как возразить сопернику:

— Случай помог вам выиграть одну партию. Но вы уверены, что сможете победить, играя целый матч?

Коротышка замолчал и сник прямо на глазах, даже, казалось, стал еще меньше ростом.

— Матч? — повторил он растерянно. — Об этом я не думал... — Он схватился за голову и простонал: — Неужели все начинать сначала?

Герт одиноко сидел в номере, не зная, чем заняться, когда вдруг в коридоре послышались шаги, остановились у его двери, раздался стук, и дверь приоткрылась.

— Входите! — обрадовался Герт, увидев изобретателя. Вслед за ним появился еще какой-то подозрительный, небритый тип.

— Не помешаем? — спросил изобретатель еле слышно и закашлялся. — Не бойтесь, это не заразное. Хронический бронхит, приобретенный в холодном коридоре ратуши, — прохрипел он, вытирая слезы платком.

— Ничего, садитесь, — предложил Герт.

— Знакомьтесь, — показал изобретатель на своего спутника. — Консультант патентного бюро...

— Бывший, — вежливо уточнил тот, поклонившись.

— Мы по поводу детектора, — сказал изобретатель, усаживаясь в кресле. — Боюсь, что уедете и я не успею объяснить вам принцип его работы.

— Возможно, я останусь в вашем городе, — задумчиво сказал Герт. — Меня нигде не ждут.

— В бюро прогнозов не обращались? — поинтересовался консультант.

— Обращался.

— Вот они вам и скажут, останетесь или нет.

— Не верится.

— Зря. — Изобретатель высморкался в платок. — Мэр тоже в бюро не верит. Его любимая фраза — «никакой психологии нет!».

— И еще: «Предвидеть ничего нельзя!» — добавил Герт, улыбаясь. — Скажите, мэр наконец принял вас?

— Принял! Выгнал через пять минут. — Изобретатель опять закашлялся.

— Вы извините, — сказал консультант. — Он совсем охрип, — и показал на изобретателя, — он просил меня рассказать вам о детекторе.

Герт достал из тумбочки бутылку коньяка, налил в стаканы и предложил изобретателю:

— Подлечитесь немного.

— Спасибо, — прохрипел тот.

— Сейчас я вам расскажу, — сказал консультант и залпом выпил коньяк. — Все расскажу про этот проклятый детектор истины. Слушайте. Раньше я работал консультантом в патентном бюро изобретений и открытий, где меня считали неплохим специалистом. Однажды вечером, когда я возвращался с работы домой, меня остановил незнакомый человек и попросил выслушать его, так как он изобрел нечто из ряда вон выходящее. Я посоветовал ему зайти в бюро в рабочее время. Он умолял рассмотреть его изобретение в частном порядке, ссылаясь на то, что официальные инстанции ему не верят. Надо сказать, в бюро наше кто только не приходит. Каждый год двое-трое одержимых приносят новый проект вечного двигателя... Посмотрел я на него: глаза ясные, без фанатичного блеска. Спрашиваю: «Почему вы выбрали именно меня?» — «Потому что ваши показатели мне подходят», — нагло отвечает он и улыбается: «Вы меня не узнаете?»

Смотрю, действительно, где-то встречал этого человека. А когда он достал из кармана микрокалькулятор, вспомнил.

Дня за три до этого возвращаюсь я в кабинет с обеденного перерыва, вижу — на моем столе лежит микрокалькулятор. Я повертел его в руках и еще удивился, что цифры на табло плывут одна за другой. Вдруг за спиной слышу голос одного из посетителей:

— Извините, это мой.

Я отдал ему микрокалькулятор и больше его не видел. И вот теперь он подошел ко мне на улице. «Вы, по-видимому, усовершенствовали микрокалькулятор?» — «Нет, — говорит, — калькулятор — это для маскировки, я вмонтировал в его корпус свое изобретение, детектор истины».

А надо сказать, кто работал в патентном бюро, тот знает: самый верный способ вызвать недоверие к изобретению — это дать ему простое название. Если в названии встречаются мало-понятные термины, например: тензорный гипербохронометрический трансформатор, то бюро отнесется к изобретению серьезно и через год выдаст патент. Но если бы автор этого гипер-

болохронометрического трансформатора честно назвал его машинной времени, — разговаривать с ним не стали бы.

Ну так вот, я и спрашиваю его, — консультант кивнул в сторону изобретателя: «Детектор истины? Это нечто вроде детектора лжи, что ли?» — «Почему-то все задают мне такой вопрос, — говорит он. — Нет, это устройство, позволяющее вычислить характер человека». — «Как вычислить?» — удивляюсь я. Он объясняет: «Возьмите, например, тесты Роршаха, которые используют психологи. Испытуемый должен ответить минимум на шестьсот вопросов. По ответам определяют, какие свойства у него есть, а каких нет. Но эта процедура очень субъективна. А детектор истины, попадая в руки человека, считывает информацию из мозга о поступках человека и вычисляет показатели его ума, хитрости и альтруизма. Максимум — сто, минимум — ноль. Заметьте, это истина, а не субъективное мнение».

— Не может быть! — удивился Герт. — Держишь калькулятор в руках, а информация считывается из мозга?

— Не забывайте, — прохрипел, не выдержав, изобретатель, — что каждая нервная клетка вашего тела связана с мозгом. Схему приемника этой связи я создал за три месяца. Двадцать лет жизни ушло на точное определение, что такое ум, хитрость и альтруизм. — Изобретатель опять закашлялся, и консультант замахал на него руками: — Помолчи! Ну так вот, я его спрашиваю: «А зачем такой детектор вообще нужен?» Он объясняет: «Очень нужен начальникам отделов кадров при приеме на работу. Школьникам при выборе профессии. Вступающим в брак...»

И я, идиот, взялся ему помочь.

— А в нашем городе, где все молчат, детектор — вообще незаменимая вещь, — вмешался изобретатель, не обращая внимания на выпад приятеля.

С сожалением взглянув на него, консультант продолжал рассказывать:

— Достал он свой «детектор» из кармана и говорит: «Перед тем как включать, скажите, как вы сами себя оцениваете. А потом сравним с показателями детектора».

Я соглашаюсь. Не могу сказать, что я полный альтруист, но работаю над собой. Звезд с неба не хватаю, но вроде бы не дурак. Схитрить тоже приходилось... Так что могу рассчитывать на средние показатели по всем трем шкалам. Включаю микрокалькулятор — он показывает: пятьдесят, девяносто пять и семь.

«Это чего же у меня так мало?» — спрашиваю я гостя. Он поясняет: «Пятьдесят — это показатель ума, девяносто пять — альтруизма. Хитрости действительно у вас маловато». Я обижаюсь: «Что ж, по-вашему, я такой простодушный?» — «Бесхитростный, скажем так... — уточняет он и начинает успокаивать: — Не огорчайтесь, самооценка всегда расходится с истиной. Зато какой высокий у вас показатель альтруизма! Именно поэтому я вас и выбрал...» — «Альтруизмом, — говорю, — на нашей планете никого не удивишь. А шкала хитрости у вас, очевидно, недоработана». И вдруг вспоминаю, что родственники часто восклицают: «Какой же ты у нас простофиля!» — «Ладно, — говорю. — Вещь интересная. Только надо бы еще на ком-то про-

верить». — «Вот и я хотел вас просить, — улыбается он. — Проверьте, пожалуйста, на людях, кого хорошо знаете...»

На том и расстались, договорившись встретиться на следующий день.

Иду домой и думаю: кого я хорошо знаю? Конечно, жену, родственников, сотрудников. Прикинул показатели моей жены. Хитрости у нее еще меньше, чем у меня. Ума — тоже маловато. А вот альтруизма в избытке. Пришел и рассказал ей о детекторе истины.

«Это что же, такой гороскоп? — спрашивает она. — Ничего не поняла!» С трудом ей втолковывал, что это абсолютная истина. «Раз абсолютная, — засмеялась она, — значит, надо к этому и отнестись абсолютно серьезно. Давай завтра утром, на свежую голову и проверим».

А утром, сами знаете, не до этого, на работу надо бежать. Вот я и решил сначала опробовать детектор на своих сотрудниках, прикинув, кто из них самый умный, кто самый хитрый и кто самый бескорыстный. Воспользовался советом этого хитреца, — показал консультант на изобретателя. — Оставляю микроалькулятор на столе кого-нибудь из коллег; только он его возьмет в руки, я подсказываю: «Извини, это мой. Забыл по рассеянности», а сам смотрю на шкалу.

Рассказчик вдруг умолк, уставившись на бутылку. Герт снова разлил коньяк по стаканам и спросил:

— Ну и как, проверили?

— Проверил, — ответил консультант и залпом выпил, — и понял, что детектор нагло врет.

После работы мы встретились опять.

«Ну как, проверили?» — спрашивает он. «Можете ваше изобретение, — отвечаю, — выбросить». — «Почему?» — «А потому, — говорю, — что по вашему детектору в нашем бюро самый умный оказался глупцом, самый простой — хитрецом. Но что самое абсурдное — настоящих альтруистов вообще не нашлось». — «Ничего удивительного», — говорит он. «Где же мы, по-вашему, живем? — возмущаюсь я. — Разве не на Альтрусе?» — «Это еще ничего не значит, — заявляет он и спрашивает: — А какие показатели у того человека, которого в вашем бюро считают самым умным?» Я достал свой блокнот. «Пожалуйста: ума — тридцать девять, альтруизма — два, хитрости — девяносто девять». — «Неужели вы не догадались, в чем тут дело? — улыбается он. — Повышенный уровень хитрости помогает вашему товарищу скрывать нехватку ума». — «Вот как... А как же могло получиться, что у самого простодушного коллеги по вашему детектору показатель хитрости — около ста?» — «Ну, разве это была бы настоящая хитрость, если бы ее замечали! Кроме того, о хитрости другого человека может судить тот, кто сам еще хитрее».

Мне стало не по себе... Нет, думаю, свою жену лучше не проверять. И как назло, зашел в комнату именно тогда, когда она держала детектор в руках.

Консультант замолчал.

— Ну и что же? — задал вопрос Герт.

— Лучше не спрашивайте, — махнул рукой консультант, налил себе в стакан коньяка и выпил, — Она оказалась совсем

не альтруисткой, только прикидывалась доброй и самоотверженной. Сначала не поверил, когда увидел показания детектора. Но стал присматриваться, следить... Вот, — показал он на изобретателя, — этот человек своим изобретением разбил мою семью и лишил меня работы. Как видите, я начал пить...

— *In vino veritas*, — сказал изобретатель хладнокровно.

— Почему вас уволили? — спросил участливо Герт.

— Потому что я помог ему запатентовать изобретение, когда наконец поверил в него. Я посоветовал ему переименовать детектор истины в «Диспозиционный мультихарактеристический верификатор психомоторных функций», и через год он получил патент. Об этом случайно узнала моя жена, с которой к тому времени я уже развелся. В отместку она рассказала моему начальнику, что измеряет этот прибор. Тот, конечно же, захотел узнать свои показатели. Когда выяснилось, что у него ума и альтруизма меньше десяти, он обвинил меня в том, что патент оформлен на неисправное изобретение. И мне пришлось уволиться... А мой приятель еще утешает меня: «Ничего, зато ты познал истину!» Зачем мне истина, если от нее одни несчастья! — воскликнул уже основательно захмелевший консультант.

— Ты забыл, — вмешался изобретатель, — что с тех пор у тебя улучшились на десять единиц показатели хитрости и ума.

— А показатель альтруизма понизился! На целых двадцать единиц, — обиженно возразил консультант. — И вообще, до встречи с тобой я был счастливым человеком.

— Знаете, почему мэр не хочет внедрять мой детектор истины? — обратился изобретатель к Герту.

— А какие у него показатели? — задал Герт встречный вопрос.

В это время в дверь постучали.

— Войдите! — откликнулся Герт, спрятав недопитую бутылку коньяка в тумбочку.

— Извините, я вам помешал, — сказал администратор, входя в номер.

— Мы уже уходим, — поднялся изобретатель. — До встречи, — поклонился он Герту.

— Спасибо за приятный вечер, — сказал консультант и, покачиваясь, последовал за своим приятелем.

— Они всех приезжих обрабатывают, — произнес после паузы администратор. — А меня побаиваются. Я не верю в эти изобретения и выгоняю их отсюда.

— А у вас опять бессонница? — спросил Герт, чтобы сменить тему разговора.

— Не говорите! — уселся администратор в кресло.

— Вы же днем спали, — заметил Герт.

— Днем. А ночью не могу. Заснешь с такими жильцами. — Он перешел на шепот: — Вчера у нас поселился такой же ненормальный, как этот изобретатель. Ищет смысл жизни.

— Все люди по-своему странны, — заметил Герт.

— Так вы не надумали сыграть в лотерею?

— Сначала мне нужно достать удостоверение личности. Я все оставил в том городе, откуда приехал. Вы не могли бы помочь?

— Пожалуйста. Но только за ночные деньги.

— А без лотереи нельзя? — спросил Герт, глядя на измученное лицо администратора.

— Тогда разменяйте мне сотню, — достал тот из кармана новенькую купюру. Разменяв деньги, Герт спросил, не может ли администратор посоветовать ему какую-нибудь работу?

— Конечно, могу, — повеселел администратор, пряча полученные купюры в карман. — Что вы умеете делать?

«Только подчеркивать букву «ы», — пронеслось в голове Герта.

— Толком ничего.

— О! Хотите, я вас оформлю работать в отеле? — предложил администратор. — А то я днем засыпаю, — добавил он, виновато улыбаясь.

Когда Герт снова пришел в БЮРО ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ, психолог попросил его продолжить рассказ о своей жизни.

— Расскажите о вашем первом браке. Вы говорили, что развелись с первой женой. Вы нашли другую или она встретила кого-нибудь?

Герт покачал головой.

— Что же произошло?

— Ничего особенного, — замялся Герт. — Даже не знаю, как вам объяснить...

— Признайтесь, — внимательно посмотрел ему в глаза психолог, — вы верите в возможности нашей фирмы? — Заметив его замешательство, он улыбнулся. — Можете не отвечать. Давайте поступим иначе. Я сам расскажу вам, что произошло в вашей семейной жизни.

Психолог порылся в ящике картотеки, достал кассету с биркой «Версия № 6», вставил ее в магнитофон. Герт услышал незнакомый мужской голос:

«Что-то давило, душило меня, я пытался освободиться, крикнуть и проснулся. В комнате царил предрассветный полумрак. Было очень душно. Я приподнялся и взглянул на жену. Она спала, отвернувшись от меня. Посмотрел на будильник, стоящий на тумбочке жены, и поразился: циферблат часов был странно изогнут. Я протянул руку, чтобы разбудить жену, но наткнулся на какое-то невидимое препятствие. Стена! Разделив кровать пополам, стена перегородила комнату от пола до потолка на две части. Окно и дверь, ведущая в прихожую, были на другой стороне. Я громко позвал жену, но она не шелохнулась. Я понял, что сквозь стену она меня не слышит. Вдруг она приподнялась, протянула руку к тумбочке и нажала на кнопку будильника. Немного полежав, она встала и подошла к окну. Раздвинув шторы, накинула на себя халат и распахнула окно, потянулась и на миг замерла, наслаждаясь свежим воздухом. А я ощутил, как душно в моей части комнаты. Наконец жена повернулась ко мне. Я начал размахивать руками, стучать кулаком по стене. Но она вышла из комнаты, не обращая на меня никакого внимания. Что она будет делать дальше? Сначала сварит кофе или придет переодеваться?.. Я уйду на работу позже ее, так что, когда встаю, ее уже нет.

Но вот она появилась в дверях, Я вскочил и снова стал кри-

чать и размахивать руками. Жена спокойно подошла к гардеробу и стала одеваться. Потом села к туалетному столику. Она сидела ко мне спиной — и я увидел в зеркале ее лицо. Это было чужое лицо. Сначала казалось, что жена улыбается мне. Но как только я подошел ближе, ее лицо вдруг скривилось, нижняя половина резко сдвинулась, как в кривом зеркале. Я понял, что так искажает стена.

Жена взглянула на часы, вскочила и вышла из комнаты.

Хватит ли мне воздуха до ее возвращения? Да и заметит ли она меня, вернувшись? Я с отчаянием огляделся. Кроме тумбочки, здесь ничего не было. Вывалив на пол книжки и сигареты, поднял ее и с размаху швырнул о стену. Я зажмурился и прикрыл руками лицо от ожидаемых осколков. Но тумбочка отскочила от стены, дверца сломалась... Вдруг я заметил на подушке листок бумаги. Схватил его и прочел: «Стена исчезнет, если...» Здесь было указано, как избавиться от стены. Нужно только дожидаться возвращения жены и передать ей содержание записки. Я лег на постель, закрыл глаза...»

В этом месте рассказа психолог выключил магнитофон, перемотал часть пленки и включил снова. Теперь Герт слышал женский голос.

«Вернувшись с работы, я, как обычно, пошла переодеваться в спальню. Включила свет и замерла. Мой муж стоял на кровати с поднятыми руками. Его губы на перекошенном лице беззвучно шевелились.

— Что с тобой? — крикнула я, подбежав к нему. Хотела схватить за руку, но натолкнулась на прозрачную стену, неизвестно как появившуюся в нашей комнате.

Он беззвучно шевелил губами, прижимая к стене клочок бумаги. Я пытался прочитать, что написано на этом клочке, но буквы расплывались. Тогда я принесла молоток и ударила по стене, но он отскочил, как от упругой резины. Муж напряженно наблюдал за мной. Мне стало жутко, потому что выражение на его лице менялось каждую секунду. На мгновение мне почудилась злобная усмешка. Потом он стал водить пальцем по стене. Начинает сходить с ума, с ужасом подумала я. Решила пойти за помощью в ЖЭК. Там мне не поверили. Пришлось привести их в нашу спальню. Целая делегация из ЖЭКа стояла и с большим интересом разглядывала моего мужа. А он, небритый, в пижаме, метался на своей половине спальни, словно в огромном аквариуме, и водил пальцем по прозрачной стене. Каждый из них тоже пробовал разбить эту стену молотком, но безуспешно. И только потом стали куда-то звонить, просили прислать машину (не знаю, как она называется), которой ломают асфальт. Машину обещали дать на следующей неделе, и они спокойно собрались уходить.

— Он же умрет от жажды! — закричала я.

Стали обсуждать, как долго может человек прожить без воды. А муж все стоял за стеной и лихорадочно водил по ней пальцем.

Все-таки я добилась — на следующий день приехали какие-то рабочие с этой машиной. Но и она не помогла. Сначала рабочие попробовали взломать прозрачную стену, но даже не поцарапали ее. Тогда попытались пробить стену спальни со сто-

роны ванной. И сначала дело пошло — отвалились большие куски бетона, но это все, что удалось. Пробовали пробиться в спальню с другой стороны, но безуспешно. Наступил вечер. Рабочие пообещали прийти утром и попробовать из верхней квартиры взломать наш потолок, если, конечно, разрешат соседи. Я умоляла их сделать это сразу, ведь муж вторые сутки ничего не ел. Но они сказали, что человек может прожить без пищи месяц.

Проснувшись утром, я обнаружила, что стена исчезла. Муж лежал, неестественно согнувшись, пальцы рук застыли на горле.

— Ты спишь? — вскрикнула я в ужасе, уже зная, что кричать бесполезно.

Я вскочила с постели и увидела рядом с ним клочок бумажки. «Стена исчезнет, — прочитала я, — если каждый из вас напишет на ней имя другого».

Психолог выключил магнитофон и внимательно посмотрел на Герта. Наконец спросил:

— Вы согласны с этой версией?

— Да. Именно поэтому мы и развелись. Стена... — задумчиво сказал Герт.

— Типичный случай... Теперь расскажите, пожалуйста, что случилось с вашей второй женой.

— Она... Она погибла... В катастрофе при переселении. Многие тогда потеряли своих близких.

— Да, я знаю. Но расскажите подробнее.

— Когда мы прилетели в пункт распределения, на промежуточную космическую станцию, нас поселили в изоляторе, отдельно. Вдруг выяснилось, что произошла какая-то авария, и на всех не хватает кислорода ни для полета на планету расселения, ни для возвращения на Землю. Каждый супруг должен был сделать выбор.

— И вам было предоставлено право выбрать, кому остаться в живых — вам или вашей жене? — уточнил психолог.

— Да, — кивнул Герт.

— И вы пожертвовали собой?

Герт кивнул.

— Но все равно погибла ваша жена?

— Да. Произошла катастрофа, в которой погибли многие.

— Вы, как я понял, многого не знаете. — Психолог задумался. Затем сказал: — Впрочем, это уже неважно. Приходите через неделю. Мы вручим вам готовый прогноз.

Выйдя из бюро, Герт взволнованно прошелся до ратушной площади. С катастрофой связана какая-то тайна, это ясно...

Как всегда, мэр охотно принял его.

— Помните, — спросил Герт, усаживаясь, — вы обещали мне рассказать о переселении?..

— Я был одним из исполнителей этого грандиозного эксперимента, — охотно отвечал мэр. — Поэтому знаю все подробности.

— Расскажите, пожалуйста.

— Что ж, слушайте... Раньше информация была засекречена. Совсем недавно мы обнародовали эти данные, Тридцать

лет назад в связи с перенаселением Земли мы искали планету с подходящими для жизни людей условиями. Наконец нашли сразу две такие планеты. Они вращались вокруг своего солнца на близких орбитах: похожие климатические условия, родственные виды растений, почти такая же длина суток, как на Земле. В процессе переселения было принято решение очистить общество от эгоистов. Вот и решили разделить переселенцев на альтруистов и эгоистов и поселить их на разных планетах. Одну планету назвали Альтрус, другую Эгос.

— Но как смогли установить, кто есть кто? — спросил Герт.

— Очень просто. Видите ли, переселению подлежали только бездетные супружеские пары. Когда они прилетели на промежуточную станцию, мужчин изолировали от женщин. И каждой группе говорили об аварии и нехватке кислорода. Предлагали пожертвовать жизнью: жене — ради мужа, мужу — ради жены. Альтруисты согласились пожертвовать собой, эгоисты — нет. Первых отправили на планету Альтрус, вторых — на планету Эгос.

— Но ведь нам сказали, что произошла катастрофа? — тревожно возразил Герт.

— Это миф. Причем, как всегда, больше всех пострадали альтруисты, — развел руками мэр. — Сначала решились на смерть, потом, узнав о катастрофе, оплакивали своих мнимо погибших супругов.

— Почему «мнимо» погибших? — воскликнул Герт.

— Потому что катастрофы не было, — ответил мэр.

— И моя жена не умерла?

— Она умерла для вас, — взглянув с сожалением на Герта, вздохнул мэр. — Мы говорили альтруистам о гибели их супругов в катастрофе только потому, чтобы как-то утешить их и освободить от спутников жизни, вынесших им смертный приговор.

— И вы считаете, что имели на это моральное право? — спросил Герт, не зная, радоваться ему или переживать по поводу известий о жене.

— Экспериментов без побочных явлений не бывает, — ответил мэр и, выпив стакан воды, продолжал: — Те из супругов, кто взаимно подарили друг другу жизнь, встретились на Альтрусе, а те, кто отреклись друг от друга, — на Эгосе.

Предполагалось, что большинство переселенцев попадет на Эгос — по сути дела, все люди эгоисты. Думали, что на Альтрусе окажется в лучшем случае десятая часть. Члены комиссии по переселению много спорили, но согласились сначала построить на Эгосе девять стандартных городов, а на Альтрусе — только один. Но переселенцы распределились поровну. Оказывается, когда один из супругов эгоист, другой обязательно альтруист. Даже запатентовали открытие: «Эгоисты женятся на альтруистках, альтруисты — на эгоистках». Эта статистическая закономерность дает себя знать только при большом числе супружеских пар.

— А если в браке состоят два эгоиста или два альтруиста? — спросил Герт.

— То бывает очень редко. Психологи из комиссии по переселению объяснили это так: альтруизм — потребность жертво-

вать, а эгоизм требует жертв; лишь сочетаясь друг с другом, эгоист и альтруист могут жить в гармоничном равновесии.

— Но вы же считаете, что никакой психологии нет, — заметил Герт.

— Конечно, нет! Зато есть психологи. Они вам объяснят все, что хотите. Задним числом, конечно... Так вот, пришлось построить на Альтрусе дополнительно несколько городов.

Мы были уверены, что уже лет через двадцать на Альтрусе образуется нечто подобное «Утопии» Томаса Мора. Я не случайно согласился стать мэром одного из городов Альтруса. У меня была заветная мечта — дожить до того времени, когда результаты эксперимента будут налицо. Но, как вы думаете, кого вырастили альтруисты? Закоренелых эгоистов. Конечно, если рассматривать в целом. У некоторых альтруистов дети выросли альтруистами, но таких очень мало. А дети эгоистов, вынужденные заботиться о своих родителях, выросли альтруистами. В итоге на обеих планетах эгоисты перемешались с альтруистами. И что самое возмутительное — члены делегаций с Эгоса, которых мне приходится часто принимать, все настойчивей утверждают, что нашу планету надо переименовать в Эгос, а их планету — в Альтрус! Что вы на это скажете?

— Извините, я себя чувствую не очень хорошо. Я еще зайду, — ответил Герт, встал и распрощался с озадаченным мэром.

Значит, она жива, думал он, идя в сторону отеля. Ему вспомнились слова мэра: «Для вас она умерла».

Что ж, он прав, думал Герт уже вечером, лежа в своем номере, для меня она умерла.

Через неделю, когда Герт снова пошел в БЮРО ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГНОЗОВ, ему показалось, что психолог не в духе. Впрочем, он улыбнулся Герту и сказал приветливым тоном:

— Ну вот, ЭВМ обработала полученную информацию, — и протянул Герту какую-то книгу.

— Что это? — удивился Герт.

— Ваше будущее.

— Но это же целый том!

— А вы ожидали страничку в духе бабки-гадалки о том, что в вашей судьбе чувствуется влияние Луны, поэтому остерегайтесь брюнеток? Нет, в книге день за днем описана ваша будущая жизнь.

Озадаченный Герт повертел книгу в руках, подумал: во всяком случае, осталось еще немало.

— Должен сразу вас предупредить, — произнес психолог, — окончания нет.

— Есть вещи, которые вы не в силах предсказать?

— Вы нас недооцениваете, — сказал психолог. — Окончание есть. Оно находится у нас. Но эти страницы мы выдаем через год после вручения книги. Конечно, если вы захотите их получить. Большинство отказывается. За все время нашелся один клиент, который пришел за окончанием книги, но и он в последний момент передумал.

— А почему через год? — спросил Герт.

— Потому что за это время можно убедиться, что наши прогнозы сбываются.

— С абсолютной точностью?

— Можно сказать, что так. Один процент отклонений дела не меняет. Даже самый осторожный и предусмотрительный человек может не уберечь себя и скончаться во время эпидемии гриппа или под колесами машины по вине пьяного водителя.

— Что ж, — поднялся Герт. — Благодарю вас.

— А я — вас, — ответил психолог, тоже вставая.

— Меня-то за что? — удивился Герт.

— Дали мне интересный материал для моего исследования. Я пишу докторскую диссертацию. — Он пожал Герту руку и сказал на прощание: — Мужайтесь!

Сев в машину, Герт наугад раскрыл книгу и начал читать.

«— Сколько «ы» вы сегодня подчеркнули? — спросил старик.

— Двадцать шесть, — ответил я.

— Начальник говорит, что вчера вы пропустили девять «ы».

Потрясенный, Герт опустил раскрытую книгу на колени. Сердце его сжалось. Не может быть, подумал он, неужели придется вернуться?

Он перевернул еще несколько страниц и увидел:

«— Сколько «ы» вы сегодня подчеркнули? — спросил старик.

— Семь, — ответил я.

— Почему так мало?

— У меня болела голова, — солгал я...»

Герт лихорадочно стал перелистывать книгу. На каждой странице взгляд выхватывал:

«— Сколько «ы» вы сегодня подчеркнули? — спросил старик».

Значит, все пропало... Вдруг его словно ударило током: он отчетливо вспомнил первую беседу с психологом. Ведь в тот раз он солгал ему, не признался, что бежал из города. А они строят прогноз на основе прошлого. Но между человеком, полностью расплатившимся с этим проклятым городом, и человеком, бежавшим из него, — большая разница. ЭВМ получила информацию о человеке покорном, который ежедневно в течение нескольких лет подчеркивал букву «ы» в чужом скучном тексте и который, лишь рассчитавшись с долгами, покинул город. Машина выдала прогноз о будущем именно такого человека.

Герт бросил книгу в багажник, включил зажигание и поехал в сторону ратушной площади. Погруженный в раздумья о своей жизни, он и не заметил, как свернул в знакомый переулок у окраины и оказался перед домом с вывеской МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ.

Небо нахмурилось. Тополя гнулись под порывами ветра. Две полуразрушенные ступеньки — и он открыл знакомую дверь... Скупой свет хмурой осени, еле пробиваясь сквозь грязные окна, тускло освещал столики, покрытые серым пластиком. Официантка одиноко сидела за стойкой. Все было как всегда. Нет. Что-то не так. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Огляделся и увидел, что кто-то сидит за столиком в самом затемненном углу. Он невольно шагнул в ту сторону. Это была... девушка из его сна.

— Садись, — сказала она, улыбаясь.

Он подошел, молча сел.

Продолжая улыбаться, она смотрела на него и молчала.

— Ты мне снилась, — сказал он. — Как... тебя зовут?

— Анна.

Это, конечно, сон. Всего лишь сон...

Вдруг он почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Резко обернулся — и увидел официантку. Она молча ждала.

Конечно, ничего изменить нельзя. Этот сон задан раз и навсегда, и для того, чтобы проснуться, нужно проделать все, что предназначено...

— Мне — как всегда, — сказала Анна официантке.

— А тебе? — обратилась она к Герту. Он все продолжал молча смотреть на нее. — Кофе и коньяк, — произнесла она.

Официантка налила коньяк и поставила по чашечке дымящегося кофе.

— Это сон! — сказал Герт.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила она.

За что? За что он обречен снова и снова видеть ее только во сне?!

— Знаешь, — стала рассказывать Анна, — я ходила сюда каждый вечер и ждала тебя.

— Меня? — удивился Герт.

— Значит, ты не знаешь, — продолжала она. — Когда мне бывает тоскливо, я захожу в это кафе. Я живу здесь неподалеку...

И в тот день я сидела на этом месте. Посетителей не было. Вдруг хлынул ливень. И в это время открылась дверь. Я увидела тебя. Ты был такой одинокий. Сел за столик у стойки и о чем-то задумался. Потом ты достал из портфеля цветы и попросил их поставить в воду. «У него день рождения, а он один...» — догадалась я. Из полумрака я внушала тебе: «Посмотри на меня!» Но дождь перестал, ты допил коньяк и направился к выходу. Твои гвоздики остались на столе. «Оглянись! Оглянись!» — повторяла я. И ты оглянулся! Но, взглянув безучастно, сказал официантке: «До свидания!» — и ушел.

А в моей жизни появилась цель. В нашем городке трудно разминуться. Я искала тебя везде. А вечером приходила в МАЛЕНЬКОЕ КАФЕ.

— Вечером, Анна?

— Да. Я знала — рано или поздно ты снова придешь сюда.

— Я приходил, Анна, но всегда утром. Приходил каждый раз, когда видел этот сон...

— Какой сон?

— Ты мне снилась... много раз.

— Значит, все же ты заметил меня тогда?

— Нет, Анна, я не видел тебя. В этом углу совсем темно. И я думал, что был один в этом МАЛЕНЬКОМ КАФЕ. Но сейчас я припоминаю. Я видел мельком неясное оранжевое пятно.

— Оранжевое? — Анна рассмеялась. — Верно, я была в тот раз в оранжевом свитере. Ты видел меня. Но не увидел...

Официантка подала им счет.

— Почему вы нам не сказали... не подсказали... как нам встретиться? — спросила ее Анна, улыбаясь. — Вы же видели,

что я стала ходить сюда каждый день не просто так? И он тоже...

— А мне откуда знать! — Официантка зевнула. — Сюда только одинокие и ходят. И все чего-то ждут, и ждут, и ждут...

— Я где-то прочитала такую фразу, — сказала Анна Герту. — Все приходит вовремя для тех, кто умеет ждать...

Это была идея Анны — устроить праздник в честь того, что они с Гертом нашли друг друга, и Герт пригласил всех своих знакомых к себе в отель.

Первым пришел мэр. С огромным букетом. Он протянул Герту бутылку коньяка, изобразив на печальном лице подобие улыбки, и, познакомившись с Анной, вручил ей пакет.

Герт обратил внимание на расстроенный вид мэра и спросил: — Что случилось?

— Это какой-то кошмар! — тяжело вздохнул мэр, присаживаясь к праздничному столу. — Молчали, молчали... Еще после Дня здоровья месяц молчали. Наконец заговорили. И так разговорились!.. Сегодня мне пришлось выслушать детальное описание истории болезни людей, пораженных облитерирующим полиартритом, трансмуральным инфарктом миокарда, ветряной оспой, СПИДом и...

В дверь номера постучали. На пороге появился администратор с коробкой торта и букетом гвоздик.

— Дорогие жених и невеста! — начал он торжественно. — Поздравляю вас с днем помол... — Увидев мэра, он осекся на полуслове и молча протянул торт и цветы Анне.

— Присаживайтесь, — улыбнулась Анна смутившемуся администратору.

С опаской покосившись на мэра, тот уселся рядом с ним. Воцарилось неловкое молчание. Наконец администратор, робко кашлянув, обратился к мэру:

— Вы знаете, мне кажется, у меня что-то с психикой. Какое-то неизвестное заболевание. Мерещутся зайцы в городе. Медицина бессильна...

Мэр затравленно огляделся по сторонам.

— Может, выпьем? — предложил он.

Герт открыл бутылку коньяка и наполнил рюмки. Мужчины молча выпили.

— Не надо быть такими мрачными! — взмолилась Анна и предложила: — Хотите, я расскажу, как мы с Гертом нашли друг друга?

В этот момент за дверью послышался кашель. Раздался стук, и в дверях появился изобретатель. Как всегда, его шея была обмотана в несколько рядов шарфом. Он протянул Анне букет цветов.

— А вот подарок! — сказал он, вынув из кармана микрокалькулятор. — Мой детектор истины!

— Начинается! — вздохнул мэр.

— А, и вы здесь! — обрадовался, увидев его, изобретатель. — Прекрасно. У нас с вами будет время поговорить. — Он уселся по другую руку мэра и, с трудом подавив приступ кашля, начал было: — У меня двухстороннее воспаление легких...

— Минуточку! — Мэр вскочил со стула, схватил бутылку и начал наполнять рюмки.

— Почему вы меня недолюбливаете? — спросил его изобретатель.

— Потому что вы не альтруист! — сказал мэр.

— Действительно, — удивленно согласился изобретатель. — У меня не очень высокий показатель альтруизма, всего двадцать.

— Что это значит? — заинтересовалась Анна.

— Включите микрокалькулятор, который вам подарили, — посоветовал ей мэр.

Изобретатель помог Анне включить детектор истины.

— Герт, вам невероятно повезло, — сказал он, увидев цифры на табло.

— Я и сам это знаю, — улыбнулся Герт.

В дверь снова постучали. Пришел шахматист с букетом роз и с коробкой под мышкой.

— Дарю вам эти шахматы, — протянул он коробку Герту. — Дорогие мои! Я давно ищу ответ на вопрос, что такое жизнь. И не раз мне казалось, что я нашел правильный ответ. Но, увы!.. Вот, — он порылся в кармане и вынул игральные кости. — Вот пока все, что я нашел для ответа. Играйте же и вы, как играл я!

— Действительно, почему бы нам не сыграть? — спросил мэр, которому изобретатель в это время разъяснял, какое осложнение он получил из-за воспаления легких.

— Идея! — поддержал мэра изобретатель. — Только давайте договоримся: если проиграете, вам придется внедрить в городе мой детектор истины. По рукам?

Мэр спрятал руки за спину.

— У города нет сейчас средств, чтобы приобрести даже детектор лжи, — сердито ответил он. — Будем играть просто так.

Когда шахматист с важным видом объяснил, в чем заключаются правила игры, мэр обрадованно воскликнул:

— Я с вами согласен! Именно это и есть правильная модель жизни — предвидеть ничего нельзя!

— О, мы вас не проверяли на детекторе, — сказал изобретатель и сунул в руку шахматисту микрокалькулятор.

— Что это? — спросил шахматист.

— Не может быть! — прошептал изобретатель, увидев показатели, и восхищенно уставился на шахматиста.

— Можете не сомневаться, — съехидничал мэр.

— Все показатели — сто! — потрясенно воскликнул изобретатель. — Перед нами гений!

— Ваш прибор не преувеличивает, — важно сказал шахматист, не придавая всеобщему вниманию никакого значения, и стал расставлять фигуры на шахматной доске.

Мэр с изобретателем поочередно бросили кости и погрузились в игру.

— А мы выпьем шампанского, — сказал администратор, взяв со стола бутылку. Пробка взлетела под потолок, шампанское запенилось в бокалах. Анна и Герт улыбнулись друг другу.

— Желаю вам... — начал тост администратор.

Раздался тихий стук в дверь.

Анна и Герт удивленно переглянулись. Больше они никого не приглашали.

— Войдите! — крикнул Герт.

Стук повторился, но никто не вошел.

— Это, наверное, консультант, — предположил изобретатель. — Но я его не звал.

Герт нетерпеливо направился к дверям и выглянул в коридор. В темноте стоял человек в плаще с поднятым воротником.

— Можно вас на минуточку? — спросил человек тихим, странно знакомым голосом.

Герт заглянул в комнату и сказал компании:

— Я на минуточку!

Закрыв дверь, Герт вышел в темный коридор.

— Так пойдем или надеть наручники? — все так же тихо спросил незнакомец.

— Почему наручники? — спросил Герт осевшим голосом.

Человек в плаще сунул руку в карман, вынул небольшой предмет и, бесцеремонно перейдя на «ты», спросил:

— Тебе знакома эта вещь?

Даже в темноте Герт различил на ладони незнакомца забавного лохматого чертика-подвеску.

— Такой пустяк... — Герт сильно заволновался. — За машину я ведь рассчитался. А подвеску меня уговорили уже потом купить. Кто мог подумать, что она стоит дороже машины...

Но незнакомец все подталкивал его по коридору к лестнице.

Вдруг Герта осенило: надо дать этому типу денег, расплатиться за чертика. Он пошарил по карманам. Нашел только сотню, полученную от администратора, и протянул ее незнакомцу.

— Ты можешь обмануть кого угодно, только не меня, — сказал тот.

Они спустились по лестнице. Незнакомец впереди, Герт за ним, обреченно глядя в его странно знакомую спину. Пересекли пустой холл и подошли к машине Герта, стоявшей у отеля.

Я же оставил ее на автостоянке, машинально подумал Герт.

Незнакомец открыл ему заднюю дверцу, а сам сел за руль. Молча включил мотор, и машина тронулась с места.

Вскоре они проскочили мимо ратуши, потом оставили позади маленькие домики окраины, и, обогнув огромный транспарант «Посетите наш город...», выехали на шоссе.

...Была поздняя ночь, когда вдали показались опостылевшие за шесть лет силуэты города пустых ценников.

Подъехали к общежитию, где жил Герт. Незнакомец выключил мотор.

— Помочь донести багаж? — спросил он, повернувшись к Герту.

Герт поднял голову и впервые увидел его лицо. Вот почему его внешность показалась ему такой знакомой. Это лицо он привык видеть в зеркале...

— У меня нет багажа, — сказал Герт хрипло.

— Проверь на всякий случай багажник, — сказал тот и, как показалось Герту, печально помахав ему рукой, исчез во тьме.

Перевел с эстонского Борис РЯБУХИН

Эрл Стенли ГАРДНЕР

ДЕЛО НЕБРЕЖНОЙ НИМФЫ

ПОВЕСТЬ

Со взятой напрокат байдарки Перри Мейсон изучал поместье Элдера, как генерал изучает место предстоящего сражения.

Полная луна достаточно хорошо освещала цель — остров, соединявшийся с сушей железобетонным мостом длиной шестьдесят футов. Двухэтажный особняк Элдера выходил на пролив и напоминал замок, окруженный рвом с водой. Со стороны суши от любопытных прохожих поместье скрывала кирпичная стена с железными пиками, а со стороны залива стояли знаки, предупреждавшие, что нарушители будут преследоваться по закону. Песчаный карьер на северной стороне острова переходил в серповидный пляж с ухоженным газоном.

Положение Элдера, по крайней мере внешне, казалось прочным и внушительным, как и его поместье на острове. Но Перри Мейсон был далеко не заурядным юристом. Он всегда наносил удар там, где не ждали. Поэтому, собственно, он и совершал ночной обзор поместья Элдера, которое значило для хозяина больше, чем вся его остальная немалая собственность.

В этот вечер Элдер развлекался. По всей видимости, основная часть гостей прибыла к нему на двух громадных яхтах, которые теперь стояли на якорной стоянке в четверти мили от берега. У причала поместья Элдера находились два мощных сторожевых катера. Поговаривали, будто бухта освещалась прожекторами с инфракрасным излучением, и, если какое-нибудь плавучее средство оказывалось ближе чем в десяти футах от границы владений, срабатывала автоматическая сигнализация, вспыхивали обычные прожектора и включалась мощная сирена.

Мейсон бесшумно подплыл поближе к песчаному карьеру. Там был установлен деревянный знак. Над ним висела лампа с козырьком, свет ее падал на написанные красной краской слова: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ. ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА».

© Перевод с английского: «Искатель».

Earle Stanley Gardner. «The Case of the Negligent Nymph», Pocket Books, New-York, 1954.

И тут Мейсон обнаружил пловца. Тот, очевидно, не замечая байдарки, делал сильные ровные гребки. Мейсон стал с любопытством следить за ним. Пловец вышел у песчаного карьера в нескольких футах от освещенного знака. При свете луны и лампы Мейсон разглядел, что это была девушка. Она, по всей видимости, плыла голой, привязав к спине небольшой водонепроницаемый мешок. Из этого мешка девушка достала полотенце и насухо вытерла свое стройное крепкое тело. Потом она извлекла туфли, чулки и открытое вечернее платье.

Зачарованный зрелищем, Мейсон положил весло в байдарку и поднес к глазам бинокль для ночного видения. Девушка была красивой блондинкой и вела себя совершенно спокойно. Она одевалась неторопливо, как будто стояла перед зеркалом в собственном доме. Надев платье, чулки и туфли, она стала краситься, смотрясь в зеркальце пудреницы.

Из дома доносились музыка и смех. Мейсон, проследив, как девушка прошла легкой походкой по тропинке газона и скрылась в тени особняка, стал ждать.

С четверть часа Мейсон наблюдал за домом, время от времени поднося к глазам бинокль. Разумеется, не исключалась возможность, что таинственная гостья была приглашена или хорошо знала хозяина и могла позволить себе опоздать, но в любом случае она вряд ли оставила бы полотенце и мешок на берегу.

Мейсон нетерпеливо взглянул на часы. Было поздно, а ему еще предстояло вернуть байдарку и добраться до города. Он уже достаточно тщательно осмотрел песчаный карьер на острове и выработал определенный план действий — на днях Джорджу С. Элдеру придется испытать сильный удар.

Вдруг Мейсон услышал отчаянный лай собаки. Тут же зажегся свет в задних комнатах особняка. Послышались голоса, затем снова собачий лай. Мейсон взял бинокль.

В одном из окон появилась девушка. Она вскочила на подоконник и соскользнула вниз. Длинный подол платья зацепился за подоконник, она быстро освободила его рукой и побежала. Сначала она бежала в сторону ворот, но потом, когда шум в доме усилился, повернула к воде. В бинокль было видно, как в комнате, из которой высочила девушка, появились мужчины и женщины. Один из мужчин подошел к окну и что-то закричал.

Девушка мчалась к воде изо всех сил, забыв про полотенце и мешок. Человек в окне исчез, а через некоторое время вдруг смолк бешеный собачий лай. Мейсон перевел взгляд от девушки к окну и неожиданно понял, почему замолчала собака — женщина отвязал ее. На мгновение в окне мелькнул доберман-пинчер, который прыгнул на землю, понюхал ее несколько секунд и бросился к воротам. Тут же пес заметил девушку и кинулся за ней. Девушка вбежала в воду, неся в правой руке какой-то предмет, а левой придерживая подол платья. Сделав несколько больших шагов, она нырнула в воду и поплыла.

Собака пересекла газон и одним большим прыжком оказалась в воде. Мейсон был совсем близко и слышал нетерпеливое повизгивание пса. Девушка проплыла мимо байдарки, не заметив ее. Мейсон сделал несколько гребков веслом, и его байдарка оказа-

лась между собакой и девушкой. Он вытянул руку и оттолкнул собаку веслом так, что та развернулась мордой к берегу. Собака зарычала, повернулась и вцепилась зубами в конец весла. Мейсон крутанул весло, погрузив собаку на мгновение в воду, и та отцепилась.

Мейсон направил байдарку к обессиленной девушке.

— Залезайте, — сказал он. — Только не сбоку, а то перевернете.

Девушка бросила предмет на дно байдарки, и, опершись руками о борт, скользнула следом.

— Не знаю... кто вы... но теперь надо... сматываться отсюда... ко всем чертям! — проговорила она, задыхаясь.

С берега донесся голос:

— Вон она плывет!

— Нет. Это собака.

Свет фонариков начал шарить по воде, выхватил из темноты байдарку.

— Там лодка!

Мейсон прекратил грести и шепнул девушке:

— Наклонитесь пониже!

Луч фонарика дрогнул и ушел в сторону. Мейсон взялся за весло, и байдарка помчалась вперед.

— Спасибо за помощь, — произнесла девушка.

— Куда надо плыть?

— К моей яхте «Кэти-Кэйт». Там я...

— Мы останемся здесь, пока я не узнаю, в чем дело. Я действовал неосознанно. За вами гналась собака.

— А что вы хотите знать?

— Кто вы и что вы затеяли?

— Вообще-то я известная похитительница драгоценностей. Там, в бутылке, то, что я похитила.

— Хотя вы и пошутили, я все же должен проверить...

— Хорошо, хорошо. Я вам расскажу, только отдышусь немного. — Она явно пыталась потянуть время. В свете луны Мейсон разглядел правильные черты лица, темные глаза, небольшой нос и хорошую фигуру. — Мне кажется, я совсем голая. Это платье липнет к телу.

— По-моему, вы уже отдышались и можете рассказать о своей добыче.

Она опустила руку и извлекла предмет. Это была обыкновенная, тщательно закупоренная стеклянная бутылка. Внутри что-то белело, похожее на плотно свернутую бумагу.

— Ладно. Вот вам драгоценность.

— Что это? — спросил Мейсон.

— Разве вы не видите, бутылка с бумагой.

— Возможно, вы еще что-то прихватили: колечко с бриллиантом или часики, а?

— В этом платье? Да в нем даже почтовой марки не спрячешь.

Со стороны причала послышался шум мотора.

На катере с прожектора сняли чехол, и луч света начал шарить по воде.

— Ой! Скорей! Только бы успеть!

В этот момент свет прожектора ослепил их.

— Ой! Они нас увидели! — вскрикнула девушка. — Ради бога, скорей!

Катер сделал полукруг и, набирая скорость, помчался к ним. Какая-то яхта, стоявшая на якоре перпендикулярно их движению, на мгновение перекрыла луч прожектора. Перри Мейсон направил байдарку к яхте.

— Хватайтесь за что-нибудь на яхте! — крикнул он.

Девушка последовала его совету.

Байдарка развернулась на девяносто градусов, и Мейсон прижал ее к противоположному борту яхты. Катер пошел на широкий разворот, чтобы осветить другой борт.

— Моя яхта вон там, в ста ярдах отсюда, — сказала девушка, оглядывая несколько яхт, стоявших на якорной стоянке. — Ой, они плывут сюда!

Мейсон быстро оценил ситуацию.

— Держитесь крепче, мы поплывем вон к той большой яхте.

— Но она же...

— Мы используем ее как укрытие. Они нас потеряли из виду. Если мы не попадемся им на глаза, они решат, что мы поднялись на какую-нибудь из больших яхт.

Мейсон заработал веслом, и они проскочили к яхте, прежде чем катер развернулся. Теперь они опять прятались от прожектора за бортом яхты. Катер начал описывать большой круг около якорной стоянки, и за это время Мейсон сумел догresti до яхты «Кэти-Кэйт».

— Быстрей, — сказала девушка, взбираясь на борт. — Надо что-то делать с байдаркой.

— Затолкнем нос в кабину, остальное пусть торчит.

— Ладно. Мы ее поднимем?

— Разумеется, она же из алюминия.

Они подняли байдарку и, открыв кабину, засунули часть внутрь.

— А теперь, — сказала девушка, — я выпью виски. Мое мокрое платье стало просто ледяным. Вы пока отвернитесь.

— Мне бы хотелось быть уверенным, что, кроме этой бутылки, вы ничего не прихватили, — заметил Мейсон.

— Сидите, сидите. Я вам брошу мокрую одежду, и вы ее осмотрите. Вы чересчур подозрительны.

— Трудно не быть подозрительным, когда видишь, как девушка выпрыгивает из окна...

— Так вы все видели?

Мейсон кивнул.

— Закройте глаза, — сказала девушка. — Вот вам мое мокрое платье. Сейчас я накину халат... черт!.. где же он?.. Ах, вот. Ну все, можете открыть глаза. Теперь выпьем, а то я промерзла до костей.

Мейсон услышал звон, затем девушка сунула ему в руку стакан.

— Может быть, осмотрим бутылку? — спросил Мейсон.

— Но вы ее уже видели?

— Я хочу посмотреть, что там внутри.

— Послушайте. Вы мне очень помогли, и я вам благодарна. Завтра я как следует приоденусь, свяжусь с вами и лично выражу вам свою признательность. А пока...

— А пока, — перебил Мейсон, — я адвокат. Насколько я понимаю, вы проникли в дом. И теперь я должен убедиться, что вы ничего не украли. В противном случае я буду вынужден сдать вас полиции.

— А вы действительно адвокат?

— Да.

— Тогда вы, наверное, сможете мне помочь... Слышите?

Катер с ревом подплыл совсем близко.

Сердитый голос с одной из яхт крикнул:

— Эй, пьянчуги! Убирайтесь отсюда!

В ответ с катера спросили:

— Вы здесь не видели лодку с людьми?

— Да нет тут никого! — устало ответил голос с яхты. — И чего вы тут рыщете? Шли бы лучше спать.

Катер с минуту постоял, очевидно, там обдумывали, что делать. Потом взревел мотор, и катер умчался.

Девушка облегченно вздохнула:

— Слава богу, они уехали.

— Они поехали заявлять в полицию.

— Ну и что, — сказала девушка, — пока они это делают, вы могли бы... мы могли бы вытащить байдарку и...

— И вы могли бы продолжить рассказ, — вставил Мейсон. — Допустим, я сейчас поплыву. Не успею я добраться до берега, как меня подберет полиция. И что я тогда им скажу?

— Но это сугубо личное дело, — сказала девушка, — оно касается только меня.

— А когда им начнет интересоваться полиция, оно перестанет быть личным. Я не хочу оказаться соучастником преступления.

— Тогда давайте завесим иллюминаторы одеялами, возьмем фонарь и вместе посмотрим, что там внутри бутылки.

— Но ведь наши друзья не будут сидеть сложа руки, пока мы этим занимаемся, — сказал Мейсон.

— Они же не знают, что мы на этой яхте.

— Не знают, пока мы здесь, — объяснил Мейсон. — Я уже сказал, если меня подберет полиция, я буду вынужден объяснить, где я был и что делал.

— Ну тогда... тогда вы останетесь здесь до утра. А утром мы спокойноенько отправимся на рыбалку с удочками и...

— Давайте завешивать иллюминаторы. Я хочу узнать, что же в этой бутылке, — перебил ее Мейсон.

— Ладно.

Через несколько минут иллюминаторы были завешены, и Мейсон достал из бутылки плотно свернутые листки бумаги. Девушка поднесла поближе фонарь. На каждом листе сверху было выдвинуто: «Яхта «Теербелл». Владелец Джордж С. Элдер».

Мейсон разгладил листки на коленях, и они начали читать текст, написанный твердым, четким почерком.

«Мы находимся у острова Каталина. Я, Минерва Дэнби, пишу об этом на случай, если со мной что-нибудь случится. Мне известно нечто, из-за чего Джордж Элдер лишится значительной части своего состояния, и поэтому он может пойти на все, лишь бы заставить меня молчать. Боюсь, я сама вела себя слишком беспечно, если не сказать глупо. Отец Джорджа Элдера после смерти оставил всю свою собственность в виде акций корпорации

«Элдер ассошиэйтс инкорпорейтед» частично своей падчерице Коррине Лансинг, частично сыну Джорджу С. Элдеру. Если кто-то из них умрет, то его часть перейдет к тому, кто останется. Брат отца, Дорлей Х. Элдер, должен был владеть одной третью акций с гарантированным пожизненным доходом. Но в дела корпорации он не должен был вмешиваться, пока молодые наследники были живы. Дивиденды делились поровну, на три части. Правда, было еще десять акций, которыми владела Кармен Монтеррей. Все это я пишу, чтобы стала ясной опасность моего положения.

Коррина Лансинг уехала в Южную Америку. У нее было нервное расстройство, перешедшее в болезнь. Я познакомилась с ней в самолете, когда летела из Чили в Аргентину. Она ужасно нервничала, и я пыталась хоть как-то успокоить ее. В результате я неожиданно ей очень понравилась, и она настояла на том, чтобы я стала путешествовать вместе с ней, при этом все расходы она брала на себя. Поскольку я была ограничена в средствах и к тому же полагала, что хоть чем-то ей помогу, я приняла ее предложение, ничего не зная толком ни о ней, ни о ее болезни.

Вместе с Корриной была ее прислуга — Кармен Монтеррей. Она работала в их семье много лет и была любимицей отчима Коррины. Со временем я многое узнала о семье Коррины, о ее брате, о завещании отца. Кармен Монтеррей, разумеется, тоже обо всем этом было известно. К ней относились как к члену семьи, и Коррина Лансинг не стеснялась обсуждать в ее присутствии свои дела.

Несмотря на очень хорошие финансовые условия, наступило время, когда я уже не могла мириться с создавшимся положением. С каждым днем болезнь Коррины прогрессировала. Коррина все чаще не могла владеть собой. Кармен сообщила, что Коррина грозилась убить меня, если я попытаюсь уехать от нее. При таком положении вещей я не могла пойти на открытый разрыв, боясь вспышки гнева. А Коррина все крепче привязывалась ко мне и требовала моего постоянного присутствия. Мне показалось, что у нее развилась мания преследования.

Случилось так, что Джордж Элдер должен был прилететь в Южную Америку и привезти какие-то бумаги на подпись Коррине. В день его приезда, пока Коррина была в косметическом салоне, я собрала свои вещи, написала ей записку, в которой сообщала, что получила телеграмму о серьезной болезни родственника, и улетела в Северную Америку. Я решила, что освободилась от этого странного соглашения, уже стала забывать обо всем, когда через несколько недель прочла в газетах, что Коррина исчезла в тот самый день, когда я от нее уехала. И никто ее с тех пор не видел. Полагали, она могла погибнуть в результате несчастного случая. Нанятые детективы безуспешно пытались отыскать ее. Однако все признавали, что в день исчезновения она находилась в психически ненормальном состоянии.

Естественно, узнав обо всем этом, я встретилась с Джорджем С. Элдером и рассказала ему все, что мне было известно. Меня мучили угрызения совести, поскольку я считала, что Коррина могла пойти искать меня. Элдер отнесся ко мне по-дружески. Вскоре он предложил поездку на яхте, и я с радостью согласилась. Однако перед самым отплытием мне довелось побы-

вать в лечебнице для душевнобольных в местечке Лос-Мерритос. Я уже уходила оттуда, когда увидела во дворе женщину, похожую на привидение. Это была Коррина Лансинг! Она смотрела безумным взглядом, но все же узнала меня. «Минерва, — сказала она. — Что ты здесь делаешь? Минерва, Минерва, Минерва!» Она начала кричать и была почти в истерике, когда появился санитар и увел ее.

Я осторожно разузнала о том, что эту женщину нашли на одной из улиц Лос-Анджелеса. Она была невменяемой и не могла назвать ни своего имени, ни имен родственников.

Я поспешила на яхту, чтобы рассказать обо всем Джорджу Элдеру. Но его там не оказалось, и никто не знал, где он. Прождавав до десяти часов вечера, я оставила ему записку с просьбой зайти ко мне и ушла в свою каюту. Там и уснула.

Проснувшись от шума двигателей и качки. Поняла, что мы в открытом море. Вызвала стюарда и попросила его пригласить ко мне Джорджа Элдера. Элдер пришел лишь через час. Я все ему рассказала, а он несколько раз поинтересовался, говорила ли я об этом кому-нибудь еще. Тогда я была слишком глупа и не поняла, что он задумал. Я уверила его, что никому об этом не рассказывала.

Джордж Элдер долго сидел в моей каюте, и я почувствовала беспокойство. Он смотрел на меня странным взглядом. Потом резко поднялся, подошел к двери, что-то повернул в замке, еще раз как-то странно взглянул на меня и вышел.

Я бросилась к двери — она была закрыта. Я начала стучать в нее кулаками, дергать ручку и кричать. Никто не отзывался. Шторм заглушал мои крики. Я пыталась вызвать стюарда — безрезультатно. Мне необходимо было каким-то образом рассказать кому-нибудь о случившемся. Оставался только один способ — написать все, засунуть в бутылку и выбросить в море через иллюминатор каюты. Когда Джордж вернется, я расскажу ему про бутылку и про то, что ее рано или поздно обязательно найдут. Таким образом я надеялась хоть как-то образумить его. И все же, мне кажется, этот человек способен на все, лишь бы заставить меня замолчать.

Минерва Дэнби.

Мейсон почувствовал, что девушка сжала ему руку.

— Теперь он попался! — воскликнула она.

— А кто эта Минерва Дэнби? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Мне только известно, что она утонула. Ее смыло за борт с яхты Элдера полгода тому назад.

— Вы могли бы рассказать, что же все-таки произошло?

— Я всегда подозревала, что с этой Корриной Лансинг что-то не так. Я была уверена, что она жива. А теперь... Теперь дело принимает совсем иной оборот.

— И какой же? — спросил Мейсон.

— Я родственница Коррины...

— Пожалуй, вам следует рассказать об этом поподробнее, — заметил Мейсон.

— А чего тут рассказывать, письмо говорит само за себя.

— Но оно не говорит о вас.

— А с какой стати я должна вам все рассказывать?

— Потому что я видел, как вы совершили кражу, и обстоятельства сложились так, что я вам помог.

— Вы же сказали, что вы адвокат.

— Да, адвокат. И может быть, Джорджу Элдеру будет особенно приятно обвинить меня в соучастии в похищении.

— Разве вы не понимаете, — сказала она, — что Элдер никого ни в чем не обвинит? Он не захочет, чтобы об этом письме стало известно.

— Ну хорошо, — проговорил Мейсон. — А что вы собираетесь делать с письмом?

— Я его опубликую.

— А как вы объясните появление этого письма у вас?

— Ну-у... Я могу сказать, что нашла его на пляже.

— А Элдер представит свидетелей, которые подтвердят, что видели это письмо у него дома, и вас обвинят в даче ложных показаний и в краже.

— Я об этом не подумала, — сказала она расстроенным голосом.

— Пожалуй, вам все-таки следует рассказать мне, кто вы, как вы узнали о письме, и все остальное.

— А если я не захочу?

— Тогда остается обратиться в полицию.

Она несколько секунд обдумывала свое положение, а потом неохотно заговорила.

— Меня зовут Дороти Феннер. Я работаю секретарем в мажорской конторе. После смерти матери у меня осталось немного денег. Я приехала сюда из Колорадо два года тому назад. Моя мать была сестрой Кора Лансинг. Кора вышла замуж за Джека Лансинга. У них родилась Коррина. Брак оказался неудачным. Кора вышла замуж за Самюэля Натана Элдера. У них родился сын Джордж С. Элдер. Коррина на пять лет старше Джорджа. Поэтому, несмотря на разность в возрасте, я двоюродная сестра Коррины. Тетя Кора умерла десять лет назад. Потом умер отец Джорджа и оставил собственность Коррине, Джорджу и Дорлею Элдеру, дяде Джорджа.

— А в каких вы отношениях с Элдерами?

— С дядей Дорлеем мы в прекрасных отношениях. А вот с Джорджем я совсем не общаюсь. С ним никто не сближается, разве только те, кто согласен полностью ему подчиниться.

— А как вы узнали про письмо?

— Я услышала о нем.

— Каким образом?

— Дядя Дорлей намекнул.

— Вот как? — с интересом спросил Мейсон.

— Вообще-то он просто спросил, известно ли мне, что Пит Кадиз нашел бутылку с письмом Минервы Дэнби, и говорил ли мне об этом Джордж.

— А вы знаете Пита Кадиза?

— Разумеется. По-моему, его знают все яхтсмены. Он вроде пляжного мусорщика.

— Значит, Дорлею известно про письмо?

— Да. Он что-то знает о нем.

— А почему вы не пошли к Джорджу Элдеру и прямо не спросили его о письме?

— Сразу видно, что вы не знаете Джорджа Элдера. Он собирался уничтожить письмо. Он бы уже его уничтожил, если бы был уверен, что Пит или кто-то еще не прочитали его. Я и сама хотела только прочитать письмо. Мне было известно, что у Джорджа сегодня вечеринка. Вы, наверное, не знаете, что вся его территория напичкана разными ловушками и сигнализацией. Единственная возможность попасть в дом была та, которой я воспользовалась. Вечернее платье я брала на случай, если меня увидит прислуга. Тогда бы они решили, что я приглашена.

— А вы знаете прислугу?

— Разумеется.

— А собаку? Похоже, ее вы не знаете.

— У нее какой-то инстинкт. Она как будто поняла, что я что-то украла из дома. Это армейская собака, и она вряд ли когда-нибудь отвыкнет от своих привычек. Коррина взяла ее, когда собаку забраковали. Содержала и кормила ее Кармен, но Джордж после исчезновения Коррины забрал собаку себе.

— У вас есть на яхте фотоаппарат? — спросил Мейсон.

— Нет. А зачем он вам?

— Я хочу сфотографировать письмо.

— У меня есть портативная пишущая машинка. Но зачем вам копия, если у нас есть оригинал?

— У вас есть оригинал, — поправил Мейсон. — А если мне придется рассказывать о случившемся, я хочу быть уверенным, что все достоверно. Сейчас вы отпечатаете два экземпляра письма. Один оставите у себя, другой дадите мне.

— А что же делать с оригиналом?

— Вернете Джорджу Элдеру вместе с вашими извинениями.

— Вы с ума сошли!

— Подумайте хорошенько, — сказал Мейсон. — У вас и у меня будут копии письма. Вы вернете письмо Элдеру, извинитесь и сообщите ему, что хотели только прочитать его, но в суматохе унесли. Потом вы спросите, что он намерен делать с этим письмом.

Девушка долго молчала, а потом довольным голосом произнесла:

— А вы не так уж глупы, я вам скажу.

— Благодарю вас, — быстро проговорил Мейсон. — А то я уже было начал сомневаться.

Байдарка бесшумно опустилась на воду.

Дороти Феннер тихо сказала:

— Спасибо за все.

— Не стоит.

— Мне бы хотелось знать, кто вы.

— Зачем?

— Я бы чувствовала себя спокойней.

— Все, что от вас требуется, это вернуть бутылку и сказать Элдеру, что есть свидетель, у которого имеется копия письма.

— Вам легко говорить. Вы его не знаете.

— Вы сделаете то, о чем я вас прошу? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Я подумаю. Может быть, лучше хранить у себя оригинал. Так будет надежнее.

— Советую вам прочитать закон об ответственности за шантаж. Во всяком случае, мне некогда спорить с вами. До свидания, Дороти.

— До свидания, мистер Загадочный Незнакомец. Вы мне нравитесь... Вы придете, если вдруг потребуется свидетель?

— Кто знает, — ответил Мейсон и опустил весло в воду.

Байдарку Мейсон взял на весь вечер и заплатил вперед. Его удивило, что у причала лодочной станции никого не было. Он привязал байдарку, надвинул шляпу на глаза и быстро пошел к тому месту, где оставил машину.

Делла Стрит, доверенный секретарь Перри Мейсона, сидела в машине и слушала радио. Когда Мейсон открыл дверцу, она взглянула на него с улыбкой, выключила приемник и сказала:

— Здорово вы попутешествовали.

— Вы позвонили, куда я просил?

— Да. И с тех пор сижу здесь уже два часа.

— У меня было небольшое приключение, — признался Мейсон.

— Что-нибудь услышали о краже?

— О какой краже?

— Наш друг Джордж Элдер был ограблен сегодня. У него из дома похитили драгоценности на пятьдесят тысяч долларов.

— Черт побери! — воскликнул Мейсон.

Она засмеялась.

— Я подумала, что вы уже занялись этим делом.

— Может, и занялся, — буркнул Мейсон.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Тогда выкладывайте.

— Сначала вы, — сказал Мейсон.

— Я знаю только то, что передали по радио несколько минут назад. Какая-то женщина подплыла к острову на небольшой лодке и оттуда проникла в дом. На ней было вечернее платье, и прислуга приняла ее за гостью. Ее обнаружили случайно, когда она рылась в письменном столе хозяина. Она выпрыгнула в окно и побежала к воде, где в лодке ее ждал сообщник. Им удалось уйти. Полиция считает, что преступники могли укрыться на одной из яхт. Сейчас устраивается полицейский кордон в бухте и на дорогах.

— Что-нибудь еще?

— Полиция нашла на острове полотенце, купальную шапку и водонепроницаемый мешок, который женщина оставила на берегу.

Мейсон вывел машину на шоссе.

— Вы почему-то относитесь ко всему этому очень серьезно. Что случилось? — спросила Делла Стрит.

— Хотите — верьте, хотите — нет, но я тот самый мужчина, который помог ей скрыться.

— Вы?!

— Да, она укрылась от погони в моей байдарке.

Делла посмотрела на него, а потом рассмеялась.

— Все понятно. Вы все это сочинили, чтобы я не уснула, пока мы едем в город.

— Я все это сказал для того, чтобышний раз подчеркнуть,

что мужчина не должен действовать необдуманно, когда сталкивается с незнакомой женщиной.

— И когда же вы с ней столкнулись?

— Когда она уплывала с острова, а за ней гнался пес.

— И что вы сделали?

— Я предложил ей свою байдарку.

— Я, конечно, ценю ваш поступок, но вы должны были заставить ее поделиться драгоценностями.

— У нее было никаких драгоценностей, — сказал Мейсон. — Она взяла некое вещественное доказательство, но Элдер слишком хитер, чтобы говорить об этом. Вот он и заявил, что у него похитили драгоценности.

— А откуда вы знаете, что она их не похитила?

— Она... э-э... дала мне осмотреть свою одежду.

— В байдарке?!

— Нет, на яхте. Она сказала, что это ее яхта.

— Она раздевалась при вас?

— Там было темно. Она сняла платье и бросила его мне.

— И только поэтому вы решили, что она не краля драгоценностей?

— Да.

Делла Стрит поцокала языком.

— Было бы лучше взять меня с собой. Хотя бы для осмотра женщин.

— Зато я кое-что узнал об Элдере, — проговорил Мейсон. — Элдер заплатил за этот остров огромную сумму. Он хочет быть полным его хозяином. Если случится так, что хотя бы один квадратный дюйм острова окажется не под его контролем, Элдер сойдет с ума. Теперь я знаю, что посоветовать синдикату.

— А разве он не владеет островом целиком?

— Владеет. Но когда углубляли пролив, то построили насыпь. В результате образовался полукруглый песчаный карьер с северо-восточной стороны острова.

— Я, конечно, не знаток законов, — улыбнулась Делла Стрит, — но, по-моему, всякое приращение земли считается собственностью того, кто владеет примыкающим участком.

— Все верно. Только в том случае, если приращение вызвано естественными причинами. Но мне кажется, где-то наверняка лежит решение Верховного суда о том, что собственность, образовавшаяся в результате государственных работ, таких, как углубление или очистка водоемов, является государственной собственностью. А если это так и кто-нибудь поселится на карьере, то можно себе представить реакцию Элдера. Он же...

Мейсон неожиданно умолк, увидев на мотоцикле офицера дорожной службы, который взмахом руки останавливал машину. Мейсон съехал на обочину. Впереди уже стояло с дюжину машин. Несколько офицеров дорожной службы проверяли водительские права и задавали вопросы. Мейсон и Делла Стрит переглянулись. Один из офицеров подошел к машине Мейсона.

— Ваше водительское удостоверение, пожалуйста.

Мейсон протянул ему документ.

— Вы здесь были... О! Вы Перри Мейсон, адвокат.

— Совершенно верно.

Офицер улыбнулся и сказал:

— Прошу прощения за то, что вас остановили. Все в порядке, можете ехать. Мы ищем похитителей драгоценностей. Еще раз извините... Да, раз уж мы вас остановили, я проверю вашу пассажирку. Дело в том, что именно женщина...

— Мисс Делла Стрит, секретарь мистера Мейсона, — проговорила Делла Стрит, протягивая офицеру свое водительское удостоверение.

Тот проверил его, вернул и сказал:

— Извините, но мы выполняем распоряжение. Вы здесь по делам, мистер Мейсон?

— Искал одного свидетеля, — ответил Мейсон.

Выехав на шоссе, Мейсон погнал машину.

— Шеф, — спросила Делла Стрит, — вы полагаете, что девушка все же похитила драгоценности?

— Не думаю. Я ее хорошо осмотрел, Делла. У нее в правой руке была бутылка с письмом. Очевидно, бутылка была брошена с яхты Элдера женщиной, боявшейся, что ее убьют. Позже нашли труп этой женщины.

— А вы смотрели под резинками чулок? — после некоторого раздумья спросила Делла Стрит.

— Нет, под резинками чулок я не смотрел. Но когда она забиралась в байдарку, мокрое платье так облегло ее, что я бы сразу заметил любую выпуклость. Тем более если речь идет о драгоценностях на сумму в пятьдесят тысяч долларов. А кроме платья и чулок, на ней ничего не было.

— Вы узнали ее имя?

— Дороти Феннер — так она назвалась. Сказала, что она родственница Коррины, сводной сестры Элдера, которая исчезла несколько месяцев тому назад.

— Она красивая?

— Пожалуй, да.

— Фигура?

— Прекрасная.

— Мужчины всегда мужчины, — заметила Делла Стрит.

— Теперь я вам дам что-то почитать, — сказал Мейсон и передал ей копию письма.

Делла Стрит с интересом прочла и проговорила:

— Шеф, разве это не отличная петля для Джорджа Элдера?

— Или для меня, — проворчал Мейсон.

— Вы хотите сказать, что все это подстроено?

— Это меня больше всего и беспокоит. Элдер знает, что я консультирую синдикат. Он мог догадаться, что я поеду осматривать его остров, и вполне мог подставить мне эту девушку.

— А потом он заявляет, что она похитила у него драгоценности и с ней был мужчина-сообщник, — продолжила его мысль Делла Стрит. — И что тогда, шеф?

— Если бы я назвался ей, было бы еще хуже, — проговорил Мейсон. — Впрочем, если это ловушка, она прекрасно знала, кто я. Может быть, поэтому она и «забыла» свое полотенце. На нем наверняка метка прачечной. По этой метке легко найдут владельца.

— Да-а, — протянула Делла Стрит. — А вообще-то это письмо — бомба.

— Бомба, если в нем правда, — заметил Мейсон.

В понедельник утром, когда Мейсон вошел в контору, Делла Стрит посмотрела на него, приставила палец к губам и проговорила в телефонную трубку:

— Да, миссис Броули. Вы бы не могли подождать одну минутку? Кто-то звонит по другому телефону. — Она зажала микрофон трубки ладонью и быстро прошептала Мейсону: — Это миссис Броули, смотрительница тюрьмы в Лас-Алиас. У нее там некая Дороти Феннер, которая подозревается в краже. Эта Феннер хочет нанять адвоката. Именно вас.

— Значит, это была ловушка, — сказал Мейсон. — Она с самого начала знала, кто я.

— А может быть, не знала. Хотите, я пошлю туда Джексона? И мы тогда узнаем, случайность ли все это или нет.

Мейсон улыбнулся.

— Отличная мысль, Делла. Пожалуй, мы так и сделаем.

Делла Стрит отняла ладонь и проговорила в трубку:

— Дело в том, что я не могу решать за мистера Мейсона, миссис Броули, но мы сделаем вот что. Мы придем к вам мистера Джексона, он работает у Мейсона в конторе... Да... Да... Через полчаса он будет у вас... Хорошо... До свидания.

Делла Стрит повесила трубку и вопросительно посмотрела на Мейсона.

— Значит, эта девушка была приманкой, — мрачно сказал Мейсон.

— Она действительно красивая, шеф?

Мейсон кивнул.

— Ну что ж, — сказала Делла Стрит, — это единственное утешение. Вся ее красота будет понапрасну истрачена на Карла Джексона. Он ведь смотрит на все только с точки зрения закона. Остальное его не интересует.

Мейсон засмеялся.

— Это точно. Мне кажется, он боится посмотреть на любую девушку целиком, а осматривает ее как бы по частям.

— Он свято верит в прецеденты, — сказала Делла Стрит. — По-моему, если бы он столкнулся с чем-нибудь действительно новым, то упал бы в обморок. Он же бежит к своим книгам, роется в них, как крот, и в конце концов появляется с каким-нибудь аналогичным делом, которое слушалось в суде семьдесят пять или сто лет назад.

— Самое замечательное в нем то, что он находит прецеденты всегда в нашу пользу... Зовите его, Делла. Пусть поработает с Дороти Феннер. Главное, чтобы он узнал, как она вышла на меня.

— А вдруг это не ловушка? Может быть, она ничего не знает и...

— Могла бы связаться с другим адвокатом, — закончил Мейсон. — Ладно, зовите Джексона.

Делла Стрит встала из-за стола, прошла в библиотеку, а оттуда в кабинет Джексона. Через несколько минут она вернулась, следом шел Джексон.

— Садитесь, — сказал Мейсон. — В тюрьме Лас-Алиас находится молодая женщина. Ее зовут Дороти Феннер. Она обвиняется в незаконном проникновении в дом Джорджа Элдера и в похищении драгоценностей на сумму в пятьдесят тысяч долла-

ров. Так вот, мы ее будем защищать. Сумма гонорара меня не очень интересует, но меня интересует, почему она обратилась за помощью именно ко мне. Еще я хочу, чтобы был назначен залог. Когда судья будет назначать сумму залога, вы должны заявить, что стоимость похищенных драгоценностей — газетная «утка» и что для определения суммы залога нам необходимо знать, какие именно драгоценности были похищены. В противном случае мы будем считать стоимость драгоценностей чисто номинальной, и тогда сумма залога тоже будет небольшой.

Джексон кивнул.

— Справитесь? — спросил Мейсон. — Я имею в виду, сможете ли вы заставить судью поподробнее узнать о драгоценностях, прежде чем он установит сумму залога?

— Ну, я могу попробовать, — проговорил Джексон. — Разумеется, очень многое зависит от того, что это за женщина и при каких обстоятельствах совершена кража, если она действительно была.

— Итак, Джексон, езжайте в Лас-Алиас к Дороти Феннер. Скажите ей, чтобы она не беспокоилась. И постарайтесь побыстрее получить подробный список похищенных драгоценностей.

Как только Джексон ушел, Мейсон сказал Делле Стрит:

— А теперь мне нужен Пол Дрейк. Пора подключать детективов.

Контора Пола Дрейка, главы частного сыскного агентства, находилась в этом же здании в конце коридора у лифта. Так что уже через несколько секунд послышались его шаги.

— Привет, — сказал Дрейк, входя и усаживаясь в кресло. — Что стряслось?

— Мы хотим, чтобы ты кое-что узнал об одном убийстве. Речь идет о некой мисс Минерве Дэнби, которая утонула, упав за борт яхты...

— Ты говоришь о деле Элдера? — перебил Дрейк.

— А тебе оно известно?

— Да. Я помню, — сказал Дрейк. — Помню, как старательно его обеляли. Тогда все официальные лица, словно сговорившись, обнимали Элдера, жали ему руку и обильно поливали его белой краской.

— Ты помнишь какие-нибудь подробности? — спросил Мейсон.

— Ну, этот Элдер — большая шишка. У него громадная яхта — копия океанского лайнера: красное дерево, медь, телефоны, бар, стюарды и все такое. Есть у него и поместье на каком-то острове... Постойте! Так это же его дом обокрали вчера. В газете было сообщение. Какая-то женщина под видом гостьи проникла в дом и стащила драгоценностей на пятьдесят тысяч. С ней был мужчина, он-то и помог ей скрыться. Ее потом все же нашли по метке на полотенце.

— Так вот, я хочу узнать все об Элдере. Я хочу знать все о смерти Минервы Дэнби. Меня устроит, если кое-кому станет известно о твоём расследовании.

— А газеты?

— Можно слегка намекнуть, что твое агентство занимается сбором дополнительной информации о загадочной смерти некой женщины, упавшей во время шторма за борт яхты... Что-нибудь в этом роде. Еще разузнай о краже. Действительно ли украли

драгоценности? Порасспрашивай, займи своих людей. Выясни об Элдере все, что можно.

— Сколько людей я могу подключить к этому делу?

— Сколько потребуется.

— Когда нужно представить информацию?

— Как можно скорей.

— И не обязательно скрывать наши намерения?

— Что до меня, — заметил Мейсон, — то можешь нанять духовой оркестр.

— Отлично! Это сэкономит массу времени.

— Да, и вот еще что. Уточни дату смерти Минервы Дэнби. А потом посмотри бумаги в лечебнице в Лос-Мерритос. Ты найдешь там запись о поступлении в это же время некой женщины с потерей памяти. Посмотри все о Коррине Лансинг. Возраст, телосложение, цвет глаз и прочее. Разузнай все о ее исчезновении. Она сводная сестра Джорджа Элдера.

— Ладно. Что-нибудь еще?

— Все, что можно, об Элдере. Мне необходимо знать его слабости, если таковые есть.

— О'кэй, Перри. Я пошел.

Мейсон подождал, пока Дрейк уйдет, а потом сказал Делле Стрит:

— Свяжитесь со страховой компанией. Попросите их, чтобы они подтвердили способность Дороти Феннер выплатить сумму залога.

Джексон прокашлялся, положил портфель на стол и начал вытаскивать бумаги.

— Вы договорились насчет установления залога? — спросил Мейсон.

— Может быть, я расскажу все по порядку? Я...

— Вы договорились о залоге?

— Пока нет. Дело взято на рассмотрение судьей Ланкершимом.

— Взяли дело о залоге на рассмотрение? — спросил Мейсон удивленно.

— Ну, судья сказал, что он бы назначил залог в двадцать пять тысяч, если бы ему пришлось решать немедленно. Он хотел посоветоваться с кем-нибудь из окружной прокуратуры и сказал мне, что постарается уменьшить сумму залога, если сочтет это возможным. Он обещал заняться этим делом сегодня в четыре, сразу же после рабочего совещания.

Мейсон взглянул на часы.

— Я ездил в Лас-Алиас, — сказал Джексон, — и обсудил дело с этой молодой женщиной. Она вас знает только понаслышке и даже никогда вас не видела. Она хочет заполучить лучшего адвоката, но, как обычно бывает с такими людьми, ограничена в средствах. Очевидно, у нее есть небольшая сумма. Она опытная машинистка-стенографистка и секретарь и имеет неплохой заработок. У нее около восьми-деяти тысяч долларов, это сумма страховки, которую мать оставила в ее пользу. Она отчаянная яхтсменка и имеет собственную небольшую яхту, за которую много не дадут. Знает многих яхтсменов и очень популярна среди них...

— Это неважно, — сказал Мейсон. — Что по делу?

— Она утверждает, что не крада никаких драгоценностей и не может объяснить присутствие полотенца, купальной шапочки и резинового мешка на месте преступления. Очевидно, не способна придумать алиби. Она была на яхте во время ограбления. Она рассказала очень интересную историю о том, что кто-то пробрался на ее яхту, пока она была на берегу, и украл что-то отсюда. Она намекает, что мистер Элдер знает об этом. Далее она говорит, что когда свяжется с неким таинственным человеком, чье имя не может или не хочет назвать, то надеется выдвинуть серьезное обвинение против мистера Элдера, но я не могу определить характер этого обвинения. Странно, однако, что она говорит: этот таинственный человек — юрист. Уверена, что он ей поможет, но она либо не знает его имени, либо только говорит, что не знает. Конечно, много о вас слышала. Лично знакома с Джорджем С. Элдером и, кажется, очень его боится. Хочу честно признаться, что она не произвела на меня благоприятного впечатления. Ведет себя как виновная. Тем не менее, следуя указаниям, я сообщил ей, что вы будете ее защищать. Она хочет поговорить с вами лично. Боюсь, я тоже не произвел на нее благоприятного впечатления. Отсутствие доверия было взаимным.

— Она будет в суде сегодня в четыре?

— Судья Ланкершим ничего об этом не говорил. Он пригласил представителя от нашей конторы и кого-то из окружной прокуратуры.

— А кто придет из окружной прокуратуры?

— Винсент Колтон.

— Вы считаете, что эту девушку никто не навел на нашу контору? Это было просто...

— Желанием получить самое лучшее. Она о вас слышана и... по крайней мере, хотела попробовать. Разумеется, ее взгляд на гонорар, возможно, ни в коей мере не соответствует стоимости работы. Я это не обсуждал.

Мейсон взглянул на часы и сказал:

— Ладно, я побежал. Увидимся позже. Делла, вы должны дожидаться моего звонка.

Она кивнула.

— Спасибо, Джексон, — сказал Мейсон. — А вы можете начать вот с чего. Насколько я понимаю в законах, любое естественное приращение земли принадлежит землевладельцу.

— Да, сэр. Есть десятки решений...

— Но если приращение вызвано действиями правительства: такими, как сооружение волноломов, прокладка канала, приращения становятся собственностью правительства. В этом случае на нем может находиться любой гражданин.

Джексон наморщил лоб.

— Дайте подумать. Боюсь, мистер Мейсон... Нет, минутку... Вы правы! Вспомните дело города Лос-Анджелеса против Андерсена. Это дело о земле, которая образовалась у волнолома, сооруженного государством. Я не уверен, относится ли это к каким-то другим видам государственных работ, но принцип, похоже, один и тот же.

— Уточните это, — сказал Мейсон. — Мне нужно на что-то опереться.

— Да, сэр. Надо ли понимать, что вы теперь сами займетесь залогом?

— Да, я займусь этим, — сказал Мейсон. — А вы делом о приращении земли в связи с государственными работами.

Мейсон поехал к шерифу Лас-Алиса, взял пропуск и позвонил смотрительнице.

— Я хочу повидаться с Доротой Феннер, — сказал он. — Это Перри Мейсон.

— О, мистер Джексон из вашей конторы был здесь утром. Он с ней беседовал.

— Вот как? — спросил Мейсон. — Ну что ж, я хочу сам с ней поговорить.

— Хорошо. Я приведу ее в комнату для посетителей. Она... она плакала. Мне кажется, она очень расстроена.

— Ладно, — сказал Мейсон. — Я встречу вас в комнате посетителей.

Мейсон поднялся на лифте, предъявил пропуск и вошел в комнату с длинным столом. Посередине комнаты проходила прозрачная перегородка. Вскоре появилась смотрительница с Доротой Феннер.

— Идите сюда, — сказала смотрительница. — Вот мистер Мейсон. Он хочет поговорить с вами.

Дорота Феннер подошла к перегородке как в тумане, потом резко вздрогнула.

— Вы? Вы...

— Перри Мейсон, — перебил ее Мейсон. — И очень рад вас видеть, мисс Феннер.

— Ой, — сказала она и села, как будто ноги у нее подкосились.

— Дадите мне знать, когда закончите, мистер Мейсон, — сказала смотрительница и отошла к дальнему краю стола.

Дорота Феннер подняла голову и посмотрела сквозь перегородку на Мейсона удивленными глазами.

— Ну почему?.. Почему вы мне не сказали?

— Разве вы не понимаете моего положения? Вы же совершили незаконное действие.

— А что вы собираетесь сейчас делать?

— Прежде всего, — сказал Мейсон, — освободить вас под залог, но я хочу знать точно, что произошло.

— Я сделала глупость, мистер Мейсон. Я не выполнила того, что вы говорили. Я не ходила к Джорджу Элдеру. Я подумала, что надо поговорить с Питом Кадизом о том, как он нашел бутылку. Мне хотелось как следует все обдумать.

— И что вы сделали?

— Я спрятала бутылку туда, где, я думала, ее никогда не найдут.

— Куда?

— В бачок с пресной водой на своей яхте.

— И что потом?

— Потом, довольная собой, я пошла на автостанцию, чтобы поехать в город.

— У вас есть машина?

— Нет. Моя единственная роскошь — яхта. Обожаю плавать. В целом держать яхту для меня дешевле, чем...

— Ладно, — перебил Мейсон. — Что дальше?

— Я остановилась позавтракать в маленьком ресторане вчера утром, прочитала газеты и узнала, что заявил Элдер. Он не стал упоминать о бутылке, сказал о краже драгоценностей. И тогда я поняла, что вы — моя единственная надежда, потому что вы — я, разумеется, в то время не знала вас — могли поклясться, что я не брала из дома никаких драгоценностей. Я решила последовать вашему совету. Вернулась на яхту, за бутылкой с письмом и...

— Вы положили письмо в бутылку?

— Да. И бутылку запечатала.

— Хорошо. И что произошло?

— Когда я пришла на яхту, бутылка пропала. Я была поражена. Я не могла в это поверить.

— Вы имеете дело с проницательным человеком, Дороти, — сказал Мейсон. — Он знал, кто взял бутылку. Он просто ждал, когда вы сойдете на берег, а потом обыскал яхту. Очевидно, он неплохой яхтсмен и знает, где можно спрятать такой предмет. Так что у него сейчас бутылка и письмо и достаточно доказательств против вас. Так?

— Да. Я... Я думаю, я оставила отпечатки. Как глупышка, я не надела перчаток... О, что же теперь будет? Есть только один выход. Вы подтвердите мой рассказ, мы ведь сейчас можем рассказать правду. Я так рада, что вы пришли, мистер Мейсон. Я все думала, как же свяжусь с единственным в мире человеком, который может подтвердить, что я не брала этих драгоценностей.

— Полегче, — сказал Мейсон. — Так нельзя.

— Почему нельзя?

— Потому что, если мы сейчас расскажем, это будет выглядеть как попытка сфабриковать доказательства. Все посмеются над тем, что мы не могли выдумать что-нибудь получше... Нет, моя дорогая, боюсь, мы этого не сможем сделать.

— А что же нам делать?

Мейсон улыбнулся.

— Вы когда-нибудь слышали историю об американце, который приехал в чужую страну и попал в трудное положение?

— Нет.

— Это уже стало классикой юриспруденции. Один хитрый бизнесмен подал в суд на американца за то, что он якобы взял в долг у него крупную сумму, чтобы начать дело. Американец пошел к адвокату, горько жаловался и хотел поклясться, что все это ложь. Адвокат выслушал американца, понимающе улыбнулся и сказал, что он все уладит. Представляете себе изумление американца, когда дело передали в суд. Этот бизнесмен взошел на трибуну и поклялся в том, что дал в долг американцу деньги, а потом представил пятерых свидетелей: двое поклялись, что видели, как американец брал деньги у бизнесмена, а трое подтвердили: американец занимал деньги у бизнесмена и надеялся отдать долг из прибыли.

— И что же случилось? — спросила она.

— Защитник американца даже не подверг свидетелей перекрестному допросу, а американец был в шоке. Его защитник объяснил, что в этой стране очень легко найти лжесвидетелей

за определенную сумму. Американец уже решил, что он разорен. Затем настала очередь для его защиты. Защитник изящно представил семерых свидетелей, каждый из которых заявил, что знал, что американец брал займы деньги у этого бизнесмена, но что сам присутствовал в комнате, когда американец вернул долг, весь до последнего цента.

Слабая улыбка коснулась ее губ.

— И какова мораль этой истории, мистер Мейсон?

— Ее мораль в аморальности, — ответил Мейсон. — Она говорит о том, что иногда с дьяволом приходится бороться огнем.

— И что мы будем делать?

— Пока мы ничего не будем делать. Мы не побежим говорить про бутылку, не покажем копии письма. Жаль, что у нас не было фотоаппарата, чтобы снять документы. Мы бы сейчас были совершенно в другом положении.

— Но, мистер Мейсон, разве вы не понимаете, что он сделал? Если мы позволим ему уйти от ответа, то это же... Я потеряла доказательство... Боже мой... Я ведь действительно пробралась в его дом, и он может подать на меня в суд...

— Положитесь на меня, — сказал Мейсон. — Я не совсем уверен, но ваш друг Джордж Элдер может испытать нечто вроде шока, когда узнает, что я собираюсь вас защищать. Не падайте духом, Дороти. К обеду вы уже, возможно, выйдете отсюда.

— К обеду? Нет, мистер Мейсон, даже если судья распорядится отпустить меня под залог, мои финансовые возможности...

— Вы выйдете отсюда под залог. Потом мы подадим в суд на Джорджа Элдера и заставим его защищаться.

Судья Ланкершим терпеливо выслушал последние доводы адвоката и сказал:

— Ваше требование о приостановке дела отклоняется. — Он взглянул на часы. — На этом список дел, назначенных к рассмотрению, исчерпан. Осталось только решить вопрос о залоге в деле Феннер.

— Мы готовы это обсудить, ваша честь, — сказал Винсент Колтон.

— Мистер Джексон из конторы мистера Мейсона был... О, я вижу, мистер Мейсон сам здесь, — сказал судья Ланкершим. — Вы готовы принять участие в нашем обсуждении?

— Да, ваша честь.

— Вот суть дела, — начал судья Ланкершим. — Эта молодая женщина обвиняется в краже. Насколько я понял мистера Джексона, всякая попытка убежать была бы с ее стороны абсолютно бессмысленной. У нее есть деньги в банке, она владеет яхтой, и...

— И все эти денежки можно взять в один день, — буркнул Колтон. — Яхта старая, маленькая и сомнительной ценности. У этой молодой женщины нет судимостей, но остается факт, что она действительно проникла в дом той ночью и украла драгоценности на сумму пятьдесят тысяч долларов. Отпустить ее под мизерный залог — значит дать ей возможность заплатить пять или десять тысяч, продать драгоценности и иметь сорок тысяч долларов дохода.

— Чепуха, — сказал Мейсон.

— Минуточку, мистер Мейсон, — сказал судья Ланкершим. — У вас еще будет возможность высказаться. Продолжайте, мистер помощник окружного прокурора.

— А я уже почти все сказал, — проговорил Колтон. — Мы считаем, что сумма залога должна быть, по крайней мере, равна стоимости украденного.

Судья Ланкершим на минуту задумался, потом взглянул поверх очков на Перри Мейсона.

— Ну, мистер Мейсон, а что вы думаете по этому поводу? По-моему, я знаю ваше мнение. Мистер Джексон мне все подробно рассказал.

— Прежде всего, — сказал Мейсон, — мне кажется, не было украдено драгоценностей на пятьдесят тысяч. Я думаю, драгоценностей вообще не крали.

— Понятно, — сказал Колтон с сарказмом. — Мистер Элдер, очень уважаемый и известный гражданин, швыряется фальшивыми обвинениями в адрес невинных людей. Так вы считаете?

— Вы, возможно, удивитесь, — сказал Мейсон. — Но это так. Я бы просто хотел, чтобы мистер Элдер составил список драгоценностей, которые он объявил похищенными.

— Я сказал ему уже об этом, — проговорил Колтон.

— И распорядились подать его вам?

— Да.

— Под присягой?

— В этом нет необходимости. Он даст свои показания на суде.

— Где он сейчас?

— В моей конторе, составляет список.

— И как долго он его будет составлять? — спросил Мейсон.

— Ну, драгоценностей было достаточно много.

— Я бы хотел, чтобы он точно указал, откуда он взял цифру в пятьдесят тысяч долларов, — сказал Мейсон.

— Он все объяснит, когда это потребуется.

— Но это требуется сейчас, если он против выхода этой молодой женщины под разумный залог.

Мейсон повернулся и обратился к судье:

— Ваша честь, эта молодая особа с положением и воспитанием, и, мне кажется, если бы вы ее увидели, вы бы поняли, что здесь произошло какое-то недоразумение. Я еще недостаточно говорил с ней, чтобы узнать все факты. Но мне стало ясно, единственным доводом обвинения является полотенце с меткой прачечной. Я сомневаюсь в том, что было похищено столько драгоценностей. Мне кажется, пострадавший поторопился заявлять в полицию, и я даже рискну предположить, что, если мистер Колтон позвонил бы сейчас в свою контору, он бы обнаружил, что у мистера Элдера не только значительные затруднения в составлении списка, но он даже не может вспомнить ни одной из похищенных драгоценностей.

— Это абсурд, — сказал Колтон.

— Зачем беспокоиться и понапрасну спорить? — сказал Мейсон. — Здесь судья, готовый выслушать дело. Если, как вы говорите, Элдер сейчас в вашей конторе, почему бы не попросить его подняться сюда на лифте?

— А если он скажет, что стоимость украденных драгоценностей пятьдесят тысяч, вы согласитесь на сумму залога в пятьдесят тысяч? — спросил Колтон.

— Спросите его под присягой, — сказал Мейсон. — Дайте мне возможность задать несколько вопросов в перекрестном допросе. И тогда, если он скажет, что стоимость украденных драгоценностей пятьдесят тысяч, я соглашусь с тем, чтобы сумма залога была такой же. Но давайте договоримся и о том, что если он назовет сумму в одну тысячу, то и залог будет в одну тысячу, а если он скажет, что драгоценностей совсем не крали, то подзащитная будет освобождена под честное слово.

— Если он скажет, что никаких драгоценностей не украли, — сказал Колтон мрачно, — я не только освобожу подзащитную под честное слово, но и прекращу дело.

— Хорошо, — произнес Мейсон. — Зовите его.

— Если позволите, я воспользуюсь вашим телефоном, ваша честь.

— Пожалуйста. Можете позвонить из моего кабинета, — произнес судья Ланкершим.

Через несколько минут Винсент Колтон вернулся и сказал:

— Мистер Элдер сейчас поднимется.

— Вы спросили, составил он список или нет?

— Я сказал, чтобы он захватил его, — ответил Колтон с достоинством.

Дверь открылась, и в комнату вошел сухощавый мужчина в сером костюме, вид у него был спокойный и уверенный.

— Джордж Элдер, — объявил Колтон. — Пройдите, дайте присягу и займите свидетельское место.

Элдер оглядел судебную комнату и с некоторым любопытством остановил взгляд на Перри Мейсоне, потом поднял правую руку и произнес слова присяги.

— Садитесь на свидетельское место, — сказал Колтон. — Вы принесли список похищенных драгоценностей?

— Только он не полный. Похоже, в этих делах я не очень могу довериться своей памяти. Я бы предпочел вернуться домой и тщательно все проверить.

— Ну хорошо, вы можете сообщить суду общую стоимость похищенных драгоценностей?

— Я уже назвал сумму примерно в пятьдесят тысяч долларов и не вижу причин менять эту цифру, — сказал Элдер, бросив взгляд на Перри Мейсона.

— Вы уверены, что стоимость похищенных драгоценностей — пятьдесят тысяч?

— Разумеется, я назвал приблизительную стоимость...

— Полагаю, это все, — сказал Колтон с победным видом.

— У меня несколько вопросов, — произнес Мейсон.

— Хорошо, — сказал судья Ланкершим. — Задавайте ваши вопросы, мистер Мейсон. Это формальность, но мы обязаны ее выполнить. Мне кажется, что сумма залога в пятьдесят тысяч довольно высока, но если стоимость драгоценностей именно такая, то возражений не будет.

— Совершенно верно, — сказал Мейсон. — Я охотно соблюдаю условия договора... Драгоценности застрахованы? — спросил он, подумав.

- Какое отношение это имеет к делу? — возразил Колтон.
- А вот какое, — сказал Мейсон. — Если драгоценности застрахованы, то должна быть опись с указанием стоимости, а это могло бы помочь мистеру Элдеру в составлении списка.
- Понятно. Возражений нет.
- Да, основная часть моих драгоценностей застрахована.
- Хорошо, — сказал Мейсон. — Назовите одну из украденных драгоценностей, указанных в описи страхового полиса.
- Я... Я уже сказал, что не делал полную проверку.
- Одно наименование. — Мейсон поднял вверх указательный палец. — Хотя бы одно.
- Я не могу сделать этого сейчас.
- Всего одно, — настаивал Мейсон.
- Э-э... наручные часы.
- Какой марки?
- Швейцарские, очень дорогие.
- А откуда вы знаете, что их украли?
- Я их не видел... похоже, они пропали.
- Значит, вы собираетесь обратиться в страховую компанию, если полиция их не найдет? Так? — спросил Мейсон.
- Ну... пожалуй. Я занятый человек. Я не подумал...
- Так или нет? — продолжал Мейсон. — Вы потребуете страховку или нет?
- Какое это имеет значение? — спросил Колтон.
- Вот какое, — пояснил Мейсон. — В случае, если часы не украдены, а Элдер получит компенсацию от страховой компании, он будет обвинен в даче ложных показаний и в присвоении денег, и я думаю, ему это известно. Поэтому он не будет требовать возмещения страховой суммы. Мистер Элдер, я вас прошу сейчас, под присягой, назвать хотя бы одну из украденных драгоценностей.
- Я видел эту женщину, то есть ее видели, когда она рылась в моем столе, и я... я... вошел в комнату, открыл ящик, где я храню шкатулку, и... э-э... я открыл ее и понял, что большая часть драгоценностей похищена.
- А как они попали к вам?
- В основном они перешли ко мне от матери.
- Но есть и ваши собственные?
- Часы, запонки, заколка с бриллиантом, кольцо с рубином...
- Ну что ж, — сказал Мейсон. — Значит, у нас нет проблем. Давайте запишем эти вещи. Заколка с бриллиантом исчезла, кольцо с рубином исчезло, часы...
- Я не говорил, что они исчезли. Я просто увидел, что похищенное тянет примерно на пятьдесят тысяч.
- На пятьдесят тысяч, — сказал Мейсон. — Это довольно много драгоценностей.
- Да, сэр.
- Элдер облизнул губы и почти умоляюще посмотрел на помощника прокурора.
- А сколько драгоценностей было в шкатулке?
- Много.
- Застрахованных?
- Да, сэр.
- А какова сумма страховки?

- Пятьдесят тысяч долларов.
- Выходит, у вас украли все драгоценности?
- Нет, не все... я... я же сказал, что еще не делал окончательной проверки.
- А почему? — спросил Мейсон.
- Я не осматривал всех драгоценностей... я был слишком взволнован...
- Но сейчас-то вы не волнуетесь? — спросил Мейсон.
- Нет.
- Ну тогда назовите, что пропало?
- У меня нет с собой этой шкатулки.
- Вы даже сегодня были так взволнованны, что не смогли составить список украденных драгоценностей?
- Да.
- Значит, когда вы заявили, что у вас украли драгоценности на сумму пятьдесят тысяч, вы были взволнованны?
- А при чем здесь это?
- Вы были так возбуждены, что не стали даже проверять, что именно украдено, не так ли?
- Ну, наверное, вы можете сказать и так.
- Это не я, а вы так говорите, — резюмировал Мейсон. — Я просто пытаюсь обобщить ваши показания. А не будет ли правильнее сказать, что цифру в пятьдесят тысяч вы назвали потому, что у вас в памяти просто всплыла сумма страховки и...
- Возможно, и так.
- А сейчас под присягой вы бы, наверное, не настаивали и на десяти тысячах долларов, не так ли?
- Послушайте, — сказал Элдер сердито, — эта молодая женщина ворвалась в мой дом, она шарила в моем столе, моя шкатулка с драгоценностями была открыта. Кто-то случайно вошел в кабинет, испугал женщину. Та схватила эту бутылку, бросилась к окну и...
- Элдер внезапно остановился.
- Какую бутылку? — спросил Мейсон.
- Бутылку с драгоценностями, — сердито ответил Элдер.
- Вы храните драгоценности в бутылке?
- Не знаю. Нет, разумеется, не храню, но свидетель, который заметил женщину, говорил, что она положила драгоценности в бутылку или что-то в этом роде... Может быть, она боялась потерять их в воде, не знаю...
- А вы видели эту женщину?
- Я видел ее после того, как она выпрыгнула в окно и побежала. Я спустил собаку.
- Значит, вы сами не можете сказать с уверенностью, что сумма украденных драгоценностей составляла хотя бы две тысячи, не так ли?
- Ну, мне кажется...
- Вы даже не знаете точно, украли ли у вас драгоценности на сумму в одну тысячу долларов?
- Я не знаю вообще, украли у меня что-то или нет, — ответил Элдер сердито. — Я просто открыл шкатулку, в которой храню драгоценности, и мне показалось, что там многого не хватает.

— Но когда вы называли сумму в пятьдесят тысяч, вы просто вспомнили сумму страховки, не так ли?

— Ну, пожалуй, можно с этим согласиться.

— Вы еще не заявляли в страховую компанию?

— Нет, сэр.

— И, если честно, — спросил Мейсон, — вы не собираетесь требовать компенсацию у страховой компании, не так ли?

— Я не понимаю, при чем здесь это. По-моему, мне необязательно сидеть здесь и выслушивать, как меня запугивают, — сказал Элдер.

Мейсон повернулся к судье Ланкершиму.

— Вот видите, ваша честь. Я соблюдаю условия. Если бы он назвал сумму в пятьдесят тысяч, я бы согласился на залог в пятьдесят тысяч. Однако, как видите, он не может назвать ни одной из украденных вещей, а в этом случае прокурор обещал отпустить мою клиентку под честное слово и вообще закрыть дело и...

— Не так быстро, — вставил Колтон. — Вы все же оказываете давление на свидетеля...

— Мне не нравится слово «давление», — сказал Мейсон. — Этот человек — бизнесмен. Он знает свои права. Я только прошу его сделать прямое заявление суду. Он боится это сделать. Боится назвать хотя бы один предмет и поклясться, что эта женщина украла его, потому что не сможет доказать. Одно дело — говорить о пятидесяти тысячах журналистам, другое — доказать это.

— Но зачем человеку заявлять, что у него украли драгоценности, если их у него не крали? — спросил удивленно судья Ланкершим.

— Потому что, — ответил Мейсон, — у него есть причины, по которым он хочет, чтобы подзащитная была задержана.

— Вы понимаете, мистер Мейсон, что это очень серьезное обвинение?

— Понимаю. И могу сказать суду и мистеру Элдеру, что подзащитная собирается подать в суд на мистера Элдера за клевету. А я собираюсь попросить у мистера Элдера, когда он будет под присягой, предъявить доказательства, что у него украли хотя бы одну драгоценность. Более того, я буду настаивать, чтобы представители страховой компании проверили наличие всех драгоценностей в доме Элдера, указанных в страховом полисе.

Мейсон умолк, наступила напряженная тишина.

Наконец ее прервал Элдер:

— Это какой-то абсурд, — сказал он. — В субботу вечером я был возбужден, а вчера утром еще не совсем пришел в себя. Я не знал, что на меня собираются так давить...

— Суд не позволит никому давить на вас, мистер Элдер, — перебил его судья Ланкершим, — но суд спрашивает, согласны ли вы, чтобы к вам пришли домой и проверили наличие драгоценностей, указанных в страховом полисе?

— Когда?

— Сейчас.

— Сейчас это было бы не совсем удобно. У меня много других дел.

— Хорошо. Тогда назначьте время сами.

После долгой паузы Элдер сказал:

— Я пойду домой и сам все проверю. У меня репутация честного человека, и нет необходимости поднимать такой шум.

Опять наступило молчание.

— Ну что ж, — произнес судья Ланкершим, — назначаю залог в сумме две с половиной тысячи долларов.

Мейсон взял потрфель и повернулся к двери, когда Колтон спросил его:

— Послушайте, что происходит? Вам что-то еще известно об этой краже?

— Спросите Элдера, — ответил Мейсон и пошел к выходу.

— Собирайтесь, Дороти, — говорил Мейсон, улыбаясь. — Судья Ланкершим назначил залог в две с половиной тысячи, а страховая компания заплатила деньги.

— Но... но ведь компания потребует от меня эту сумму...

— Не беспокойтесь, я с ними договорился. Кстати, где вы живете? Я бы вас подвез.

— В отеле «Монаднок».

— Элдеру стало жарко от моих вопросов.

— Он что-нибудь сказал о...

Мейсон многозначительно посмотрел в сторону смотрительницы и проговорил:

— Он начал раскрываться, но вовремя опомнился.

— Не обращайтесь на меня внимания, мистер Мейсон, — сказала смотрительница. — Впрочем, у меня есть другие дела. Я вернусь, как только вы будете готовы. Давайте бумаги и ордер.

Мейсон отдал ей бумаги, и она ушла.

— Он что-нибудь сказал о письме? — шепотом быстро спросила Дороти.

— Разумеется, нет. Он слегка разволновался и упомянул о бутылке, хотя тут же заявил, что в бутылке вы унесли драгоценности. Ему и в голову не пришло, что страховая компания может заняться его драгоценностями. И вообще, я не удивлюсь, если Элдер захочет с вами побеседовать.

— А что я ему скажу?

— Вы скажете ему так: «Идите к моему адвокату». И все. К вам могут прийти журналисты. Им вы скажете, что не собираетесь делать никаких заявлений.

— Я могу с вами встретиться сегодня вечером, если что-нибудь произойдет?

— Позвоните в сыское агентство Дрейка. Там знают, как со мной связаться. Но звонить можно, только если случится что-то очень серьезное. И не вздумайте ни с кем говорить. Они могут пойти на разные хитрости, но вы не должны на них попадаться.

— Мистер Мейсон, вы... Я просто не могу... — Она умолкла.

— Все в порядке, — проговорил Мейсон.

— А письмо? Надо же как-то...

— Об этом я сам позабочусь. Ваше дело — молчать.

— Вас ждет посетитель, шеф, — сказала Делла Стрит, когда Мейсон вошел в свой кабинет.

— Кто он?

— Мистер Дорлей Элдер.

Мейсон присвистнул.

— Он сказал, что обязательно должен с вами увидеться.

Мейсон задумался.

— Вспомните, когда он пришел. Мне надо знать.

— Он сидит с начала пятого.

— Значит, он не в курсе, что было с Элдером в суде. Как он выглядит?

— Ну, о внешности сказать нетрудно, а вот о характере... Ему за шестьдесят, хорошо одет, спокойный, густые брови, седые волосы. И все же есть в нем что-то...

— Ну хорошо, — проговорил Мейсон. — Пусть он войдет.

Через минуту Делла Стрит открыла дверь и сказала:

— Сюда, пожалуйста, мистер Элдер.

Мейсон оторвался от бумаг, которые подписывал.

— Мистер Элдер? — сказал он, поднимаясь и протягивая руку.

Элдер пожал руку, не улыбаясь, и сел в большое мягкое кресло для посетителей.

— Полагаю, — сказал Мейсон, — что вы хотели увидеть меня по важному делу.

— Мистер Мейсон, вы знакомы с нашей компанией «Элдер ассошиэйтс инкорпорейтед»?

— Вы хотели посоветоваться со мной по поводу этой компании?

— Не совсем. Но мне не хотелось бы тратить время на объяснение того, что вам уже известно.

— Можете считать, что я ничего не знаю, — сказал Мейсон.

Серые глаза Элдера посуровели.

— Это вряд ли пошло бы на пользу вам или мне, мистер Мейсон. Вы ведь консультируете синдикат, который владеет большой территорией, примыкающей к нашим частным владениям.

Мейсон промолчал.

— Нам также известно, — продолжал Дорлей Х. Элдер, — что синдикат надеется подписать контракт с нефтяной компанией о сдаче территории внаем. Но нефтяная компания не хочет приступать к бурению до тех пор, пока не будет контролировать и нашу территорию. Однако мы не только отказываемся отдавать внаем наш участок вместе с вашим, но пытаемся предпринять определенные шаги, чтобы заставить ваших клиентов продать их территорию. Легкое финансовое давление здесь, небольшой политический нажим там. Мне с трудом верится, что вам ничего не известно о нашей корпорации.

Итак, я предположу, что вы кое-что разузнали о нашей компании и, может быть, уже нашли определенные слабости в нашей позиции. Ведь вам известно, что контроль над корпорацией находится в руках моего племянника Джорджа Элдера. Он относительно молод, а мне уже за шестьдесят. Я уверен, что вы знакомы с условиями, на которых мой брат оставил все акции корпорации.

— Значит, речь идет обо всех акциях? — спросил Мейсон.

— Да.

— Хорошо. Продолжайте.

— Коррина Лансинг, сводная сестра Джорджа, тоже, разумеется, владела равной долей. Она исчезла. Нам придется ждать семь лет, чтобы считать ее умершей. Разумеется, если ее исчезновение останется необъясненным. В случае же, если появятся реальные доказательства ее смерти, дело примет совершенно другой оборот.

— Я уверен, — сказал Мейсон, — что вы пришли не для того, чтобы проконсультироваться со мной по этому делу.

— Я просто обрисовываю ситуацию.

— Понятно. Продолжайте.

— Если бы Коррина Лансинг оказалась жива, то контроль над компанией мог бы оказаться совершенно иным. А в настоящий момент я просто держатель части акций... Мистер Мейсон, мы с вами деловые люди. Почему бы нам не поговорить откровенно? Вся эта маскировка с похищением драгоценностей хороша для публики, но мы-то с вами понимаем, в чем тут дело.

— И в чем?

— Дело в том, что Дороти Феннер действительно была в доме, она хотела взять письмо.

— А что вам известно об этом письме?

— Я только знаю, что это письмо найдено мусорщиком. Оно было написано на борту яхты Джорджа. Насколько я понял, его написала Минерва Дэнби, которую смыло волной во время шторма.

— А что вы еще хотите знать о письме? — спросил Мейсон.

— Я бы очень хотел узнать, что в нем написано.

— А если в письме важные обстоятельства? Зачем же нам раскрывать их перед вами?

— Мистер Мейсон, я даю вам честное слово... Я сам очень люблю Дороти...

Мейсон достал из кармана копию письма и молча передал Элдеру. Тот жадно начал читать.

— Боже мой, — тихо проговорил он, закончив чтение. — Я подозревал... но такое... Джордж — очень своеобразный человек. Он не терпит, когда ему мешают. Если он решается на что-то, то готов пожертвовать даже чьей-то жизнью, лишь бы добиться своего. Мистер Мейсон, я должен посмотреть оригинал этого письма.

— Очень сожалею, но это невозможно.

— Почему?

— С письма сняли копию, а потом оно пропало.

Лицо Дорлея Элдера вспыхнуло гневом.

— Вы что же, пытаетесь играть в подобные игры со мной?

— Я говорю вам, что это точная копия письма из бутылки.

— Откуда вы знаете, что это точная копия?

— Я вас уверяю.

— Боюсь, мистер Мейсон, — проговорил Элдер, — что либо ваша клиентка обманывает вас, либо вы пытаетесь обмануть меня. Я был абсолютно уверен, что у вас имеется оригинал.

— Но это точная копия.

— Кто вам сказал?

— Моя клиентка.

— Пф-ф!

— И еще один свидетель, который сравнивал копию с оригиналом. Имя свидетеля я пока не могу назвать.

— Вы ходите сказать, — оживился Элдер, — что он может подтвердить под присягой точность копии этого письма?

— Да.

— Это меняет дело.

— Разумеется, — уверил его Мейсон.

— Джордж знает, что с письма сняли копию?

— Не думаю.

— Но он может подозревать это?

— Может.

— Это Джордж сумел снова забрать себе письмо?

— Есть все основания так считать.

Элдер некоторое время молчал, о чем-то размышляя, а затем сказал:

— Мистер Мейсон, я хочу, чтобы вы держались подальше от Джорджа Элдера. И ваша клиентка тоже не должна с ним встречаться. Если Джордж решит, что у нее есть копия письма... Нельзя рисковать ее жизнью. Сейчас она под арестом, но когда...

— Она уже на свободе. Ее освободили под залог час тому назад.

— И где она сейчас?

— В своем номере, я полагаю.

Элдер встал.

— Сохраните копию письма. В ближайший день-два я, возможно, встречу с вами.

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — У меня к вам два вопроса.

— Какие?

— Как вы узнали про письмо?

— Честно говоря, от племянника, Джорджа Элдера. Он поначалу доверял мне, а потом вдруг перестал. Но мне хотелось выяснить о письме побольше, вот я и спросил о нем Дороти. Она ничего не знала, но я надеялся, что мой вопрос побудит ее поговорить с Питом Кадизом.

— И второй вопрос. Почему вы так боитесь Джорджа?

— Я не боюсь, мистер Мейсон. Просто когда он не в духе, у него бывают ужасные вспышки гнева. Коррина исчезла, находясь на грани самоубийства. Очевидно, это состояние явилось следствием разногласий с Джорджем. Он прилетел в Южную Америку и привез какие-то документы, которые она должна была подписать. Она не стала их подписывать, а потом и вовсе отказалась встречаться с Джорджем и... Впрочем, остальное вам известно. Если честно, то, по-моему, он так и не простил своей больной сестре то, что она не согласилась с ним. Ну вот, я ответил на ваши вопросы. А теперь мне пора.

Он поклонился Делле Стрит, пожал руку Мейсону и вышел.

— Ну что? — спросила Делла Стрит после долгой паузы.

— Свяжитесь по телефону с Дороти Феннер и скажите, чтобы она ни в коем случае не встречалась с Джорджем Элдером. И пусть она пока не встречается с Дорлеем Элдером тоже. Я хочу, чтобы все, что он собирается ей сказать, передал через меня. Не знаю, заметили вы или нет, но этот человек сказал, что

речь идет обо всех акциях компании. А ведь у Кармен Монтеррей десять акций этой компании.

— А разве эти десять акций могут иметь какое-то значение?

— Эти акции могут иметь чертовски важное значение.

В дверь номера Дороти Феннер постучали вежливо, но настойчиво. Она подошла к двери, рывком открыла ее и проговорила раздраженно:

— Я же сказала, что не принимаю журналистов...

Тут она подняла глаза. В дверях стоял Джордж Элдер.

— Можно войти?

Не говоря ни слова, Дороти отошла в сторону.

— Значит, сюда уже приходили журналисты? — спросил Элдер.

Она кивнула.

— Запри дверь, пожалуйста, — попросил Элдер.

Она заперла дверь и повернулась к нему.

— Ну что ж, — сказал он, — Выкладывай свои условия.

— Что вы имеете в виду?

Элдер уселся на стул с таким видом, как будто вот-вот собирался достать чековую книжку и выписать чек.

— Я свалил дурака, — признался он.

— Что это у вас вдруг совесть проснулась?

— Это не совесть, просто у меня деловое предложение.

— Со всеми деловыми предложениями обращайтесь к моему адвокату Перри Мейсону.

— Не глупи!

— А что же здесь глупого?

— Он богат. Он получает в день больше, чем ты за месяц.

— А при чем здесь это?

— Я готов пойти на некоторые уступки. Вся эта газетная шумиха повредила тебе. Вероятно, ты потеряешь работу. Я тебе возмещу все убытки. Но и тебе невыгодно отдавать часть своих денег Перри Мейсону.

— Вы ему заплатите?

— Что за глупости? Я говорю о тебе, с какой стати я должен платить ему, черт побери?

Дороти пошла к телефону, но остановилась.

— Подумай, ты же не глупая девушка. Не будем ходить вокруг да около. Если Минерва Дэнби и написала это письмо, то в нем нет ни капли правды. Честно говоря, я думаю, что оно поддельное. Как бы там ни было, после того, как это письмо попало ко мне, мне пришлось все обдумать и разузнать. Я начал с лечебницы в Лос-Мерритос. Все, что было в письме, — выдумка от начала до конца. Поверь мне, я даже не видел Минервы Дэнби в ту ночь. Просто не знаю, как и объяснить это письмо.

Дороти молчала. По крайней мере, до сих пор молчание не повредило ей. В конце концов нет ничего страшного в том, что она послушает его. А потом позвонит Перри Мейсону.

— Я действительно появился на яхте уже в двенадцатом часу ночи. А через полчаса после того, как мы вышли в море, нас застиг шторм. Утром я ждал Минерву к завтраку, но она не

появилась. Я послал за ней стюарда. В каюте никого не было. Постель была заправлена. Потом тело нашли. Вскрытие показало, что она захлебнулась соленой водой.

После этого мне позвонил Пит Кадиз и сказал, что у него есть письмо, брошенное с моей яхты. Я попросил принести мне это письмо... Ну естественно, заплатил ему за хлопоты... А тут появляешься ты и крадешь письмо. Я испугался, что письмо может попасть в газеты. Гости видели, как ты выскочила в окно, держа в руках бутылку. Одним словом, мне пришлось звонить в полицию. Когда заметили байдарку, стало ясно, как ты попала на остров. Ну а потом мы увидели твою яхту. Для полиции мне пришлось сочинить историю с драгоценностями.

— Вы забрали письмо? — спросила она.

— Благодарю бога, что я получил его обратно. В противном случае ты уже следующим утром могла бы умереть. Мне не нравятся, когда со мной проделывают подобные штуки.

— Что вы хотите? — спросила она.

— Имя твоего сообщника. Как ты узнала про письмо?

— А как вы узнали, где я спрятала бутылку с письмом?

— Очень просто. Во времена сухого закона мы, яхтсмены, всегда прятали спиртное в бочках с пресной водой.

— Когда вы взяли письмо, вам незачем было выдавать меня полиции.

— Было слишком много свидетелей. К тому же я не думал, что ты оставишь полотенце. У меня не было другого выхода. Да, этот твой адвокат... Почему ты обратилась именно к Перри Мейсону?

— А чем он плох?

— Он слишком умен.

— Поэтому я к нему и обратилась.

— Он меня сегодня здорово прижал с драгоценностями... Я ведь не подумал про страховку. А потом помощник прокурора заявил, что ему не понравились мои ответы. Я принял обиженный вид и заявил, что он может закрывать дело, — мне теперь все равно.

— И что теперь? — спросила Дороти.

— Теперь я пришел договориться. Как бизнесмен, я должен постараться сбить цену, но я пришел сюда скорее как родитель, как родственник, который обидел того, кого любит... Сколько ты хочешь?

— За что?

— За полное освобождение, за молчание, за имя соучастника, за то, чтобы ты забыла о письме.

— Мне кажется, я не смогу этого сделать. Это нечестно. И у меня действительно не было никакого соучастника. Мне помог случайный человек. А письмо...

— Письмо — фальшивка.

— Почему я должна этому верить?

— Я тебе докажу.

— Пожалуйста.

— Не здесь. У меня нет с собой письма, тем более доказательств.

Дороти задумалась.

— И вы дадите мне денег?

— Разумеется, моя дорогая, большую... э-э, скажем лучше, соответствующую сумму. В конце концов, почему бы нам не поладить? Мне можно верить.

Она отвернулась от его жестких изучающих глаз, и взгляд ее упал на телефон.

Элдер встал.

— Дороти, я возвращаюсь на остров. Ты хорошенько подумай обо всем. Когда оценишь мое предложение, приходи ко мне, и я приведу неопровержимые доказательства того, что это письмо — фальшивка. Приходи в любое время сегодня вечером. Я отпущу слуг и запру собаку в чулане.

— Не сегодня. Я...

— Сегодня, — перебил он ее решительным тоном. — У меня тоже много дел. И не забывай, что ты обвиняешься в краже...

Пол Дрейк сидел в своей конторе и изучал доклады детективов. Телефоны на его столе беспрестанно звонили.

Перри Мейсон и Делла Стрит, пользуясь давними дружескими отношениями с Дрейком, вошли в его кабинет без предупреждения. Дрейк поднял на них глаза, улыбнулся, посмотрел на электрические часы на стене.

— Я уже собирался заканчивать и идти домой.

— Что нового? — спросил Мейсон. — Что-нибудь разузнали о Коррине?

— По всей видимости, болезнь была вызвана разрывом с подругой. Этой подругой оказалась Минерва Дэнби. Джордж Элдер полетел в Южную Америку, когда услышал, что его сводная сестра больна. Она исчезла в тот день, когда он прибыл. Обстоятельства говорят о самоубийстве, но тело ее так и не нашли. Кармен Монтеррей, прислуга Коррины, приехала сюда, в Штаты. Я поместил объявления во все газеты. Обычное объявление: «Если Кармен Монтеррей свяжется с подателем объявления, то узнает что-то весьма важное для себя». Указал номер абонентного ящика, и если...

Справа от Дрейка зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Алло... Да... Говори... Что?.. Черт!.. Хорошо... Разузнай подробности и позвони мне как можно скорей. Посылаю тебе еще двух человек... Мне нужны факты... Хорошо... Я буду здесь... Все... Посылаю немедленно...

Дрейк бросил трубку.

— Сейчас, одну минуту.

Он схватил трубку другого телефона и приказал кому-то:

— Срочно пошлите двух человек в поместье Элдера на острове. Пусть они помогут Джейку. Срочно!

Дрейк положил трубку и произнес:

— Джорджа Элдера убили.

— Убили?! Когда?

— Очевидно, в последние несколько часов. Его нашла прислуга Салли Бэнгор. Он лежал в кабинете на полу с пулевым ранением. Дверь не заперта. Собака закрыта в чулане, переоборудованном специально для ее содержания. Джордж обычно запирает ее там, когда ждал посетителей... Если подождете, я постараюсь разузнать подробности.

— Разумеется, — сказал Мейсон.

Дрейк вышел из кабинета. Минут через пятнадцать он вернулся.

— Подождем еще немного.

Дрейк и Мейсон закурили.

— Теперь, насколько я понимаю, Дороти Феннер будет свободна. Нельзя ее наказать, если никто не подтвердит под присягой, какие именно драгоценности были похищены. Я слышал, что сегодня днем ты здорово прижал Элдера.

— В этом деле есть еще кое-что, Пол. Только это должно быть строго между нами.

— Я же никогда не подводил тебя.

— Ладно. Вот, взгляни на это. — Мейсон достал копию письма и передал Дрейку. Тот начал читать, шевеля губами. Один из телефонов зазвонил. Дрейк поднял трубку.

— Алло!.. Это уже лучше... Так... Это все?.. Молодец... Я буду здесь. Постарайся разузнать побольше о действиях полиции.

Он положил трубку, дочитал письмо и воскликнул:

— Бог мой, Перри! Откуда у тебя это письмо?

— Его нашли в бутылке, которую прибило к берегу. Человек, нашедший его, отдал письмо Элдеру. А что тебе сообщили только что по телефону?

— Похоже, твоя клиентка вернулась в дом Элдера, чтобы покончить с делом, которое она начала в субботу вечером.

— Что за глупость, — сказал Мейсон. — Дороти Феннер — милая девушка. Она следует моим указаниям. Я отвез ее домой, и она теперь в своем номере.

— Мне сейчас звонил человек, которого я послал в поместье Элдера. Он связался с помощником шерифа. Тот говорит, что, вероятно, в поместье был тот же человек. На этот раз женщина не прыгала в окно, собака была закрыта в своем чулане, а когда Элдер что-то ей сказал не так, она пустила в ход револьвер тридцать восьмого калибра.

— А почему решили, что это тот же человек?

— Потому что здесь тот же самый *modus operandi*¹. Человек, находившийся в кабинете, вылез в окно. А оно выходит на пролив. Салли Бэнгор, которая нашла тело, не растерялась и закрыла ворота на мосту. Таким образом, убийца оказался отрезанным на острове. Крики служанки услышал мотоциклист, и через несколько минут там уже работали полицейские. Проход через мост закрыли.

— И что? — спросил Мейсон.

— Ничего. Не нашли никаких следов. Убийца мог только уплыть.

— А в кабинете что?

— Джордж Элдер лежал ничком на полу в луже крови. Он был убит выстрелом в шею из револьвера тридцать восьмого калибра. Пуля повредила артерию и, очевидно, вылетела через окно. Женщина, которая застрелила его, по всей вероятности, стояла у самого стола.

— Почему?

— Потому что только в этом случае пуля могла вылететь

¹ *Modus operandi* (лат.) — образ действия.

в окно. Женщина, наверное, выстрелила, когда Элдер бросился вперед и споткнулся.

— Как так?

— Пистолет нашли под телом, он был весь в крови и без одного патрона. Вот вкратце все основные факты.

— А где все это время была собака?

— В чулане. Туда ее отводили, когда Элдер принимал кого-нибудь в своем кабинете.

— Насколько я понимаю, если человек стоит, не шевелится и подняв руки вверх, собака ведет себя спокойно, но едва человек сделает движение или примет угрожающий вид, как собака тут же бросается на него.

— И что же делала собака, пока совершалось убийство?

Пол Дрейк был совершенно озадачен таким вопросом.

— Откуда, черт побери, я могу... А, понятно. Я дам указание все это разузнать и сообщу тебе.

— Когда это произошло, Пол?

— Судя по предварительному осмотру, убийство произошло сегодня около девяти часов вечера. У прислуги был свободный вечер, и она вернулась только около десяти.

— Значит, убийца был там целый час?

— Вероятно.

Мейсон посмотрел на часы.

— Черт! Уже двенадцать часов, Пол. Я поеду к Дороти Феннер и расскажу ей обо всем. К ней наверняка придут журналисты, надо ее...

— Прежде чем вы к ней поедете, шеф, — вставила Делла Стрит, — взгляните вот на это. — Она прогянула Мейсону газету, которую уже несколько минут держала в руках.

«Если Кармен Монтеррей, находившаяся девять месяцев тому назад в Южной Америке, свяжется с подателем сего объявления, то получит очень полезную информацию об улучшении ее финансового положения. Ящик 123 Д».

— Все правильно, — сказал Дрейк. — Это объявление я сам поместил в газету.

— Каким образом ты смог поместить его в вечернюю газету?

— Что? — воскликнул Дрейк. — Ну-ка, дай газету.

— Похоже, кто-то опередил нас на один шаг, — проговорил Мейсон. — Лучше узнай, Пол, кому принадлежит ящик 123 Д. Вы, Делла, езжайте домой, выпитесь. Завтра будет много работы. А я поеду к Дороти Феннер.

Мейсон поставил машину на стоянке у отеля «Монаднок», поднялся по ступенькам, вошел в вестибюль и, увидев ночного портье, направился к нему.

— У вас проживает некая Дороти Феннер, — сказал он. — Мне надо с ней поговорить. Я ее адвокат, Перри Мейсон.

Портье посмотрел на часы, потом набрал номер ее телефона, подождал с минуту.

— Боюсь, она не хочет подходить к телефону или ее... Одну секунду. К вам пришел ваш адвокат Перри Мейсон.

Он положил трубку.

— Можете подняться, мистер Мейсон. Четыреста пятьдесят девятый номер.

Дороти Феннер открыла дверь и спросила:

— Что случилось, мистер Мейсон? — На ней был халат. Она отошла, пропуская его в комнату. — Извините, у меня беспорядок... Я спала...

— Хорошо, — сказал Мейсон. — Я постараюсь вас не задерживать. Джордж Элдер мертв.

— Как? Почему? Что произошло?

— Его убили.

— Боже мой! Кто его убил? Что...

— Неизвестно, — ответил Мейсон. — Его нашла прислуга Салли Бэнгор.

— Я ее знаю. Вернее, видела, когда бывала в гостях у Джорджа.

— Полиция может прийти к вам.

— Почему?

— Потому что вы подозреваетесь в незаконном проникновении в его дом в субботу.

— А при чем здесь суббота?

— Ни при чем. Если не считать, что убийца Элдера покинул остров вплавь... Вы куда-нибудь выходили сегодня?

— Нет. Я все время была здесь.

— Как вы это докажете?

— Одинокой женщине трудно найти алиби, когда она весь вечер пролежала в постели, — сказала Дороти раздраженно.

— Может быть, кто-нибудь может подтвердить, что вы не выходили?

— Ну, наверное, дежурный внизу заметил бы меня, если бы я куда-то выходила.

Мейсон сел на край кровати. Дороти Феннер села рядом.

— Элдер не пытался позвонить вам? — спросил Мейсон.

Дороти положила ногу на ногу. Пола халата упала, обнажив бедро. Она начала поправлять халат, потом посмотрела на ногу и проговорила:

— А у меня неплохой загар, не правда ли, мистер Мейсон?

Мейсон бросил взгляд на ногу, кивнул.

— Прекрасный.

— Благодарю вас.

— Я спросил о Джордже Элдере, — напомнил Мейсон.

Она помедлила еще с минуту, потом наконец произнесла:

— Он был здесь.

— Здесь?!

— Да.

— Черт побери! Когда?

— Около шести или чуть попозже.

— Послушайте, давайте уточним. Из суда я сразу поехал за вами и привез вас сюда. Спустя какое время к вам пришел Элдер?

— Ну, примерно спустя час. Может быть, чуть позже.

— И все это время он беседовал с окружным прокурором? Почему же он не отправился на свой остров, а приехал прямо к вам?

— Он сказал, что хочет со мной помириться и заключить нечто вроде сделки.

— Почему вы мне об этом не сообщили?

— Я собиралась позвонить вам утром. Вы же сами сказали, что я должна звонить, если произойдет что-то очень важное,

— А что он вам предлагал?

— Хотел заплатить мне.

— Сколько?

— Он не называл определенной суммы. Рассказал, что забрал с моей яхты бутылку с письмом; хотел заплатить мне за доставленные неприятности. Просил, чтобы я пришла к нему, и он мне представит доказательства того, что письмо фальшивое.

— А когда вы должны были к нему прийти?

— Сегодня вечером... А который сейчас час?.. О, тогда уже вчера вечером.

— Что еще он сказал?

— Сказал, что будет ждать меня. Оставит ворота на мосту открытыми и не будет закрывать двери в стене. Собаку он обещал запереть.

— Вы не пошли к нему?

— Разумеется, нет. Вы же мне не велели.

— Но вы не сказали ему, что не придете?

— Нет.

— А вы кому-нибудь рассказывали о своем разговоре?

— Нет, не рассказывала.

— И никому не говорите, — сказал Мейсон.

— Почему?

— Неужели не понятно? Вас тогда обвинят в убийстве. Уже известно, что Элдер кого-то ждал, и предполагают, что именно тот, кого он ждал, и есть убийца. И если они выяснят, что Элдер ждал вас, то тогда...

— Но я вовсе даже и не собиралась к нему идти. Хотя он и подумал, что уговорил меня.

— Если явится полиция, скажите, что я к вам приезжал, рассказал о смерти Джорджа Элдера и просил не делать никаких заявлений никому: ни полиции, ни журналистам, ни частным лицам.

Она кивнула.

— Я не хочу, чтобы вы лгали, но и не хочу, чтобы говорили о визите Элдера.

— Но разве мне не придется об этом рассказать рано или поздно?

— Если и придется, то только тогда, когда в этом возникнет необходимость. Вы знаете Кармен Монтеррей?

— Конечно.

— Вы не давали о ней объявление в газету?

— Я? Бог мой! Да я уже долгое время не получаю от нее писем. Она была в Южной Америке и... думаю, там оставалась еще довольно долго, надеясь отыскать Коррину. Она была привязана к Коррине и очень огорчилась, когда Минерва Дэнби сбежала. Теперь я могу понять и Минерву Дэнби. Как-то Кармен приезжала в Штаты, когда ей показалось, что Коррина могла быть здесь, но потом снова уехала в Южную Америку. А сейчас я не знаю, где она.

Когда Перри Мейсон вошел в свою контору в 9.30 утра во вторник, Делла Стрит сказала:

— Там вас ждет Дорлей Элдер.

— Что нового?

— Дрейк принес отчет.

— Хорошо. Расскажите мне суть, а потом я приму Элдера.

— Очевидно, в момент убийства собака изо всех сил пыталась вырваться из своего чулана. Прислуга говорит, что собака была приучена лежать в чулане спокойно, когда Элдер принимал посетителей.

Полиция решила, что убийца мог все еще находиться на острове, и хотела использовать собаку. Однако прислуга, Салли Бэнгор, отказалась вывести собаку из чулана. Она сказала, что в присутствии Элдера собака ее терпела, но, кроме него, никто не мог кормить или подходить к собаке.

— А когда полиция была в доме, собака уже не пыталась вырваться из своего чулана?

— Нет.

— А как же они узнали, что она пыталась выскочить из чулана во время убийства?

— Они все же решили приоткрыть дверь, держа наготове веревку с петлей, вывести собаку из чулана и попробовать отдать ее прислуге, чтобы та пошла с собакой по следу. Если собака не стала бы слушаться, то на нее накинули бы петлю. Но когда дверь чулана приоткрыли, собака грудью распахнула ее, свалила полицейского и помчалась к воротам на мосту. Там она стала царапать лапами ворота, пытаясь выскочить за ограду.

— Значит, убийца ушел через ворота на мосту, — сказал Мейсон.

— Нет, это невозможно. Салли Бэнгор выскочила и закрыла ворота, она абсолютно уверена, что никто не выходил.

— Ну хорошо, — нахмурился Мейсон. — А как они узнали, что собака пыталась вырваться из чулана?

— Когда полицейские зашли в чулан, то вся дверь изнутри была исцарапана и на ней были полосы крови. Это говорит о том, что собака вырвала один из своих когтей. Она, видимо, пришла в бешенство, когда почувала, что хозяин в опасности.

— А до этого собака не царапала дверь?

— Нет, это ведь ее чулан. Там была подстилка и стояла чашка с водой. Собака была приучена лежать в чулане спокойно, пока хозяин принимал посетителей. Вот такие факты. А теперь я позову Дорлея Элдера.

— Да, кстати, — спросил Мейсон, — Дрейк что-нибудь разузнал о местонахождении Кармен Монтеррей?

— Пока нет. Но он каким-то образом выяснил, кому принадлежит абонентный ящик сто двадцать три Д. Он Джорджа Элдера.

Мейсон задумался.

— Ну конечно, по логике вещей Элдер так и должен был поступить. Ладно, просите Дорлея Элдера. Посмотрим, что он скажет.

Дорлей Элдер вошел в кабинет и тут же выпалил:

— Мейсон, это ужасно!

— Да уж ничего хорошего, — согласился Мейсон,

— Мой племянник был холостяком, и теперь вся ответственность ляжет на меня. — Элдер уселся в кресло для посетителей. — А что будет с делом Дороти Феннер? — спросил он.

— Я думаю, его закроют. Теперь ведь некому на нее подавать в суд и некому подтвердить, что украдена хотя бы одна драгоценность.

— А вам не приходило в голову, мистер Мейсон, что Дороти Феннер могут заподозрить в убийстве?

— Такая возможность не исключается, — ответил Мейсон. — Но, думаю, этого не произойдет.

Дорлей Элдер достал блокнот в кожаном переплете.

— Пистолет, из которого убит мой племянник, был его собственным, — сказал он.

— Черт возьми, неужели это так?

— Да. Это его револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Более того, в момент убийства он был при нем. Я думаю, шериф просто скрывает пока эту информацию от журналистов.

— Значит, это могло быть и самоубийство?

— Пока трудно утверждать. После предварительного осмотра эксперт сказал, что расстояние, с которого произвели выстрел, было слишком большим для самоубийства.

— Но из этого пистолета стреляли? — спросил Мейсон.

— Да. Экспертиза показала, что в момент выстрела пистолет находился в руке моего племянника. А шериф пять часов тому назад арестовал Дороти Феннер.

— Все-таки они ее арестовали, — проговорил Мейсон. — А вы нашли бутылку с письмом?

— Нет. Но меня впустили в кабинет только после того, как там побывала полиция, так что они могли найти письмо, но решили пока о нем не говорить.

— Если Джордж Элдер выстрелил из пистолета, то куда же делась пуля? — спросил Мейсон.

— Не знаю. Единственная возможность — это окно. Джордж упал лицом вниз, а стоял он спиной к окну.

— А как он был одет?

— Брюки и вязаный свитер. Он недавно что-то красил на яхте, и на свитере осталось несколько пятен. Если он ждал посетителя — а это вполне очевидно, — то посетитель должен был быть человеком, которого Джордж мог позволить себе встречать в таком виде.

— Например, кем-нибудь из членов семьи, — сказал Мейсон.

— Я так и хотел сказать, но, если не считать Коррины, которая исчезла при таких странных обстоятельствах, я оказался последним родственником Джорджа.

— А у вас есть алиби? — спросил Мейсон.

— Я холостяк. Мне шестьдесят три года. Я никак не мог предположить, что мне придется взваливать на себя все управление корпорацией. Но теперь разделить его не с кем. Алиби у меня нет, но человек, который обслуживал вчера мою машину, может подтвердить, что, судя по спидометру, я никак не мог съездить на остров и обратно. И он же может засвидетельство-

вать, что спидометр у моей машины исправен. Да в полиции все равно проверяют каждый мой шаг. На меня свалилась куча дел. К тому же за спиной все время шепчутся. Незавидное положение... Но я пришел к вам не только как частное лицо, но теперь уже и как единственный владелец компании «Элдер ассошиэйтс инкорпорейтед».

— Благодарю вас.

— В кабинете племянника я нашел кое-что интересное для вас.

— Что?

— Я узнал, что мой племянник отчаянно пытался разыскать Кармен Монтеррей.

— Это вполне естественно, — заметил Мейсон.

— Он поместил объявления в газетах, и у меня есть основания полагать, что Кармен Монтеррей звонила ему. Я нашел в его ежедневнике инициалы К. М. и адрес. Судя по адресу, это какой-то мексиканский ресторан, обслуживающий туристов. Больше ничего не знаю. Адрес я вам принес. Мне подумалось, что он может заинтересовать вас. Интересы вашей клиентки побудят вас заняться письмом, и вы, надеюсь, сообщите мне о ходе расследования. Полагаю, что нам обоим будет легче, когда тайна смерти племянника будет раскрыта. Если это убийство, то убийцу надо найти. И в этом я готов вам помочь чем могу.

— Хорошо. Я с вами встречаюсь.

— Я готов заплатить любой гонорар...

— Вы меня неправильно поняли, — перебил его Мейсон. — У меня пока только один клиент — Дороти Феннер.

— Да-да, я понимаю. Но потом, когда все выяснится, мы с вами решим денежный вопрос. А пока вы обязаны заниматься своей клиенткой, а не мной. Кстати, об аренде земли под нефтяные промыслы. Вы же консультируете этот синдикат. Можете передать хозяевам синдиката, что, как только управление корпорацией перейдет в мои руки, мы легко решим этот вопрос. С моей стороны не будет никаких препятствий по поводу аренды.

— Это очень хорошая новость, мистер Элдер.

— Возьмите адрес Кармен Монтеррей. Мне пора. Обращайтесь ко мне в любое время. — Элдер встал, пожал руку Мейсону и вышел.

Мейсон посмотрел на Деллу Стрит, потом на адрес.

— Ну что ж, Делла. Похоже, мы сегодня будем обедать в мексиканском ресторане. А пока надо показать этот адрес Полу Дрейку, пусть он даст нам описание внешности Кармен Монтеррей и установит наблюдение за рестораном.

— А сколько времени могут продержаться Дороти Феннер? — спросила Делла Стрит.

Мейсон пожал плечами.

— Это зависит от того, будет ли она выполнять мои советы и молчать.

— Допустим, она будет молчать?

— Тогда они могут продержаться ее довольно долго.

— А если она не будет молчать?

— Тогда они «выпотрошат» ее как следует и отпустят. А сами начнут думать, как получше использовать против нее ее же собственные показания. А мы начнем готовить запрос о закон-

ности ареста Дороти Феннер. И если она не позвонит нам до двух часов дня, поедem к судье Ланкершиму, пусть он составит предписание о вызове арестованной Дороти Феннер в суд для рассмотрения вопроса о законности ее ареста.

— Перри, вот что удалось узнать, — говорил Пол Дрейк. — Мы попытались разыскать эту женщину в Лос-Мерритос и выяснить, как она туда попала. Такая женщина там была. И описание внешности похоже на Коррину Лансинг. Она действительно страдала потерей памяти, галлюцинациями, истерией и маниакально-депрессивным расстройством. Она была там в тот день, когда Минерва Дэнби написала свое письмо. Ее держали в южном крыле, где месяца четыре тому назад произошел сильнейший пожар. Тогда сгорели заживо шесть больных. Эта женщина оказалась в их числе. Тело обгорело до неузнаваемости... Ее опознали по металлической бирке.

— А может быть, это была не она?

— Вполне возможно, что эта женщина не Коррина Лансинг. Но нет сомнений в том, что это была именно та женщина, которую привезли в Лос-Мерритос и которую Минерва видела в день своей смерти. Женщину эту нашли в Лос-Анджелесе.

— Лечебница в Лос-Мерритос — частное заведение? — спросил Мейсон.

— Да, — ответил Дрейк. — Там вот что произошло. Полиция, естественно, пыталась разыскать родственников этой больной. Нашлась какая-то женщина, которая разыскивала сестру. Когда ей показали найденную в Лос-Анджелесе больную, женщина не признала в ней свою сестру. Но, проникнувшись жалостью, сказала, что заплатит за лечение этой больной. Деньги пришли не в виде чека, как обычно, а наличными. Их принес посыльный вместе с запиской, в которой женщина сообщала, что желает остаться анонимной.

— Другими словами, — проговорил Мейсон, — нет никакой возможности точно узнать, действительно ли в больнице сгорела Коррина Лансинг?

— Совершенно верно.

— Ну а что насчет письма в бутылке?

— Если бы при осмотре его нашли, то об этом стало бы известно... А что говорит твоя клиентка?

— Ничего. Она все еще под арестом.

— Перри, они взяли портье из отеля «Монаднок» и хотят использовать его в качестве главного свидетеля. Зачем им его арестовывать? Наверное, он знает что-то про Дороти?

— Какого черта, Пол! Феннер не выходила из номера. Шериф, наверное, хочет доказать, что Джордж Элдер приходил к Дороти Феннер. Но это ни о чем не говорит, даже если ему удастся это сделать. Кстати, Пол, ты узнал, где живет Пит Кадиз?

— Да. Он убирает пляж и живет на лодке.

— А Кармен Монтеррей ты нашел?

— Она работает в этом ресторане. Занимается гаданием. Сегодня вечером она будет там.

— Тогда мы с Деллой сегодня идем в ресторан и попытаем счастья у гадалки.

Официантки в национальных костюмах разносили заказы. Из тридцати пяти столиков только половина была занята посетителями. От стола к столу переходила гадалка.

Сбоку появился агент Дрейка и тихо сказал Мейсону:

— Она пришла минут пятнадцать тому назад. А вот идет ее тетя, владелица ресторана.

Крупная женщина, на которую указал агент Дрейка, гостеприимно им улыбнулась.

— Это мой друг, — сказал агент Дрейка. — Мой столик вон там. Они сядут ко мне.

Мейсон и Делла прошли к столу и сели. Подошла официантка, и Мейсон сделал заказ.

— Шеф, она идет, — шепнула Делла Стрит.

Кармен Монтеррей, улыбаясь, подошла к их столу.

— Не хотите ли узнать свою судьбу? — спросила она.

— О, — воскликнула Делла, — это было бы... — Она замолчала и посмотрела на Мейсона. Тот, подыгрывая, проговорил:

— Разумеется, если ты хочешь, пусть она тебе погадает.

Мейсон сунул в руку Кармен три доллара. Та убрала деньги и села на свободное место напротив Деллы.

— Дайте мне вашу руку. Вы работаете. У вас важная должность, так? Вам нравится ваша работа... Вы уже давно одиночки. Ваша мать умерла, когда вы были совсем молодой, а ваш отец... Наверное, родители разошлись, так?

— Достаточно, — сказала Делла, убирая руку.

— А будущее, — продолжала Кармен Монтеррей, — определено прошлым. Корабль, который не выходит в море из-за боязни шторма, не может привезти богатый груз.

— А вы неплохая гадалка, — проговорил Мейсон. — Мисс?..

— Кармен, — ответила она. — Зовите меня Кармен.

— И вы верите в это? — спросил Мейсон.

— Откуда мне знать, во что я верю. Я просто беру руку и чувствую, как в меня что-то переходит. Потом в голове возникают мысли, и я их говорю.

— А где вы родились? — спросил Мейсон.

— В Мексике.

— Наверное, много путешествовали?

— Да.

— В Европе?

— Нет.

— В Южной Америке?

Она кивнула.

— Я всегда хотел съездить в Южную Америку. Скажите, там красиво?

— Там прекрасно, сеньор.

— И давно вы там бывали?

— Только что вернулась.

— Вот как?

— У меня пропала подруга. Некоторые говорят, она умерла, но никто ничего не знает точно. Это загадка, которую я не могу разгадать.

Тут агент Дрейка кашлянул, и Мейсон увидел, как в зал вошли двое мужчин. К ним сразу же подошли две мексиканки. Один из мужчин что-то спросил, и ему показали на их столик.

Мужчины подошли к столу. Один из них распахнул пиджак и показал звезду шерифа.

— Ну все, Кармен, достаточно. Ты пойдешь с нами. Тебе зададут несколько вопросов. — Он посмотрел на Мейсона. — Прошу прощения, мистер. Пойдем, Кармен.

Когда полицейские с Кармен ушли, Мейсон сказал:

— Надо позвонить Дрейку. Может быть, ему известно, почему Кармен арестовали.

Он пошел к телефону-автомату, набрал номер Дрейка и, когда тот снял трубку, спросил:

— Пол, только что взяли Кармен. Тебе что-нибудь известно о причинах ее ареста?

— Не знаю, Перри. Но, по-моему, у них есть это письмо из бутылки. У меня другая новость. Прошел слух, что шериф, арестовавший Дороти Феннер, готов доказать, что это ты тот самый человек, который помог ей скрыться в субботу, когда она проникла в дом Джорджа Элдера.

Клод Глостер, окружной прокурор, выступая в качестве обвинителя, в краткой вступительной речи заявил, что собирается доказать, что обвиняемая Дороти Феннер совершила преднамеренное убийство Джорджа С. Элдера. Она застрелила его из револьвера 38-го калибра и через черный ход убежала к пляжу, где была спрятана небольшая лодка. На этой лодке она отправилась к своей яхте, переделалась и вернулась в номер.

Мейсон тоже произнес небольшую вступительную речь, после которой прокурор вызвал первого свидетеля.

Врач, производивший вскрытие, рассказал о причине смерти Элдера. Клод Глостер, задав ему несколько вопросов, повернулся к Мейсону и учтиво поинтересовался:

— Имеются ли у вас вопросы, мистер Мейсон?

— Один вопрос, — ответил Мейсон. — Доктор, когда вы осматривали тело, вы установили причину смерти?

— Да, сэр.

— Вы сообщили, что рана нанесена пулей из пистолета тридцать восьмого калибра?

— Да, сэр.

— Значит, пулю нашли?

— Нет, сэр, пуля не была найдена.

— Как же тогда вы определили калибр?

— Частично по размеру раны. Учитывая и тот факт, что пистолет, из которого был произведен выстрел, лежал под телом убитого.

— Если пулю не нашли, как же вы определили, что убийство было совершено именно из того пистолета, который находился под телом?

— Потому что из него недавно был произведен выстрел, потому что другого следа от пули нет и пистолет этот тридцать восьмого калибра.

— Понятно. Вы определили, что убийство было совершено из пистолета тридцать восьмого калибра, потому что именно такой пистолет лежал под телом, а решение о том, что именно из этого пистолета был убит Джордж Элдер, вы приняли на основа-

нии того факта, что пистолет оказался тридцать восьмого калибра? Я правильно вас понял?

— В вашем изложении это звучит совершенно абсурдно.

— Тогда изложите ваши доводы таким образом, чтобы они не звучали абсурдно.

— Но ведь есть размер раны...

— Разве вам не известно, что пуля всегда оставляет входное отверстие меньше своего диаметра. Ведь кожа человека эластична.

— В этом случае пуля была тридцать восьмого калибра.

— Но та часть ваших показаний, в которой говорится, что именно из этого пистолета убит Джордж Элдер, основывается на чистом умозаключении?

— Этот вывод сделан экспертом.

— Значит, эксперт сделал вывод, построив его на чистом умозаключении, так?

— Можно сказать и так, если вам угодно.

— У меня все, — сказал Мейсон.

Затем был приглашен полицейский, который рассказал, что был вызван на место убийства по телефону. Звонил сосед, он услышал крики прислуги. Полицейский описал место происшествия и сообщил, что не покидал его. Когда пришли понятые, то в их присутствии он сделал несколько снимков убитого.

— Вопросы к свидетелю, — как обычно произнес Глостер.

— Значит, собака была заперта в соседней комнате? — спросил Мейсон.

— Это не соседняя комната. Это что-то вроде чулана с вентиляцией и окном. Окно расположено высоко, собака не может до него достать.

— Кто выпустил собаку?

— Ну, когда пришли другие полицейские, мы... мы все решили выпустить собаку.

— И что произошло?

— Мы попытались приоткрыть дверь и накинуть на собаку петлю.

— Вам удалось это сделать?

— Она вылетела из чулана, как молния, выдернула веревку из рук и убежала.

— Вы побежали за ней?

— Да, сэр.

— И куда же исчезла собака?

— Не знаю, сэр. Когда я выскочил, ее уже не было видно. Через некоторое время ее привела прислуга.

— Салли Бэнгор, та, которая обнаружила тело?

— Да, сэр.

— А где сейчас находится собака?

— Ваша честь, — сказал Глостер. — Последний вопрос не по существу дела.

— Если свидетель может ответить, то пусть ответит, — распорядился судья.

— Но, ваша честь, для нас важен факт, что собака была заперта в чулане. Это означало, что покойный ожидал незнакомого посетителя. А где собака сейчас, не имеет никакого отношения к делу.

— Если это не имеет к нему отношения, — сказал Мейсон, — то почему бы не сказать, где собака?

— Нет смысла перегружать суд не относящимися к делу вопросами, — произнес Глостер.

— Ответьте хотя бы для удовлетворения моего любопытства, — сказал Мейсон.

Судья Гарей неожиданно проявил интерес к вопросу Мейсона.

— Защита имеет право знать это, — проговорил он.

— Ваша честь, — произнес Глостер. — Я хочу придерживаться сути вопроса. Нам важно знать, кто убил Джорджа Элдера. Если мы начнем изучать собак, где они, что едят, как себя чувствуют, как...

— Он не спрашивает о собачьей диете. Его интересует, где сейчас находится собака, — перебил его судья Гарей. — Свидетель, ответьте на вопрос защиты!

— Я не знаю, — сказал полицейский. — По-моему, ее отдали в какой-то собачий питомник.

— Вам известно, в какой питомник отдали собаку, мистер Глостер? — спросил судья Гарей.

— Нет, ваша честь. Собакой занимался шериф.

— Ну что ж, выясните этот вопрос и сообщите мне, — проговорил судья Гарей и, повернувшись к Мейсону, спросил: — У вас есть еще вопросы, мистер Мейсон?

— Этот чулан, — спросил Мейсон, — вы говорите, был специально сделан для собаки?

— Нет, сэр. Это был просто чулан с вентиляцией. Там стояла чашка с водой, лежала подстилка, дверь изнутри была исцарапана, собака так рвалась из чулана, что оторвала коготь на лапе.

— Вы видели оторванный коготь? — спросил Мейсон.

— Нет. Но и так ясно, что оторвался коготь: на двери были три отчетливые, хотя и слабые полоски крови в том месте, где собака царапала дверь, и несколько пятнышек крови на полу.

— Но раньше собака не царапала дверь? — спросил Мейсон.

— Все царапины были свежими. Мне кажется... прошу прощения, я забыл, что не могу высказывать предположения.

— Говорите, — сказал Мейсон. — Я не возражаю.

— Мне кажется, что собака очень умная и дисциплинированная. Но когда она услышала выстрел... там, наверное, ссорились... В общем, собака так рвалась, что оторвала коготь.

— У меня все, — сказал Мейсон.

— Следующий свидетель — шериф Кедди, — объявил Глостер.

Шериф Кедди поднялся на свидетельское место.

— Вас вызвали в поместье Джорджа Элдера вечером третьего августа?

— Да, сэр.

— И что вы обнаружили там, шериф?

— Отсутствовала одна из лодок. Мы решили, что ею мог воспользоваться убийца. Там была сигнализация, но тот, кто хорошо знает поместье, мог отключить ее на три минуты с помощью выключателя, установленного на берегу. Я организовал поиск лодки.

— И вы нашли ее?

— Да, сэр.

— Где?

— Она плавала в бухте.

— Вы присутствовали при осмотре лодки?

— Да, сэр. Лодка недавно покрашена в зеленый цвет.

— Вы принимали участие в осмотре яхты «Кэти-Кэйт», принадлежащей обвиняемой?

— Да, сэр.

— И что вы там обнаружили?

— В одном месте борт яхты был испачкан зеленой краской.

— И что вы сделали с этой краской?

— Отправил на экспертизу для сравнения с краской на лодке, найденной в бухте.

— Что еще вы предприняли?

— Я предположил, что человек, который прыгал в лодку с причала, мог вполне уронить в воду какой-нибудь предмет. Я взял специальный фонарь и стал осматривать дно бухты в том месте у причала, где была привязана лодка.

— И вы нашли что-нибудь?

— Да, сэр. Мы нашли косметическую сумочку.

Шериф открыл портфель и достал опечатанный пакет с подписями.

— Сумочка в этом пакете.

— Вы составили опись содержимого сумочки?

— Да.

— А где предметы, находившиеся в сумочке?

— Они здесь, — сказал шериф и достал еще один пакет.

— Я вижу, пакеты опечатаны и подписаны. Кто их подписывал?

— Я подписал пакет, когда в него положили сумочку. Остальные тоже поставили свои подписи. Содержимое сумочки мы положили в другой пакет.

— Я попрошу передать пакеты присяжным, чтобы они смогли убедиться в целостности печатей.

Когда пакеты были осмотрены присяжными, Глостер, сказал:

— А теперь я попрошу вскрыть пакеты и приобщить их содержимое к делу в качестве вещественного доказательства.

— Возражаю, ваша честь, — сказал Мейсон. — И прошу разрешения задать несколько вопросов свидетелю.

— Задавайте.

Мейсон повернулся к шерифу и спросил:

— Значит, с помощью фонаря вы нашли дамскую сумочку на дне бухты?

— Да, сэр.

— Значит, сумочка лежала у самого причала?

— Да, сэр.

— Где ее мог обронить любой человек, стоявший на причале?

— Где женщина могла бы ее очень легко обронить, запрыгивая в лодку, — ответил шериф.

— Попрошу отвечать на вопрос, шериф. Сумочка лежала на том месте, куда ее мог обронить любой человек, стоявший на причале?

- Ну, можно сказать и так...
- А теперь ответьте, шериф, — продолжал спрашивать Мейсон. — Можно ли было определить по внешнему виду, когда эта сумочка была обронена?
- Ну, если посмотреть содер...
- Шериф, я говорю о самой сумочке, — перебил его Мейсон.
- Нет. По сумочке нельзя было ничего определить. Она просто лежала на дне.
- И она могла пролежать там довольно долго?
- Нет, не могла.
- Почему, шериф?
- Потому что существуют прилив и отлив.
- А сколько эта сумочка могла бы пролежать на одном месте? Не забывайте, что вы под присягой!
- Э-э... ну... не могу сказать.
- Я так и предполагал, — улыбнулся Мейсон. — Итак, поскольку вы честно сказали, что по сумочке нельзя было определить, когда ее уронили, то это мог сделать любой, включая подзащитную, которая могла уронить ее в субботу вечером.
- Вы говорите сейчас о самой сумочке?
- Именно о ней, — подтвердил Мейсон.
- Ну, если говорить только о сумочке, то тогда возможно и такое предположение. Но если посмотреть на содержимое...
- Я говорю только о сумочке, — перебил его Мейсон.
- Но содержимое сумочки показывает, когда ее уронили, — сказал шериф. — Когда мы посмотрели, что было внутри, то нашли вырезку из утреннего выпуска газеты «Экспресс» за третье число. В этой вырезке рассказывалось о похищении драгоценностей и о том, что Элдер...
- Одну минуту, шериф, — сказал Мейсон. — Я возражаю против любой газетной вырезки, которая может настроить присяжных против подзащитной, ведь неизвестно, кому принадлежит эта сумочка.
- Дайте мне пакет, — сказал судья Гарей. — Я взгляну на содержимое.
- Шериф достал пакет и подал его судье. Судья сунул в него руку, выложил содержимое на стол и взял вырезку. Прочитав ее, судья Гарей сказал:
- Эта вырезка имеет отношение к делу. Разумеется, она будет представлена лишь с целью доказательства времени, когда уронили сумочку.
- Ну хорошо, — проговорил Мейсон. — Только прежде чем суд позволит приобщить к делу сумочку и ее содержимое, я бы хотел задать шерифу еще несколько вопросов.
- Задавайте.
- Итак, шериф, вы сказали, что сумочку достали и поместили в один пакет, а ее содержимое — в другой и оба пакета опечатали.
- Да, сэр.
- И на них расписались?
- Да, сэр.
- Когда это было сделано?
- Почти сразу же, как только сумочку достали.
- Что значит «почти сразу же»? — спросил Мейсон.

— Это значит в короткий промежуток времени, — ответил шериф.

— А конкретнее?

— Я не ношу с собой секундомера.

— И все же мне бы хотелось знать поточнее, когда это было сделано.

— Я уже ответил на этот вопрос. Другого ответа у меня нет. В тот вечер у меня было много дел, и я не засекал время по секундомеру.

— Я вижу, — продолжал Мейсон, — что подписи на пакетах сделаны карандашом и чернилами.

— Совершенно верно. Я расписался чернилами, некоторые — карандашом.

— Но все подписи поставлены в одно и то же время?

— Да, сэр.

— Сразу же после того, как сумочку достали?

— Да, сэр.

— А вы не могли бы сказать, как именно эти подписи были сделаны?

— Ваша честь, — вставил Глостер, — вопрос не по существу дела.

— Если ваша честь позволит, — сказал Мейсон, — я докажу, что это очень важный вопрос, имеющий непосредственное отношение к существу дела.

— Хорошо, — проговорил судья.

Мейсон взял пакет, засунул туда сумочку, положил сверху чистый лист бумаги и подошел к шерифу.

— Поставьте на листе вашу подпись, шериф, — сказал Мейсон.

Шериф достал из кармана ручку, положил пакет с листом на колено и расписался.

— Благодарю вас, шериф, — произнес Мейсон и, взяв еще один лист чистой бумаги, положил его на стул судьи. — А теперь сделайте то же самое здесь.

Шериф, недоуменно пожав плечами, расписался и на нем.

— Я так и знал, — сказал Мейсон, взяв оба листа в руки, — подписи отличаются друг от друга.

— Ну, конечно, отличаются, — раздраженно проговорил шериф. — Сумочка ведь мешает...

— Совершенно верно! — воскликнул Мейсон. — Именно поэтому я и попросил вас расписаться на двух листах. Подписи на пакетах четкие и правильные, а это значит, что их ставили на пустом пакете. И кроме того, шериф, не забывайте, что сумочка была промокшей и она наверняка бы промочила пакет. Так что чернила на нем должны были расплыться. Но этого не произошло. Как вы все это объясните суду?

— Разумеется, я все объясню, — ответил шериф. — Мы не могли поставить подписи на пакете с сумочкой. Мы расписались на нем до того, как поместили туда сумочку.

— Ага, — сказал Мейсон. — Значит, вы и другие джентльмены подписывали пустой пакет, так?

— Я этого не говорил. Я сказал, что мы расписались на пакете, прежде чем поместить туда сумочку.

— Ну хорошо, — согласился Мейсон. — А как же получи-

лось, что мокрая сумочка не оставила никаких следов на пакете?

— Я... э-э... могу сказать...

Шериф с беспокойством взглянул на Глостера, потер рукой подбородок.

— Я жду ответа, — настаивал Мейсон.

— Ну, само собой разумеется, — сказал шериф, — нельзя было засовывать мокрую сумочку в бумажный пакет. Это было бы глупо.

— И что вы сделали?

— Я... э-э... Когда ее достали, я сказал, что мы могли бы подписать пакеты, а я потом положил бы туда сумочку и ее содержимое. Но я, естественно, не мог положить в пакет мокрую сумочку. Поэтому подождал, пока она высохнет.

— И сколько вы ждали, шериф? — спросил Мейсон.

— Ну, я не знаю. Мне доверили положить ее в пакет, а его опечатать, и я взял на себя эту ответственность.

— Одним словом, — сказал Мейсон, — все эти подписи говорят лишь о том, что люди, находившиеся вместе с вами, расписались на пустых пакетах и оставили сумочку у вас в надежде, что вы положите ее с содержимым в пакеты и опечатаете их сами на другой день.

— Не в другой день, а просто позднее.

— Другими словами, — пояснил Мейсон, — вам отдали пустые подписанные пакеты, а их содержимое вы вложили гораздо позже.

— Не гораздо позже, а вскоре.

— Но вы же сами сказали, что положили сумочку в пакет после того, как она высохла.

— Сумочка находилась у меня, и с ее содержимым ничего не случилось.

— А где вы сушили ее?

— В своем кабинете.

— И сколько она сохла?!

— Не знаю, я не засекал время.

— Значит, могло пройти два дня, прежде чем вы положили все в пакеты?

— Я уже ответил, что не хожу с секундомером.

— Итак, ваша честь, — проговорил Мейсон. — Нельзя с уверенностью утверждать, что эту газетную вырезку не положили в сумочку в то время, пока она сохла. Суд увидит, что вырезка не подвергалась воздействию воды.

— Вырезка была в коробочке, — сказал шериф. — В маленькой коробочке, похожей на пудреницу.

— Я не думаю, что суд пытались ввести в заблуждение, — после некоторой паузы произнес судья Гарей, — и все же это дело с подписями на пустых пакетах, шериф, не проясняет сути. Суд не готов сейчас принять окончательное решение о признании сумочки в качестве вещественного доказательства, но мы обсудим этот вопрос.

— У меня есть еще несколько вопросов к свидетелю, — сказал Глостер.

— Спрашивайте, — сказал судья Гарей, — а то пора прекращать заседание,

— А что еще вы делали на яхте обвиняемой, шериф?
— Я ее осматривал.
— И что вы нашли?
— Я нашел мокрую юбку. А впереди, на уровне правого колена, было небольшое розоватое пятно.
— И что вы предприняли?
— Я отдал его в лабораторию, чтобы проверить, не кровь ли это.
— А теперь, ваша честь, можно и закончить заседание, — сказал Глостер, улыбаясь.
— Итак, — произнес судья Гарей, — суд прерывает заседание. Оно возобновится завтра в десять часов утра.

Дороти Феннер огляделась, ища глазами смотрительницу.
— Минуточку, — ответил Мейсон. — Я хочу задать вам один вопрос... Дороти, посмотрите на меня...

Она медлила, потом губы у нее дрогнули.
— Только не плакать! — приказал Мейсон. — Что за глупости! Вокруг люди. Скажите, вы ходили туда? Ходили?

Она опустила глаза.

Он достал из портфеля письмо:

— Делайте вид, будто его читаете. А теперь ответьте, вы ходили туда?

— Да, — ответила она почти шепотом. — Я сделала, как он просил. Ворота были открыты. Когда я вошла в кабинет, он лежал на полу в луже крови. Я опустилась на колени. Он был мертв. И тут я услышала, как сзади кто-то закричал. Не оглядываясь, я бросилась к окну, выскочила на улицу и побежала к причалу.

Я поняла, что оказалась в ловушке. Но тут вспомнила, что на берегу был выключатель, который мог отключить систему сигнализации на три минуты — на случай, если бы Элдеру захотелось выехать с острова на одном из катеров. Я отключила сигнализацию и побежала к причалу. Там была небольшая лодка. Когда прыгала в нее, то, видимо, обронила сумочку. Я видела пятно на юбке. Когда доплыла до своей яхты, то попыталась стереть пятно, потом переоделась и на лодке добралась до берега. Только в автобусе обнаружила, что потеряла сумочку. Хорошо, что я всегда ношу с собой запасной ключ и один доллар на всякий случай.

— Кто-нибудь видел, как вы входили в отель?

— Я была напугана и проникла в отель через черный ход. Меня никто не видел.

— Ну почему вы не сказали об этом? Я ведь несколько раз спрашивал вас.

— Я... я... не хотела подводить вас. Если бы не сумочка... Мне казалось, что, если я вам все расскажу, вы не поверите...

Мейсон, улыбаясь, взял из ее рук письмо и положил его в портфель.

— Ладно, возвращайтесь в камеру и помалкивайте, — проговорил Мейсон. — Теперь понятно, почему Глостер так радовался, у него, наверное, есть свидетель, который видел вас в автобусе, когда вы возвращались в отель.

Мейсон взял портфель и вышел из зала суда.

Уже в автомашине Пол Дрейк сказал:

— Чепуха какая-то, Перри! Ты, конечно, сбил шерифа с толку этими подписями, но мне не нравится эта сумочка. Может быть, она все-таки ходила туда, Перри, она тебя обманула?

— Она обманула всех, даже себя, — сердито ответил Мейсон. — Она действительно туда ходила.

— Боже мой! — воскликнула Делла Стрит.

— А что ты сможешь сделать? — спросил Пол Дрейк.

— Не знаю. Нам нанесли два серьезных удара. Первый — Дороти Феннер была на месте преступления в день убийства. А второй — газетная вырезка, где Элдер обвиняет Дороти Феннер в похищении драгоценностей, рассказывает о том, что она побежала в воду, а там ее ждал сообщник в байдарке. Я полагаю, что они заявят о письме, но, похоже, они и не собираются. Придется это делать мне, а они будут утверждать, что письмо не имеет отношения к делу. Тем более мы не знаем, где оригинал. Чтобы убедить суд, что копия соответствует оригиналу, надо разыскать этого Пита Кадиза, который нашел бутылку. Если бы эта маленькая лгунья сказала мне правду. Ладно, посмотрим, что еще приготовил нам Глостер.

Мейсон, Пол Дрейк и Делла Стрит стояли и смотрели на человека, который играл на аккордеоне.

Аккордеон умолк, человек обернулся.

Мейсон представил своих спутников.

— Нам хотелось узнать о бутылке с письмом, которую вы нашли, — сказал Мейсон.

Кадиз посмотрел на него, но ничего не сказал. Потом он встал и выплюнул изо рта табак.

— Что конкретно? — спросил он.

— Я хочу знать точно, как и где вы ее нашли и что вы с ней сделали.

— Мне надоела цивилизация. Я купил себе лодку, на большее у меня просто не было денег, и стал жить сам по себе. Там есть небольшая бухточка, и в ней остается много всякого хлама после отлива. Ну вот я как-то копался там и вдруг увидел эту бутылку с письмом. Через стекло прочел: «Теербелл». Я здесь знаю всех яхтсменов, и они меня отлично знают. Ну поехал в город и позвонил Джорджу Элдеру. Он попросил меня привезти эту бутылку. Я привез, а он мне заплатил пятьдесят долларов за беспокойство. Ознакомился с письмом. Потом спросил меня, читал ли я его. А мне зачем читать? Мое дело собирать мусор. Так и ответил, тогда он мне дал еще сто долларов.

— Значит, Элдер дал вам пятьдесят долларов?

— Да.

— А потом добавил еще сто?

— Угу... еще сто.

— Элдер мертв, — сказал Мейсон. — Вы теперь не связаны никакими обязательствами перед ним, Пит.

— Что вы имеете в виду?

— Такой человек, как вы, не поедет в город звонить кому-то из-за того, что нашел бутылку. Я думаю, Пит, вы поступили иначе. Вы прочли письмо и поняли, что оно может заинтересо-

вать Элдера. Вот вы и отнесли ему бутылку. А когда он узнал, что вы читали письмо, то решил добавить вам еще сто долларов. Ну а что бы вы сделали, Пит, если бы вам пришлось выступать в суде?

Кадиз задумался.

— А вы неглупый адвокат. Я сейчас ничего не скажу. Если бы я и договаривался с Элдером о чем-нибудь, то бы не нарушил обещания. Но разговора о показаниях в суде у нас не было. Так что... Если бы меня вызвали свидетелем... черт с ним, сказал бы правду.

Мейсон достал из кармана листок.

— Кадиз, вот предписание, согласно которому вы должны явиться в суд завтра в десять часов утра в качестве свидетеля защиты в деле Дороти Феннер. Вы не будете выступать завтра, но вы должны явиться в суд. Вы свидетель защиты, и у вас нет никакого резона рассказывать кому-нибудь о нашем разговоре или о том, что вы собираетесь сказать в суде.

— Ладно, приду, — сказал Кадиз. — Хотя я и ненавижу всю эту суету.

В переполненном зале суда стояла напряженная тишина.

— Ваша честь, — говорил Клод Глостер, — у нас есть свидетель Рональд Диксон, который должен быть отпущен как можно раньше. Я бы просил суд временно отозвать шерифа и пригласить Рональда Диксона вне очереди.

— У вас есть возражения? — обратился судья Гарей к Мейсону.

— Возражений нет, ваша честь.

Рональд Диксон, высокий и слегка сутулый мужчина, занял место свидетеля.

— Вы работаете ночным портье в гостинице «Монаднок»? — спросил Глостер.

— Да, сэр.

— Вы знаете обвиняемую Дороти Феннер?

— Да, сэр.

— В какое время вы работаете?

— С четырех дня до полуночи, сэр.

— Вы работали третьего августа сего года?

— Да, сэр.

— А теперь, мистер Диксон, расскажите о том, что происходило во время вашего дежурства третьего августа.

— Ну, я прочитал в газете, что мисс Феннер была...

— Нет-нет, — перебил его Глостер. — Расскажите о том, что вы сами видели во время дежурства третьего августа.

— Да, сэр. Она приехала в отель примерно в пять тридцать вечера. Я еще поздравил ее...

— Вы с ней разговаривали? — перебил его Глостер.

— Да, сэр. Я разговаривал с ней, и она...

— И что случилось дальше? Что она сделала? — снова перебил его Глостер.

— Она спросила, не было ли для нее какой-нибудь почты. Я сказал, что ей миллион раз звонили. Она взяла все записки из ячейки и поднялась в свой номер. Потом примерно через час пришел какой-то джентльмен и сказал, что хочет видеть ее. Он

сказал, что она ждет его, так что можно ее и не предупреждать. Это не по правилам нашего отеля, но джентльмен внушал доверие. Я засомневался, а он дал мне пять долларов. Ну... и я позволил ему пройти к ней.

— А как долго этот джентльмен пробыл в отеле?

— Минут пятьдесят, наверное. Потом он спустился, поблагодарил меня и ушел.

— Вы бы узнали этого человека, если б снова увидели его?

— Да, сэр.

— А вы видели его снова?

— Да, сэр.

— Где?

— В морге.

— Значит, этого джентльмена звали Джордж Элдер?

— Так мне сказали, сэр.

— Я вам сейчас покажу фото, мистер Диксон, а вы мне скажете, знаете ли вы этого человека.

Глостер показал Диксону фото.

— Вы узнаете его?

— Да, сэр. Это тот самый джентльмен, который приходил в тот день к Дороты Феннер и дал мне пять долларов.

Мейсон сохранял спокойствие. Если Глостер пригласил вне очереди этого свидетеля лишь для того, чтобы тот сообщил о визите Элдера в отель, то, возможно, позиция Глостера не так уж и сильна. Мейсон позволил себе вздохнуть с облегчением. Факт визита он давно учитывал и был готов к показаниям этого свидетеля. Но тут внутри у Мейсона словно что-то екнуло, потому что Глостер спросил:

— Скажите, свидетель, видели ли вы, как обвиняемая выходила из отеля в тот день?

— Да, сэр. Я ненадолго отлучился, а когда вернулся на место, то увидел женщину, торопливо идущую к выходу из отеля. Это была Дороти Феннер.

— В какое время это происходило?

— Около половины восьмого вечера.

— Вы видели, как обвиняемая вернулась?

— Да, сэр. У нас есть двери, которые всегда заперты на ключ. Задняя дверь вестибюля, например, и дверь камеры хранения. Но их может открыть любой постоялец своим ключом от номера. Когда эти двери открываются, у дежурного на щитке загорается лампочка, и мы всегда можем проверить, кто вошел.

В этот раз тоже загорелась лампочка, и я пошел посмотреть. Это было в половине двенадцатого ночи. Сигнал показывал, что кто-то прошел через камеру хранения. Он вызвал лифт. Я прошел через лестницу и приоткрыл дверь. У лифта стояла обвиняемая.

— Как далеко от вас она находилась?

— Не далее десяти футов, сэр.

— Вы ее узнали?

— Совершенно верно, сэр.

— Во что она была одета?

— Белый свитер, голубые брюки и спортивные туфли.

— А теперь ответьте, была ли у вас возможность узнать, дей-

ствительно ли обвиняемая отсутствовала с семи до одиннадцати вечера?

— Да, сэр.

— Объясните, пожалуйста.

— Каждые три месяца мы проводим инвентаризацию имущества в номерах отеля. Поэтому, когда мисс Феннер вышла из отеля, я позвонил дежурной и сказал, что можно идти в ее номер. Мы обычно делаем опись в отсутствие постояльцев.

— А как была одета обвиняемая, когда выходила из отеля?

— На ней была юбка и жакет. А когда она возвращалась, на ней были брюки и свитер.

— Скажите, когда обвиняемая выходила из отеля, у нее была в руках сумочка?

— Да, сэр.

— А когда она вернулась в отель?

— Нет, сэр. Когда она возвращалась, в руках у нее ничего не было.

Глостер с улыбкой повернулся к Мейсону.

— А теперь, мистер Мейсон, можете задавать вопросы свидетелю.

Мейсон посмотрел на Диксона, как бы оценивая его, и спросил:

— Когда мисс Феннер первый раз пришла в отель в этот день, у вас с ней состоялся разговор?

— Да, сэр.

— А как долго он длился?

— Минут пять, я думаю.

— Попрошу вас пересказать подробно ваш разговор с мисс Феннер.

— Ваша честь, — громко произнес Глостер, вскакивая со своего места. — Это не относится к делу.

— По-моему, ваша честь, — сказал Мейсон, — защита имеет право знать весь разговор, если свидетель, давая показания, пересказывал хотя бы его часть.

— Совершенно верно, — согласился судья Гарей.

— Ну... Я поздравил ее с освобождением под залог. А она рассказала мне, что мистер Мейсон поставил в тупик мистера Элдера, и тот не мог назвать ни одной из украденных драгоценностей. И теперь мистер Элдер оказался в неловком положении.

— Я хочу напомнить, — вставил Глостер, — что это всего лишь разговор.

— Ваша честь, — сказал Мейсон, — мне бы хотелось, чтобы обвинение дало нам возможность ознакомиться с кое-какими вещественными доказательствами. Я имею в виду бумаги, которые обвинение нашло в кабинете покойного, если, конечно, таковые были найдены.

Судья Гарей вскинул брови.

— Вы хотите ознакомиться с вещественными доказательствами обвинения?

— Нет, ваша честь, — ответил Мейсон. — Я лишь говорю о тех бумагах, которые могут помочь защите и которые обвинение умышленно скрывает от меня.

— Не понимаю, о чем идет речь, — произнес Глостер. — Я могу лишь сказать, что у нас есть материалы, которые мы

собираемся предъявить в качестве вещественных доказательств.

— А вдруг вы передумаете и не захотите чего-то предъявлять суду?

— Это наше право.

— Тогда я тоже воспользуюсь правом ознакомиться с этими доказательствами.

Глостер начал было подробно излагать позицию обвинения, но Мейсон, перебив его, обратился к судье:

— Ваша честь, вы видите, что обвинение пытается скрыть вещественные доказательства.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутился Глостер. — Мы ничего не пытаемся скрыть. Мы...

— А помните, — перебил его Мейсон, — суд спрашивал у вас, где находится собака, а вы так и не ответили.

— Я не знал, — закричал Глостер, — я же сказал, что собакой занимался шериф...

— Одну минуту, — вставил Гарей. — Защита права. Суд ведь распорядился, чтобы вы все разузнали и сообщили защите.

— Значит, я не так понял, — сказал Глостер. — Я сказал, что шериф знает, где собака. Когда шериф давал показания, защита вполне могла сама его об этом спросить.

— Так где же собака? — спросил Мейсон.

— Я... э-э... Я не могу сказать, где собака сейчас. Я могу лишь сообщить, где она была.

— Почему вы не можете сказать, где собака сейчас? — спросил Мейсон.

— Потому что я не собираюсь выкладывать вам все на блюдечке. Собаку отвели в питомник «Акме», но одна из наших свидетельниц захотела взять ее к себе. Теперь собака у нее. Я не могу дать вам адрес, поскольку это адрес нашего свидетеля.

— Ну хорошо, — сказал Мейсон. — Еще защита хочет получить разрешение на осмотр места преступления.

— Ну что ж, — сказал судья Гарей. — Защита имеет право на осмотр места происшествия. Когда вы хотите это сделать, мистер Мейсон?

— Сегодня после обеда.

— Хорошо. Суд прервет заседание сегодня в двенадцать часов и возобновит его в понедельник в десять часов утра. У защиты будет время. А теперь есть ли еще вопросы к этому свидетелю?

— Нет, ваша честь, — ответил Мейсон.

— Тогда можно приглашать следующего свидетеля.

Глостер воинственно произнес:

— Следующий свидетель — Оскар Линден.

— Ваше занятие, мистер Линден?

— Я работаю на лодочной станции при яхт-клубе.

— Вы работали в субботу первого августа?

— Да, сэр.

— Сколько байдарок было взято в этот день?

— Двенадцать.

— Сколько из них вернули к десяти часам вечера?

— Восемь.

— А из оставшихся четырех какая-нибудь привлекла ваше внимание, когда байдарки были возвращены?

— Да, сэр. В одной из них на дне было много воды. Ее номер девятьсот шестьдесят один.

— И что вы сделали?

— В то время ничего, но вскоре после убийства Элдера я связался с начальством, и ко мне приехали для осмотра байдарок. Ту, что была под номером девятьсот шестьдесят один, по распоряжению шерифа я отдал. С нее снимали отпечатки пальцев.

— А у вас есть список людей, которые берут байдарки?

— Нет, сэр. Байдарки мы даем напрокат на час, на вечер или на двенадцать часов. У меня имеются только их номера.

— А эту байдарку на сколько брали?

— На вечер. До часу тридцати ночи.

— После того, как байдарку взяли в прокат, когда вы ее увидели снова?

— Утром у причала.

— А до того, как вы сдали эту байдарку экспертам, ее никто не брал?

— Нет, сэр.

— А теперь скажите, вы бы узнали человека, который брал байдарку, если бы увидели его снова?

— Да, сэр.

— А здесь нет этого человека?

Линден быстро показал пальцем на Мейсона и сказал:

— Вот этот человек.

— А теперь задавайте ваши вопросы, — сказал Глостер, обращаясь к Мейсону.

— У меня нет вопросов, — ответил Мейсон к удивлению суда и публики.

— Вызывается Сэм Дэрхем, — сказал Глостер.

Сэм Дэрхем занял место и сообщил, что он эксперт по дактилоскопии.

— Скажите, — спросил его Глостер, — вы проводили экспертизу байдарки номер девятьсот шестьдесят один?

— Да, сэр.

— Вы нашли на ней чьи-либо отпечатки пальцев?

— Да, сэр.

— Вы их идентифицировали?

— Да, сэр.

— И чьи это отпечатки?

— Это отпечатки обвиняемой.

— Были ли на байдарке еще чьи-либо отпечатки?

— Да, сэр.

— Вы их тоже идентифицировали?

— Сразу после экспертизы я не мог этого сделать.

— А когда вы их смогли идентифицировать?

— Вчера вечером.

— И чьи это отпечатки?

В суде воцарилось напряженное молчание. Сэм Дэрхем повернулся к Перри Мейсону:

— Это отпечатки Перри Мейсона, адвоката обвиняемой.

Судья Гарей застучал молотком, пытаясь успокоить зашумевшую публику. В конце концов он объявил пятнадцатиминутный перерыв.

Один из многочисленных журналистов прорвался сквозь толпу к Мейсону и спросил:

— Что вы можете сказать по поводу последнего заявления эксперта, мистер Мейсон?

Мейсон улыбнулся и спросил:

— Какого заявления?

— По поводу отпечатков.

— Я брал байдарку и, естественно, оставил на ней отпечатки пальцев.

— А что вы скажете об отпечатках обвиняемой?

— Очевидно, на байдарке оказались и ее отпечатки.

— Значит, вы признаете, что помогли обвиняемой скрыться после того, как она похитила?..

— Успокойтесь, — проговорил Мейсон, — давайте посмотрим на вещи трезво. Во-первых, нет никаких доказательств, что обвиняемая что-либо похитила, а во-вторых, спросите у прокурора, как он намеревается доказать, что эти отпечатки пальцев были оставлены в одно и то же время.

Судья Гарей вернулся из судейской и занял свое место.

— Я закончил опрос свидетеля Сэма Дэрхема.

— Можете задавать ваши вопросы, мистер Мейсон, — сказал судья Гарей.

— Когда вы снимали отпечатки пальцев, мистер Дэрхем? — спросил Мейсон.

— Около полуночи третьего числа.

— А как долго, по вашему мнению, такие отпечатки сохраняются на подобной поверхности?

— Вообще-то все зависит от погодных условий, но в данном случае можно говорить примерно о четырех днях.

— Значит, до вашей экспертизы я мог в любое время в течение четырех дней оставить на байдарке отпечатки пальцев.

— Да, сэр.

— И даже за десять минут до вашей экспертизы?

— Ну... я... я не готов ответить на такой вопрос.

— А почему?

— Э-э... ну, в принципе, возможно и такое.

— Можем ли мы сказать то же самое и про отпечатки пальцев подзащитной? — спросил Мейсон.

— Да, сэр.

— Значит, — сказал Мейсон, — судя по вашим же собственным словам, отпечатки пальцев подзащитной могли быть оставлены за четыре дня до вашей экспертизы, а мои за десять минут до нее, когда я осматривал байдарку.

— Ваша честь, — вставил Глостер, — я против такого допроса. Нет ведь никаких доказательств, что мистер Мейсон осматривал байдарку. Я могу доказать...

Мейсон широко улыбнулся и сказал:

— Я просто хотел уточнить временной фактор.

— Я возражаю против вашего утверждения, что вы осматривали байдарку, — сказал Глостер. — Если вы и осматривали ее, то я требую сказать, почему вы это делали?

— Не надо горячиться, — успокоил его Мейсон. — Я просто

хотел показать, что мои отпечатки могли быть оставлены на четыре дня позже, чем отпечатки подзащитной. Вы же, основываясь на том, что наши отпечатки оказались на одном предмете, пытаетесь уверить суд, что они оставлены в одно и то же время. Но чтобы это доказать, вам надо иметь побольше оснований. — Мейсон снова повернулся к свидетелю. — Вам известно, мистер Дэрхем, что проводился обыск гостиничного номера подзащитной?

— Да, сэр. Я сам там был.

— А прокурор Глостер тоже там был?

— Да, сэр.

— Значит, если бы мы сейчас провели экспертизу, то могли найти некоторые предметы, на которых были бы отпечатки пальцев как подзащитной, так и прокурора?

— М-м... я... возможно. Но ведь эти отпечатки были бы оставлены в разное время.

— Вот именно, — улыбнулся Мейсон. — А теперь, ваша честь, нам бы хотелось заняться осмотром места преступления.

Судья Гарей объявил:

— Суд прерывает заседание. Оно возобновится в понедельник в десять часов утра.

Шериф Кедди достал из кармана ключ и отомкнул калитку в каменной стене.

— Я очень занят. Суд разрешил мне впустить вас для осмотра и...

— Мы все осмотрим, — вставил Мейсон.

— Я думаю, это не займет у вас много времени.

— Ну это вы так считаете.

Подъехала вторая машина, и из нее вышли люди с миноискателями.

— Что это значит? — спросил шериф.

— Это специалисты. Они будут помогать мне осматривать место преступления.

— А зачем им миноискатели?

— Мы будем искать металлические предметы, которые могут быть в земле на глубине одного фута.

Шериф подумал.

— Ладно. Только ничего не копать.

— Идите туда, — сказал Мейсон помощникам с миноискателями. — Пол, вы и Делла останетесь со мной.

Мейсон, Делла Стрит, Пол Дрейк и шериф вошли в дом.

— Вот эта комната, — сказал шериф. — На полу все еще следы крови.

— А где была собака? — спросил Мейсон.

— Вон там.

Шериф открыл дверь чулана.

Мейсон начал осматривать царапины на двери.

— Да, царапины свежие.

— Конечно, — ответил шериф. — Собака рвалась защитить хозяина.

— Логично, — проговорил Мейсон. Они снова вернулись в комнату. — Значит, пуля прошла навылет?

— Да, — ответил шериф, — и вылетела через окно.

— Это как раз меня и интересует. Нельзя с уверенностью утверждать... — Мейсон приглядывался к потолку. — Здесь нет где-нибудь стремянки? Я хочу посмотреть вон ту дырочку на потолке.

— А что вы собираетесь там искать? — спросил шериф.

— Может быть, там пуля, — ответил Мейсон.

Шериф пожал плечами.

— Мне кажется, этой дырочки не было, когда мы осматривали тело.

— Почему?

— Если бы она была, мы бы ее заметили.

— Конечно, — сказал Мейсон. — Вы осматривали стены, но забыли о потолке.

— Ладно, пойдемте за лестницей.

Они спустились в подвал и принесли оттуда стремянку.

— Я первым, — сказал шериф, когда лестницу установили в чулане. Он поднялся по ступенькам.

— Похоже, здесь что-то есть.

Шериф достал из кармана перочинный нож.

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — Я хочу вас предупредить, шериф. Если это пуля, то надо доставать ее очень осторожно, чтобы не поцарапать.

— Знаю, знаю, — буркнул шериф и начал ковырять ножом дырку.

— Вы все записали, Делла? — спросил Мейсон.

— Да, каждое слово, — ответила Делла Стрит.

— Эй! — воскликнул шериф. — Я не даю интервью.

— Это вы так считаете, — сказал Мейсон. — Я предупредил вас, что к пуле не должны прикасаться посторонние предметы. Все это записано: мое предупреждение и ваш ответ. Вы же будете давать показания, если там окажется пуля, и объяснять, как вы ее нашли и как извлекли. Ответственность за повреждение пули лежит на вас.

За окном послышался крик, а потом шаги.

— В чем дело? — проворчал шериф, спускаясь с лестницы.

— Мы нашли! — крикнул один из помощников, когда Мейсон подошел к окну. — Мы нашли пистолет!

Шериф пошел к двери. Мейсон, Делла Стрит и Дрейк последовали за ним.

— Вот что значит оставлять ваших помощников без присмотра, — ворчал шериф. — Они закопали пистолет и...

— Я бы не делал подобных обвинений, шериф, — сказал Мейсон.

— Вот он, — сказал помощник, показывая на неглубокую ямку. — Мы его не трогали.

Шериф встал на колени и достал из ямы револьвер.

— Мне почему-то кажется, что его сюда подложили. Да, подложили. — Шериф осмотрел барабан. — Один патрон стреляный. Калибр сорок четыре.

Мейсон повел людей к участку пляжа напротив окна. Один из помощников достал сетку с мелкими ячейками.

— Эй! Что вы еще там ищете? — спросил шериф.

— Пулю, — ответил Мейсон.

— Ну это другое дело. Приступайте, только не забудьте, что теперь я с вами и вы не сможете ничего подложить.

Помощники начали тщательно просеивать песок.

— Эй! Подождите! — крикнул шериф и, пошарив рукой в кучке песка, вытащил сплюснутую пулю. — Вот она!

— Отлично, ребята, — сказал Мейсон. — Теперь можно заканчивать.

— Интересно, какого она калибра? — спросил шериф.

— Думаю, сорок четвертого, — ответил Мейсон.

— Послушайте, — возмутился шериф. — Если вы полагаете, что я попадусь на ваши фокусы, то вы ошибаетесь. Только идиот может поверить в ваши подкинутые доказательства.

Сидя за столом в своей конторе, Мейсон с удовольствием читал утренние газеты.

«Найдено еще одно орудие убийства Джорджа С. Элдера», — гласил заголовок одной из них, а чуть ниже было написано: «Странная пуля в потолке».

— Ну что, — спросила Делла Стрит, — вы собираетесь прочитать это вслух?

Мейсон кивнул.

— Я прочитаю некоторые места. Вот, послушайте.

«Шериф Кедди совершенно не согласен с выводами баллистической экспертизы, которая утверждает, что пуля, найденная в потолке чулана, была выпущена из пистолета Элдера. Более того, эксперт Хартли Эссекс считает, что найденная пуля сорок четвертого калибра и есть та пуля, которая убила Элдера.

Было установлено, что пуля сорок четвертого калибра была выпущена из револьвера, зарытого в песке.

Теперь возникает множество новых вопросов. Какая пуля убила Элдера? Если та, что найдена в потолке, то тогда Элдер, должно быть, наклонился вперед в момент выстрела.

Если же пуля сорок четвертого калибра, то вся теория обвинения должна быть пересмотрена. Даже если кто-то и стрелял в Элдера из револьвера сорок четвертого калибра, то каким же образом пуля из пистолета Элдера, найденного под его телом, могла оказаться в потолке?

На суде уже зачитывался акт экспертизы. Из него следовало, что Элдер был убит пулей тридцать восьмого калибра. А этот пистолет принадлежал самому Элдеру и был им собственноручно приобретен два года назад.

Хартли Эссекс говорил, что пули, проходя через человеческое тело и попадая в кости, довольно часто меняют направление движения. Однако в этом случае он не совсем понимает, как пуля могла оказаться в потолке.

Доктор Джексон Хилт, проводивший вскрытие, настаивает, что пуля двигалась вверх, но не изменяла общего направления. Если предположить, что Элдер стоял во время выстрела, то направление движения пули таково, что выходное отверстие оказалось на два дюйма выше входного.

Больше ничего не удалось узнать, так как прокурор Клод Глостер запретил любые интервью, как только появились разногласия в показаниях шерифа и экспертов.

Шериф Кедди не просто не согласен с тем, что его люди не заметили пули в потолке, но и требует объяснить, каким образом Перри Мейсон в течение нескольких минут обнаружил пулю. Откуда ему знать, что она там?»

Мейсон свернул газету и улыбнулся Делле Стрит.

— Шеф, — спросила она, — а откуда вы узнали, что пуля в потолке?

— Я не знал.

— Но ведь в газете написано, что вы уже через несколько минут нашли отверстие с пулей. Почему вы искали отверстие на потолке?

— А где же еще я должен был искать? Шериф и его люди осмотрели все остальное.

В понедельник зал суда был переполнен. Едва возобновилось заседание, как Глостер сказал:

— Ваша честь, все так называемые «вещественные доказательства» были подброшены. Их появление никак не может быть объяснено тем, что происходило в день убийства.

— Ну если так рассуждать, — возразил Мейсон, — то и все остальные улики можно посчитать подброшенными. Кстати, если суд позволит, мне бы хотелось еще раз спросить у обвинения, где же находится собака.

— Должен ли я понимать так, — спросил судья Гарей, — что обвинение до сих пор не сообщило вам, мистер Мейсон, о местонахождении собаки?

— Совершенно верно, ваша честь.

— В таком случае мы должны выяснить этот вопрос, — произнес судья Гарей.

— Собака у свидетельницы Кармен Монтеррей, — сказал Глостер. — И я считаю нецелесообразным открывать ее адрес.

— Где собака? — спросил Мейсон. — Либо вы скажете, где она, либо я вызову Кармен Монтеррей и спрошу у нее сам.

— Я согласен с защитой, — сказал судья Гарей.

— Хорошо, — произнес Глостер. — Я сейчас приглашу Кармен Монтеррей, и мы покончим с этим вопросом.

Через несколько минут Кармен Монтеррей заняла место свидетеля.

— Ваше имя Кармен Монтеррей? — спросил Глостер.

— Да, сэр.

— Вам известна собака по кличке Принц, которая в последнее время жила у мистера Джорджа Элдера?

— Да, я ее хорошо знаю. Коррина Лансинг взяла эту собаку у военных. Собака была еще молодой, я ее выдрессировала.

— Значит, вы знаете и любите собаку?

— Да, сэр.

— И поэтому после смерти Джорджа Элдера вы захотели взять ее себе?

— Да, сэр.

— И собака сейчас находится у вас?

— Да, сэр.

— Ну вот, — сказал Глостер, — надеюсь, теперь суду ясно, что никто не пытался скрывать собаку. Мисс Монтеррей, вы...

— Одну минуту, — сказал Мейсон. — У меня есть несколько вопросов к мисс Монтеррей.

— Ну что ж, спрашивайте. Но только про собаку, — согласился Глостер.

— Я именно об этом и хочу спросить. Мисс Монтеррей, нет ли у собаки на передней лапе поврежденного когтя?

— Поврежденного когтя?.. Нет, по-моему.

— А собака хромала?

— Нет.

— А была ли у нее кровь на лапе?

— Ах это! Я понимаю, о чем вы спрашиваете. Да, в чулане собака царапала дверь и слегка поранила лапу.

— Вы были очень привязаны к Коррине Лансинг, не так ли?

— Она была моим другом и хозяйкой. Я проработала у нее много лет.

— Когда вы вернулись сюда, вы видели объявление в газете, которое поместил Джордж Элдер?

— Ваша честь, я возражаю, — сказал Глостер. — Это не относится к делу.

— Это очень важно, ваша честь, — ответил Мейсон. — Вы сейчас увидите.

— Продолжайте, — распорядился судья Гарей.

— Вы читали это объявление? — спросил Мейсон.

— Да, — ответила она.

— И вы разговаривали с Джорджем Элдером?

— Да.

— И вы ходили к нему на встречу?

Она отвела взгляд.

— Не забывайте, — напомнил Мейсон, — что многое можно доказать.

— Да, я ходила к нему.

— И вы спросили его о письме, которое Минерва Дэнби написала на яхте Элдера, так?

Она долго молчала, потом наконец сказала:

— Да.

— К Джорджу Элдеру вы ходили третьего числа вечером около девяти часов?

— Да.

— И собака была рада вам?

— О, Принц был вне себя от радости!

— Вот именно, — согласился Мейсон. — И не было никакой необходимости держать собаку в чулане. И на самом деле собака начала царапать дверь и рваться наружу, когда услышала ваш голос. В общем, Элдеру пришлось выпустить ее из чулана. Так?

— Да.

— А когда вы обвинили Джорджа Элдера в убийстве Коррины Лансинг и между вами начался спор, Джордж Элдер выхватил пистолет. Вот тогда Принц кинулся вас защищать и схватил Элдера за запястье. Так, Кармен?

— Я... я... да, — сказала она.

— Поэтому на рукаве свитера Элдера вырван небольшой клочок, и поэтому Элдер выстрелил в потолок. И именно тогда вы убили его из револьвера сорок четвертого калибра, который

был у вас в сумочке. Я правильно говорю, мисс Монтеррей?

— Я... Мне пришлось это сделать. Он хотел меня убить.

Мейсон повернулся к Глостеру.

— Может быть, у вас снова появились вопросы? Теперь, мне кажется, суду понятно, почему важно разобраться с оторванным когтем.

— Должен признаться, — проговорил судья Гарей, — мне ничего не понятно.

— Все очень просто, — объяснил Мейсон. — Собака не ломала коготь. Царапины на двери были сделаны не во время убийства, а после того, как собака услышала голос своей настоящей хозяйки. Элдер выпустил Принца, и пес, защищая хозяйку, прыгнул на Элдера, когда тот попытался убить Кармен Монтеррей.

И Кармен тоже выстрелила, ей пришлось это сделать, так как она защищала свою жизнь.

Элдер упал мертвым, и тут Кармен Монтеррей испугалась. Она поняла, что убила человека, а присутствие собаки выдавало ее с головой. Поэтому она снова закрыла собаку в чулане. Только она могла сделать это после смерти Элдера. Но собака наступила на кровь, и когда хозяйка уходила, Принц снова стал царапать дверь. Вот таким образом кровь попала на дверь и пол чулана. Потом Кармен Монтеррей закопала пистолет, нашла в столе Элдера письмо в бутылке и ушла. А через некоторое время к Джорджу Элдеру пришла подзащитная. Вот таким образом, ваша честь, развивались события в тот вечер.

— Суд объявляет перерыв на тридцать минут, чтобы рассмотреть дело в свете новых обстоятельств.

Мейсон, Делла Стрит и Пол Дрейк сидели в кабинете Мейсона. На столе стояло ведро с бутылкой шампанского и три бокала.

Мейсон наполнил бокалы и сказал:

— За успешное завершение дела Дороти Феннер.

— За великого адвоката, — произнес Дрейк.

Мейсон улыбнулся.

— Я все время сбивал его вопросами о собаке, а потом менял тему разговора, так что Глостер забывал обо всем до тех пор, пока судье Гарей не показалось все это весьма подозрительным.

— А как ты догадался, что там произошло? — спросил Дрейк.

— Факты. Рассмотрим главные факты. Джордж Элдер владеет огромной компанией. Его сводная сестра Коррина находится на грани нервного расстройства и не соглашается подписывать бумаги, которые Элдер специально привез в Южную Америку. В тот же день она исчезает. Предполагают самоубийство. Но кто знает? Тело ведь так и не нашли.

С исчезновением Коррины Лансинг Джордж оказался бы связанным по рукам и ногам на семь лет, если бы ему не удалось найти доказательства ее смерти.

И тут появляется это таинственное письмо Минервы Дэнби. В нем Элдер обвиняется в убийстве. Из-за этого письма Элдер попадает в трудное положение. Его ошибка была в том, что он доверился Дорлею Элдеру, и тот понял всю значимость послания Минервы Дэнби.

Если бы об этом письме стало известно (а в нем косвенно доказывалась смерть Коррины Лансинг), то управление компанией намного бы облегчилось для Джорджа и для Дорлея. Однако Джордж Элдер не спешил объявлять о письме, поскольку в нем выдвигалось обвинение в убийстве. Но у Дорлея Элдера подобных осложнений в связи с письмом не возникло бы. Поэтому он стремился сделать письмо достоянием гласности. С этой целью Дорлей информирует Феннер о письме.

Джордж Элдер оказался в очень трудном положении. Он не мог уничтожить письмо, поскольку таким образом признавал бы свою вину. А потом Дороти Феннер похищает письмо. И Джордж Элдер оказывается в ловушке.

И вот тут я снова стал перечитывать письмо и пришел к выводу, что оно написано с таким расчетом, чтобы Джордж Элдер оказался в безвыходном положении. Я задумался над тем, кто мог написать подобное письмо и почему.

— И что ты решил? — спросил Дрейк.

— Если повнимательнее его прочитать, то становится ясно, что оно написано не человеком, которого ожидает смерть. Оно скорее художественное произведение. Но кто мог написать его? Элдер? Вряд ли он стал бы обвинять самого себя в убийстве. Скорее всего его писала женщина. Женщина, которая стремилась поставить Джорджа Элдера под удар. Это могла быть Коррина, Дороти Феннер или Кармен Монтеррей, ведь она считала Джорджа убийцей Коррины.

Потом я начал думать о собаке. Что-то было не так с этими пятнами крови. И тут меня осенило, что собака сначала наступила на кровь, а потом уже была заперта в чулане. Все остальное приобрело логическую стройность. А когда я представил, что когда происходило убийство, собака была не заперта, то сразу понял: только один человек мог снова запереть собаку в чулане.

Я пришел к выводу, что Джордж Элдер действительно убил Коррину, когда приезжал в Южную Америку. Ведь она, отказавшись подписывать бумаги, стала помехой для него на пути к богатству. А Кармен, поискав Коррину в Южной Америке, приехала сюда. Тут она узнала о больной в Лос-Мерритос и отправилась туда. Выяснилось, что это не Коррина. Кармен жалеет больную, дает деньги на ее лечение. А потом случился этот пожар. У Кармен возник план: что, если смерть Минервы Дэнби представить убийством, тогда Джорджу Элдеру придется отвечать перед судом и, вполне возможно, откроется загадка исчезновения Коррины Лансинг.

Вот так возникло письмо Минервы Дэнби, которое было подброшено Кадизу, а через него попало к Элдеру.

— И все же мне бы не хотелось оказаться на твоём месте, когда твои отпечатки обнаружили вместе с отпечатками Дороти Феннер, да и сама она не все тебе рассказывала.

— Это научит мистера Мейсона не раскатывать на байдарках и не подбирать плывущих мимо нимф, — сказала Делла Стрит.

Перевел с английского Александр ПАХОТИН

ОБ АВТОРАХ

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ родился в 1944 году в городе Баку. Окончил Азербайджанский университет. Астрофизик, старший научный сотрудник Института физики АН Азербайджанской ССР, кандидат физико-математических наук. Автор ряда фантастических произведений. В 1987 году в «Искателе» напечатан его рассказ «И услышал голос».

РОМАН ЛЕОНИДОВ 1943 года рождения. Окончил Азербайджанскую государственную консерваторию. Публиковался в периодических изданиях и сборниках фантастики. Преподаватель Астраханской консерватории.

ХЕЛЮ РЕБАНЕ родилась в Таллине, по образованию математик. Работала инженером-программистом. Ее рассказы печатались в журналах «Леоминг», «Ноорус», «Вокруг света». Автор книг «Маленькое кафе» и «Выигрывают все». Живет в Москве.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР (1889—1970) — американский писатель, автор многих детективных произведений, а также книг по криминалистике, истории и археологии. Юрист-самоучка. В 1933 году ввел в свои произведения героя по имени Перри Мейсон, который принес ему всемирную известность. К началу 1978 года вышло 82 романа (более 200 млн. экземпляров книг продано в США), главным героем их является Мейсон. В «Искателе» печатались произведения Э. Гарднера: «Дело очаровательного призрака» и «Мейсон рискует».

На I—IV страницах обложки рисунки Максима СВЕТАНОВА
к повести «СУД»

На II странице обложки рисунок Бориса ИОНАЙТИСА
к повести «ГОРОД НА АЛЬТРУСЕ»

На III странице обложки рисунок Льва РЯБИНИНА
к повести «ДЕЛО НЕБРЕЖНОЙ НИМФЫ»

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и Е. КУЗЬМИНА

Редактор выпуска С. БЕЛОЗЕРОВ

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор И. ВОРОБЬЕВА

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-80-10, 285-88-84

Сдано в набор 10.01.89. Подписано в печать 17.02.89. А00826.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,3.

Тираж 300 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 23.

© «Искатель», 1989 г.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сушевская, 21

ИСКАТЕЛЬ

Павел АМНУЭЛЬ
Роман ЛЕОНИДОВ

Хелью РЕБАНЕ

Эрл Стенли ГАРДНЕР

Цена 60 коп.

